

Мемуары Юрия Львовича Пивоварова, профессора, доктора географических наук, одного из старейших членов (1955) Русского Географического общества, специалиста в области социальной и экономической географии, написаны не в нейтральной, спокойной манере.

Это во многом эмоциональное повествование человека, который с детства был воспитан в обстановке фальшивой идеологии и ложных идеалов, фантастических измышлений и тотального страха. С печальной иронией он честно показывает путь, который прошел, — от приверженности комсомольским идеалам до полного неприятия коммунистической диктатуры.

С любовью и улыбкой вспоминает автор Золотой век географического факультета МГУ в трудные послевоенные годы, профессоров, у которых посчастливилось учиться, своих однокашников. Он рассказывает с пиететом об отцах-основателях Института географии Академии наук СССР, с гордостью — о коллегах и друзьях, с кем довелось многие годы вместе работать и размышлять о социально-географических проблемах России, о ее блужданиях по нелегкому бездорожью, в дебрях реального социализма.

Воспоминания
и размышления
экономгеографа

В ДЕБРЯХ РЕАЛЬНОГО
СОЦИАЛИЗМА:

Юрий Пивоваров

ЮРИЙ ПИВОВАРОВ

В ДЕБРЯХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА:

Воспоминания
и размышления
экономгеографа

ISBN 978-5-00189-135-2

9 785001 891352

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.Л. ПИВОВАРОВ

В ДЕБРЯХ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА:

Воспоминания
и размышления
экономгеографа

*2-е издание,
переработанное
и дополненное*

Москва 2021

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Р-6КБ)
ПЗ2

Книга выходит в авторской редакции.

Пивоваров Ю. Л.

В дебрях реального социализма: воспоминания и
ПЗ2 размышления экономгеографа. 2-е изд., перераб. и
доп. – М.: Издательство «Перо», 2021. – 380 с.

ISBN 978-5-00189-135-2

Мемуары Юрия Львовича Пивоварова, профессора, доктора географических наук, одного из старейших членов (1955) Русского Географического общества, специалиста в области социальной и экономической географии, написаны не в нейтральной, спокойной манере. Это во многом эмоциональное повествование человека, который с детства был воспитан в обстановке фальшивой идеологии и ложных идеалов, фантастических измышлений и тотального страха. С печальной иронией он честно показывает путь, который прошел, – от приверженности комсомольским идеалам до полного неприятия коммунистической диктатуры.

С любовью и улыбкой вспоминает автор Золотой век географического факультета МГУ в трудные послевоенные годы, профессоров, у которых посчастливилось учиться, своих однокашников. Он рассказывает с пиететом об отцах-основателях Института географии Академии наук СССР, с гордостью – о коллегах и друзьях, с кем довелось многие годы вместе работать и размышлять о социально-географических проблемах России, о ее блужданиях по нелегкому бездорожью, в дебрях реального социализма.

ISBN 978-5-00189-135-2

© Пивоваров Ю.Л., 2021

ЮЛЕ

Среди миров, в мерцании светил,
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Иннокентий Анненский, 1909

Ю.В. Спиридонова перед поступлением в МГУ. 1948 г.

И вновь я вижу пред собой
Дней прошлых гордые следы.

А.С. Пушкин

Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойно простотой.

Е.А. Баратынский

Там украшают флаг, обнявшись, серп и молот,
Но в стену гвоздь не вбит, и огород не полот.

Иосиф Бродский

А вся страна расцвечена и флагами волнуется,
Давно уж люди верные назначены кричать:
«Да здравствует правительство, и будь здорова
партия.

И наша власть советская – качать ее, качать!»

Владимир Туриянский

И вот тогда – из слез, из темноты,
Из бедного невежества бывшего
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.

Белла Ахмадулина

ОТ АВТОРА

Эти воспоминания посвящены памяти Юлии Владимировны Спиридоновой (1930–2016). Она окончила географический факультет Московского Государственного Университета (МГУ) в 1954 году. Юлия была одной из лучших, если не лучшей, студенткой своего курса. А ее курс был очень сильным. На нем учились студенты, которые в дальнейшем внесли большой вклад в изучение наук о Земле. Среди них Арманд А.Д., Зимин Б.Н., Канцеговская И.В., Котляков В.М., Кренке А.Н., Липец Ю.Г., Серебряный Л.Р., Шлихтер С.Б., Шполянская Н.А. и другие «корифеи».

Конечно, автор просто был обязан написать подробнее о своем замечательном курсе, об отдельных его представителях и общей атмосфере тех лет.

И, наконец, о коллегах из Института географии Академии наук СССР/РАН, в котором автор проработал почти 40 лет.

Вот эти три объекта: Юлия, мои однокашники и коллеги из Института географии являются основными персонажами настоящей книги. При этом старался следовать мудрым советам К.Г. Паустовского¹, одного из самых выдающихся мастеров прозы XX века: «Они (многие люди) не подозревают, что факт, поданный литературно, с опусканием ненужных деталей и со сгущением нескольких характерных черт, освещенных слабым сиянием вымысла, вскрывает сущность вещей во сто крат ярче и доступнее, чем правдивый и до мелочи точный протокол».

Воспоминания, тем более размышления, всегда субъективны, да и одно и то же событие со временем часто вспоми-

¹Паустовский Константин Георгиевич (1892–1968) – советский писатель, один из самых любимых мной. Его произведения, помимо большой художественной ценности, содержат важные географические характеристики ряда районов б. СССР (Мещора, Приочье, Кара-Бугаз, Колхида и т.д.). Мастер лирической прозы, он рисует непритязательную красоту русской природы и «неторопливое счастье созерцающего человека. Последние годы писатель жил в Тарусе. Похоронен в ее окрестностях на высоком берегу Оки.

нается по-другому. Поэтому я старался сохранять точность фактов, нас возможно через десятки лет, а их интерпретацию даю так, как все это воспринимается уже сегодня.

При первом упоминании крупных писателей, композиторов, философов, географов, историков и прочих деятелей культуры в примечаниях на той же странице дается их краткая характеристика (до 4–6 строк).

Понятие «реальный социализм» используется нами как оно и было в стране Советов, в двух смыслах. Во-первых, это реальная действительность – коммунистическая диктатура, прикрываемая, как фиговым листочком, этой картинкой, и имеющая звучные и бессодержательные названия: социализм в одной отдельно взятой стране, страна победившего социализма, развитой социализм, социализм с человеческим лицом и т.д. А во-вторых, – это красивая картинка, нарисованная агитпромом, и не имеющая отношения ни к реалиям тех лет, ни, тем более, к социализму

Перечитывая страницы, посвященные моим учителям, коллегам, друзьям, я снова и снова вспоминаю их, возвращаясь к тем временам и событиям и чувствую, как многое изменилось в XXI веке. Для нового поколения географов эти люди – лишь ничего или мало говорящие имена. Пусть же мои заметки дадут возможность немного познакомиться с ними и с их временем.

* * *

Автор выражает признательность доктору географических наук профессору Алексею Николаевичу Гуне, а также Евгению и Татьяне Лампе, Зинаиде Карих, Марии Гуменюк, Вольдемару Кайму и всему коллективу фирмы «Эскорт» во главе с Александром Зусмановичем (Берлин) за большую и длительную помощь, благодаря которой стала возможна публикация этой книги.

9 апреля 2019 года
Ю.Л. Пивоваров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще люблю подчас жизнь старую свою
С ее ущербами и грустным поворотом.

П.А. Вяземский

Воспоминания, которым посвящена эта книга, возвращают к середине прошлого века. После разрушительной и кровопролитной войны пережившие ее надеялись на ощутимые изменения к лучшему. Слишком велики были жертвы во имя Победы, многие повидали, как живут на Западе, да и вообще после большой войны в стане победителей естественны большие ожидания. Но, как скоро выяснилось, они опять не оправдались. Ведь на Руси всегда любили уповать на чудо, то от золотой рыбки, то по щучьему велению, а тут всего-то хотелось обычной нормальной жизни. Некоторые даже знали, когда она наступит – в 1980 году, так это ждать оставалось совсем уж и немного – каких-то 30–35 лет.

И разобраться во всем этом, пройти сквозь сказочный туман и приятные уху байки вчерашнему школьнику было не так уж и легко. Почти вся моя жизнь – это эволюция от восприятия действительности глазами комсомольца «сталинского разлива» до осознания советской версии догматизированного марксизма-ленинизма как типичный лженауки. Эту свойственную моему поколению перемену взглядов, а вместе с тем и всего мирозерцания убедительно показал Ю.Ф. Карякин, он помог лучше понять то, что держало полстраны в слепом повиновении бесам российской и мировой истории¹.

¹Карякин Ю. Перемена убеждений (от ослепления к прозрению). М.: Радуга, 2007. 416 с.

Карякин Юрий Фёдорович (1930–2012) – философ, литературовед (творчеством Ф.М. Достоевского занимался всю жизнь), политик, яркая звезда талантливого поколения шестидесятников, людей не вполне свободных, но освобождающихся. Вот этот путь освобождения и есть смысл и содержание его книги о себе и своем поколении.

Страна строила реальный социализм, в привлекательности которого убеждал все время огромный аппарат проповедников всех мастей, где бы мы ни были. Ведь даже в лучшем университете страны фальсифицированная история партии, надуманная политэкономия социализма, военное дело, плюс бесконечные комсомольские собрания, политинформации, агитация избирателей за «блок коммунистов и беспартийных» занимали до четверти всего учебного процесса. За счет недостаточного изучения иностранных языков, статистики, демографии, источниковедения, слабого и не всегда объективного знакомства с зарубежным миром, его проблемами, культурой, мировой географической литературой.

И это очень характерно для реального социализма. Когда у летчиков-немцев спрашивали, как это они, герои Рейха, сумели сбить по 400–600 самолетов, а советский герой – Покрышкин – только 59, и тоже герой... Немцы, учившиеся в наших авиашколах, скромно отвечали, что в ту пору, когда советские летчики сидели в классе, изучая историю партии, они летали – и готовились к боям¹.

События второй половины XX века снова и снова возвращают нас к наболевшему и неразрешимому вопросу: почему Россия с ее огромными природными и людскими ресурсами никак не может стать свободной и обеспеченной страной? Почему она остается отсталой, слабо развитой страной с низким населением и хищнически используемой землей? Ведь для географии еще со времен Элизе Реклю это основные объекты изучения².

¹Письма Виктора Астафьева // О войне, правде о ней и цене победы // Новая газета. 2015. № 30, 27 марта. С. 17.

Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – один из крупнейших советских писателей. Герой Социалистического Труда, неоднократный лауреат Государственных премий СССР и России, автор рассказов о войне, цене победы, жизни современной сибирской деревни, проблемах нравственности и устоев жизни в годы реального социализма.

²*Реклю Жан-Жак Элизе* (1830–1905), французский географ и социолог, выпустил в 1876–1890 гг. 19-томное издание «Земля и люди. Всеобщая география», в котором дал общую картину развития человечества и описание стран.

Потеряв надежду, все больше молодых, образованных и активных специалистов и предпринимателей, к сожалению, эмигрируют из страны. Причем раньше в основном – на Запад, а теперь еще и на Восток, в Китай, вплоть до Австралии и Новой Зеландии. По данным КГИ (Комитет гражданских инициатив) численность эмигрантов из России за последнее четверть века составляет 13,5–18 млн человек. Это примерно 10–12% всего населения страны!

Новое поколение политиков, философов, экономистов и историков объясняет этот феномен катастрофического разрыва между возможностями и действительностью в России особенностями его исторического развития. После Октябрьского государственного переворота 1917 года и разгона Учредительного собрания в январе 1918 года 100 лет основой государства стали ложь и террор.

Они явились его системообразующими элементами, поддерживая иллюзию легитимности всех властей в течение жизни нескольких поколений и помогая скрывать раскол между государством и обществом.

Народ в России не сопротивляется государству. Дело значительно хуже – он уходит от него, он налаживает свою жизнь вне государства. «Уходящий народ, считая государство чужим, естественно, не является его опорой»¹. «Воинствующие имморализм и всеобъемлющая ложь, насаждаемая в обществе, возвращение грубой официальной пропаганды привели к духовной усталости народа, к политической и социальной апатии, утечке мозгов и иммиграционным настроениям»².

¹Смотри подробнее программную статью Григория Явлинского «Ложь и легитимность» // Новая газета. 2012. № 16. 15 февраля. С. 10–11.

²Там же. С. 10.

Явлинский Григорий Алексеевич (р. 1952) – видный политический и государственный деятель, экономист. В 1990 году заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. Депутат Государственной Думы. Создатель и идеолог партии «Яблоко» с либеральным уклоном. Кандидат в Президенты РФ.

Таков ответ на вопрос о вековой отсталости России. Воспоминания и размышления автора могут служить лишь некоторыми иллюстрациями к нему. Хотя, конечно, события одной жизни – «не более песчинки в огромной Сахаре» российской действительности. Но ведь из множества этих «песчинок» и складывается российская действительность, ее эпоха и люди. Вот о географах в интерьере того времени – наши воспоминания и размышления.

Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимым мрак, – писала Анна Ахматова в своих дневниках¹.

Вот эти «вспышки памяти» и составляют основу настоящих заметок о студенческих годах на географическом факультете МГУ (1946–1951) и о работе в Институте географии АН СССР / РАН (1957–1996), а также о времени до, между и после этих основных вех в жизни автора.

Работая над воспоминаниями, я пытался все разнородные, разделенные во времени и избирательностью памяти события все-таки как-то «организовать». Наиболее важными стали три сюжета: во-первых, факты из жизни, связанные, прежде всего, с учебой на географическом факультете и затем хождениям по нелегким дорогам геоурбанистики; во-вторых, воспоминания о самой эпохе, на фоне которой проходила моя профессиональная деятельность, а в-третьих, восприятие и оценка происходящих на глазах расхождений между нуждами людей и решениями государства.

Все чаще появлялись у правоверного комсомольца вопросы, а со временем и ответы на них, почему «атмосфера в стране создавала убеждение, что реальность, которую ви-

¹Ахматова (наст. фам. Горенко) Анна Андреевна (1889–1966) – великая русская поэтесса. Самое крупное женское имя в истории русской поэзии. Лирические стихи о человеческих отношениях, любви, гражданских чувствах. Всю лирику Анны Андреевны можно по праву назвать «Поэмой без героя». Умерла в Комарово под Ленинградом (см. также: Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М., 2009).

дел я, не существует, а есть другая реальность, которую периодически выдумывают заново»¹.

Многие вопросы в прошлом у меня возникали тогда, когда я от действительности переходил во «вторую реальность» с ее все новыми банальными мифами. Иными словами, оставайся всегда в ладах с действительностью, и никаких вопросов к происходящему не будет – конечно, не было ни «безродных космополитов», ни «убийц в белых халатах», ни «эффективного менеджера», ни агрессивного Запада и т.д. Но едва ты переходишь во «вторую реальность», то беда! Ты попадаешь в дебри «реального социализма», где все «непонятно – откуда взялась в свое время «кровавая клика» Тито – Ранковича – Карделя – Джиласа (теперь и имен-то этих, кроме Тито, мало кто помнит), чем стал плох Антифашистский еврейский комитет, собравший в США и Канаде много денег во время войны, как допустили чехословацкие коммунисты во власть «ревизиониста» Александра Дубчека², почему лишили советского гражданства Мстислава Ростроповича и Галину Вишневскую и т. д.? Поэтому бывшее вспоминается по возможности только в первой реальности, очищенной от партийного мифотворчества.

Конечно, мне тогда еще было далеко до осмысления всех событий современной российской истории в «немарксистских» терминах раскола между властью и народом. Ведь на каждом шагу в лучшем университете страны, да и потом, сдавая, например, кандидатский минимум в Академии Наук СССР, нам твердили, и мы повторяли лозунг о «единении партии и народа». А сегодня понимаем все, что происходи-

¹Ахиезер А.С. Труды. М.: Новый хронограф. 2008. Т. 2. С. 9.

²Дубчек Александр (1921–1992) – Первый секретарь Компартии Чехословакии (в 1968 – до апреля 1969 года). Один из руководителей реформирования в стране. Председатель Федерального собрания Чехословакии в 1969 и с декабря 1989 года.

ло, с точностью до наоборот. Раскол между властью и народом, государство и общество – основополагающие понятия в философии многовековой истории России. Она стала таковой во многом благодаря теории общественного развития России, разработанной А.С. Ахиезером в девяностых годах прошлого века (об этом будет ниже).

Во второй половине XX века Институт географии далеко ушел вперед в научных исследованиях и полученных на их основе результатах. Он упрочил свое положение флага на российской географии. Но, к сожалению, климат, сама аура, обстановка в институте за это время также стали иной. На смену рыцарям светлого образа, Дон Кихотам географии, неисправимым романтикам, последним из Могикан пришли совсем другие герои – деловые, жесткие деятели, организаторы науки, а то и просто деляги, которые порой излишне увлекаются не только и не столько наукой, сколько ее коммерциализацией. В этом Институт тоже продвинулся, к сожалению, далеко-далеко. Конечно, сказались общие ветры эпохи, о которой с горькой иронией писал Фазиль Искандер¹:

От века тирана
До века наживы
Дожили, хоть странно:
Мы все еще живы.

¹*Искандер Фазиль Абдулович* (1929–2016) – Лауреат Государственной премии СССР, один из самых любимых отечественных писателей. Создатель абхазской Вселенной, знаменитого Сандро из Чегема. В его произведениях видимый смех и невидимые слезы помогают понять течение жизни, которая часто гораздо сильнее человека. Фазиль Абдулович – один из тех, кому удалось понять и описать те ужасные изменения, которые произвели с людьми в годы насилия и страха. Умер в Москве.

Времена, конечно, изменились. И невольно вспоминаются известные стихи Георгия Иванова¹ в блестящем исполнении Александра Вертинского²:

Вы ошибаетесь, друг дорогой,
Мы жили тогда на планете иной.

Вот об этой планете – наши воспоминания и размышления.

¹*Иванов Георгий Владимирович* (1894–1958) – русский поэт. Единственный случай, когда большой поэт сложился в эмиграции (с 1922 года). Мемуарные импровизации «Петербургские зимы» (1928). Умер в Париже.

²*Вертинский Александр Николаевич* (1889–1957). Государственная премия СССР (1951). Вернулся из эмиграции в СССР в 1943 году. Изысканно-интимная манера изложения отличалась разнообразием интонаций, выразительностью жестов. Автор музыки и текста ряда песен. Умер в Москве.

І. ДОВОЕННОЕ ДЕТСТВО

О детстве счастливом, что дали нам,
Веселая песня звени.
Спасибо товарищу Сталину
За нашу счастливую жизнь.

Эх, хорошо в стране Советской жить,
Эх, хорошо в стране любимым быть.

Из песен 1937–1938 годов

Бодрые мелодичные песни советских композиторов Исаака Дунаевского, Матвея Блантера, Дмитрия и Даниила Покрасс в предвоенные годы все время звучали по радио, на первомайских демонстрациях, на площадях и улицах столицы. В то же самое время другие композиторы, тоже советские, такие, как Дмитрий Дмитриевич Шостакович¹, каждый день ложились спать с небольшим чемоданчиком вещей. В нем пара белья, мыло, зубная щетка, в общем – все, что нужно «там». Потому, что, как пелось в другой, – «в воздухе пахло грозой...», что-то «давило» наших родителей, репрессии продолжались. Хотя тогда мало кто знал, что в лагерях, колониях и тюрьмах находилось свыше 2 млн заключенных (эти цифры 1939 г. стали известны только через полвека), т.е. каждый 95-ый гражданин свободной страны Советов (включая детей и стариков).

¹Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – композитор, классик мировой музыкальной культуры XX века. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской премии, 6 Государственных премий СССР. В 15 симфониях, 15 струнных квартетах и в других сочинениях осмысливает трагические конфликты и события XX века, современными средствами воплощает сложный духовный мир художника-гуманиста.

Жизнь в стране отчетливо шла как бы в двух измерениях. В действительности, все, создававшие своеобразие момента, тряслись и по ночам прислушивались к звукам на лестничной площадке: за кем пришли? А во «второй реальности» страна пела и плясала от радости, и это запечатлел один из поэтов той эпохи Василий Лебедев-Кумач¹.

Посмотри, поет и пляшет
Вся Советская страна.
Нет тебя милей и краше,
Наша красная Москва.

Где-то в 1937 или 1938 г. на день рождения тетя Белла, папина сестра, подарила мне «Советские песни» в темном леде-риновом переплете на хорошей бумаге (как издали в свое время «Биографию Сталина»). С тех пор я их очень полюбил, пел тогда, и сейчас нередко вспоминаю, в общем – на всю жизнь, ведь какие тексты эпохи!

А жизнь эта началась 9 апреля 1929 г. в роддоме им. Грауэрмана на Арбате, недалеко от Остоженки (одно время Метростроевской), где тогда жили родители. Отец потом не раз вспоминал, какой я был тогда маленький, красненький, до-

Лев Лазаревич Пивоваров.

Перед поступлением
в Московский университет.
Январь. 1914 г.

¹С дочкой В.И. Лебедева-Кумача(1898–1949), Мариной, я сидел на одной парте в начальных классах. Василий Иванович был советским поэтом-песенником, и только сравнительно недавно я узнал, что он писал и лирические стихи, которые тогда не решался предложить для печати. См.: Антология русской эротической поэзии. М.: Эксмо, 2007. С. 761–762.

тронуться было страшно. Это же я увидел через 30 лет, когда привез из того же роддома и в ту же комнату сына. Мне тоже было страшно, когда впервые купали его в той же ванночке, у той же теплой печки.

Отец, Лев Лазаревич (1892–1968), был родом из небольшого местечка Дубровка под Брянском в знаменитой черте оседлости¹. Мой дедушка умер еще в 1926 г., бабушка, умница – в феврале 1941 г., избежав таким (хотя, может быть, и не самым лучшим) образом всех ужасов и мытарств войны и эвакуации. Отец часто вспоминал свое житье в местечке с большим пиететом: хотя жили они не богато, но в достатке, а главное спокойно, особенно по сравнению с тем, что его ожидало после Октябрьского переворота 1917 года. Перед самой Первой мировой войной он приехал в Москву и получил право на жительство для поступления в Московский университет, на медицинский факультет. По иронии судьбы присутствие, где он получил это свидетельство, находилось в доме напротив храма Христа Спасителя, рядом с Остоженкой (когда-то там стояли царские стога сена в пойме Москва-реки). При нас в помещении присутствия был общественный туалет. Но еще больше этот дом знаменит тем, что в нем жил герой одного из лучших рассказов Ивана Бунина «Чистый понедельник».

Отец окончил медицинский факультет МГУ в 1919 году, и сразу весь их выпуск попал на фронты Гражданской войны. Затем он участвовал в советско-финской войне 1939–1940 гг., которая показала всему миру неумение воевать, бездарность советских генералов и маршалов, которые только и побеждали благодаря самоотверженности солдат, кото-

¹Черта оседлости в 1791–1917 гг. означала границу территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям (за исключением купцов 1-ой гильдии, ремесленников, студентов и немногих других категорий населения). Охватывала 14 губерний Царства Польского, Литвы, Белоруссии; Бессарабию, Курляндию, большую часть Украины. Отменена большевиками одним из первых декретов в 1918 г.

рых не жалели. Потери были огромными, а ранения и увечья (особенно от больших морозов) очень тяжелыми, и рассказывал он об этой войне мало, неохотно. Госпиталь тогда находился в Стрельне, она известна знаменитыми комплексами дворцово-парковых ансамблей XVIII – первой половины XIX веков. Третьей для отца была война 1941–1945 гг. Один из его братьев и муж сестры погибли в сталинских лагерях, а племянник, мой двоюродный брат Марк – на фронте.

Л.Л. Пивоваров с ранеными во время советско-финской войны 1939–1940 годов. Госпиталь в Стрельне. Март. 1940 г.

Мать, Аппель Роза Израилевна (1901–1987), была врачом-терапевтом и перед войной работала в Военной академии химзащиты им. К.Е. Ворошилова. Дед, Израиль Семёнович Аппель (1875–1957), был крупным подрядчиком-строителем (согласно табели о рангах купцом 2-ой гильдии) в Самаре. У него было 9 детей, большой дом и все, что положительно состоятельному человеку. Бабушка, Фанни Лазаревна (1877–1959), в молодости была красивой и капризной дамой

Фанни Лазаревна Аппель.
Начало XX в.

(потом красота исчезла, а ее капризы я еще застал). После 1917 г. надо было уезжать из города, где деда хорошо знали как «буржуя», и семья оказалась в Москве, только уже без дома, денег, многочисленной челяди. Надо отдать должное деду. В годы НЭПа он организовал производство шнурков для обуви, а потом до конца жизни (до 82 лет) работал сметчиком – составлял сметы для строительства. Всем детям Израиль Семенович при советской власти сумел дать высшее образование. Старший его сын Виктор, спо-

собный радиоинженер, во время войны получил Сталинскую премию за разработку радионавигационной аппаратуры для боевых самолетов, средний Самуил был большим строителем – начальником, а самый младший Моисей воевал и вернулся домой капитаном¹. Но эти три сына «провинились», они женились на русских (гойках), только один Исаак был правильным. И сколько я помню, они, провинившиеся, никогда не были в доме отца. Каков религиозный фанатизм!

¹Антисемиты любят говорить о том, что «они не воевали». Пусть лучше прочтут блестящий очерк Евгения Даниловича Аграновича (1919–2010) «Евреи не воевали» (Еврейская газета, 2010, № 7. С. 17), написанный им давно, но опубликованный сравнительно недавно. На наш взгляд, это одно из лучших произведений о войне, образец той самой «лейтенантской прозы», которая куда лучше передает будни минувшей войны, чем проза генеральская. Кстати, Евгений Данилович – прозаик, поэт, бард, киносценарист – автор ряда песен, которые считаются народными: «Одесса – мама», танго «Лина», «Я в весеннем лесу пил березовый сок» и многих других (См. подробнее: Антология бардовской песни. М.: Эксмо, 2005).

А остальные дети с внуками регулярно собирались у него на пасху (песах) и другие наиболее значительные еврейские праздники. Для нас, внуков, эти сборы большого семейства всегда были праздниками.

Но все это было потом, а мое первое воспоминание относится к зимнему декабрьскому вечеру 1934 г. Как обычно, тогда мы с няней ближе к вечеру пошли гулять на Гоголевский бульвар. Было уже темно. И в самом начале бульвара, у освещенной витрины со свежими газетами увидели толпу возбужденных людей: Кирова убили! Народ

волновался, Киров был очень популярен не только в Ленинграде. Этот вечер 1 декабря 1934 года отложился в детской памяти. Но даже из взрослых мало тогда, кто мог знать, что начинается новая большая волна «красного террора». Несколько позже я читал книгу о Серёже Кострикове (это настоящая фамилия С.М. Кирова) – «Мальчик из Уржума». Уржум – это небольшой старинный город (с 1580 г.) в Вятской губернии, теперь Кировская область. Книга же – лубок для детей о добром Серее Кострикове; может в детстве он и был такой. Но незадолго до смерти Сергей Миронович писал: «Карать, не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ»¹. Так любимец партии сформу-

Израиль Семёнович Аппель
(дедушка всегда хотел знать
правду)

¹Цит. по: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. С. 412.

лировал право партии убивать всех без разбора, и сам же поплатился в подковерной борьбе за власть. Помню, с каким волнением я смотрел фильм «Великий гражданин» об одном из наших вождей, прообразе Кирова, который, правда, забыл: Лес рубят, щепки летят! Способы освобождаться от соперников у «отца народов» были самые разнообразные, включая медицинские. Как-то случайно услышал от отца, что и М.В. Фрунзе (еще в 1925 г.!) просто зарезали на операционном столе (он был тогда Наркомом по военным и морским делам и одновременно начальником штаба Красной армии). Я как-то воспринял это не очень серьезно, так как еще был мало наслышан о кремлевских нравах. И только много позже, прочитав «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка (1926, следующее издание только через 61 год), вспомнил тот давнишний разговор. Писатель, конечно, был репрессирован и расстрелян.

Другое яркое детское воспоминание – это огромный, настоящий пистолет в кобуре, который мне показывал дядя Мося, муж тети Беллы, в их крошечной комнате на 2-ом этаже деревянного дома в Зачатьевском переулке. Потом я туда много раз ходил и до войны, и после. Но дяди больше не было, как и упоминаний о нем (он был чекистом...).

Я рано начал путешествовать. В 20–30-х годах врачей часто посылали на полгода-год в провинцию улучшить там медицинскую помощь населению. От поездки отца на грани этих десятилетий в Казахстан остался роскошный текинский ковер во всю стену и рассказы об этом своеобразном уголке империи. А в начале 30-х годов пришла очередь мамы, ее послали на Мсту (есть такой поселок и такая река в Новгородской области, впадающая в оз. Ильмень), и она взяла меня (трех-четырёх лет, думаю) с собой. Единственное, что помню, это как я попал в сухой, но глубокий колодец. Плач услышали проходившие недалеко двое мужчин, один прыгнул в колодец и передал меня другому. Я отделался большим испугом и маленькими царапинами, но слово «Мста» прочно оста-

лось в моей памяти. Очень надолго запомнились поездки с родителями в Анапу и Сухуми, море, пальмы, песок и, конечно, восточные сладости, которые торговцы разносили по пляжу.

В то время появились в Москве «немецкие группы» для дошкольников. В одну из них я ходил к тете Наде, Надежде Львовне. Потом в детский сад. Но проблема для мамы была как-то решена только, когда появилась домработница Зина Воронова (из Ярославской области), тем более, что в 1936 г. родился брат Борис. Поскольку было модно учить детей музыке, мне купили пианино «Красный Октябрь», и я начал ходить рядом с домом к учительнице Софье Михайловне Штейн (хорошо ее помню), а потом в музыкальную школу им. А.К. Глазунова. Учился неохотно, но не совсем зря – в студенческие годы я подбирал по слуху популярные мелодии, а позднее, думаю, это помогло мне немного приблизиться к серьезной музыке.

Помню и ликование 5 мая 1935 г., когда была открыта линия метрополитена им. Л.М. Кагановича от Парка Культуры до Сокольников, и нашу станцию Дворец Советов, одну из самых уютных благодаря талантливому архитектурному решению. Это действительно для москвичей было событием, а для многих и облегчало жизнь. Ведь и через 20 лет мне добираться до НРКЧ, где тогда отсутствовало метро, было долго и неудобно (в холодном трамвае и в плохой обуви очень мерзли ноги зимой). Или встреча Валерия Павловича Чкалова (1904–1938) после уникального перелета на небольшом, без герметизации кабины, самолете через Северный полюс в США. Как им было трудно (кровь шла из носа, топливо на исходе, холодно в примитивной кабине), тогда не писали, но встреча в Москве была грандиозная. В 1960-х годах во время экспедиции по Центральному району мы заглянули на родину Чкалова (бывшее село Василёво), где во дворе музея стоял в ангаре его самолет, летавший через Северный полюс. До чего же он был мал и убог, этот АНТ-25! Но зато Чкалов

был, что называется, летчик от Бога, некоторые шутя называли его «воздушный хулиган». А встреча героев – папанинцев в 1938 г., после их возвращения с дрейфующей станции Северный полюс-1? Ликованию, искреннему, не было конца. (Именно очень искреннему, потому что помню: 12 апреля 1961 г., после возвращения Юрия Гагарина из космоса, было совсем не то, все заорганизовано и формально). Потом Иван Дмитриевич Папанин (1894–1986) среди всех своих титулов и званий стал доктором географических наук и председателем Московского филиала Всесоюзного географического общества. Он и там сделал много хорошего, в том числе хорошо обустроил здание филиала в центре города.

Мужеством полярников товарищ Сталин неоднократно пользовался как живым щитом. Эпопея «Челюскина» умело дополняла в 1934 г. «съезд победителей», который вскоре был почти полностью вырезан, а дрейф папанинцев отвлекал внимание от начавшихся в 1937 году массовых репрессий. Видимо, пропагандистская составляющая этих экспедиций в Северном Ледовитом океане была много больше научной. Вот почему уже в 1983 г. легендарный полярник И.Д. Папанин в беседе с молодым тогда географом Дмитрием Орешкиным, бравшем интервью для журнала «Наука в СССР», задал сам себе вопрос: – Я вот чего не понимаю. На х... нас на эту льдину послали? Кому это было надо? Если бы утонули, не пикнул никто. А так – герои... Ты, конечно, это не пиши¹.

Но это все взрослые заботы. А детские – другие. Мы любили наш по-своему уютный двор, окруженный деревянными сараями и многими другими приметами милой нищеты. Как тут не вспомнить стихи Вероники Тушновой (1915–1965), которая умеет показать красоту человеческих отношений, тревоги любви, воспоминания о детстве:

¹ Колесников А. Среди торосов и айсбергов // Новая газета, 8.07.2011. С. 11.

У каждого есть в жизни хоть одно,
Свое, особенное место.
Припомнишь двор какой-нибудь, окно,
И сразу в сердце возникает детство¹.

Однажды я прибежал со двора возбужденным: – А мы сегодня Абрашку евреем дразнили! – Что ты говоришь? – строго спросила мама. И тут я узнал впервые (но надолго), кто я есть.

В ноябре 1936 г. у меня появился брат Борис. В конце 50-х годов он закончил

Московский геолого-разведочный институт им. С.К. Орджоникидзе, впоследствии работал на Геологическом факультет МГУ на кафедре геофизики, защитил диссертацию, был в экспедициях во многих районах СССР и в ГДР. Трагически погиб в марте 1988 г.

Осенью 1936 г. я пошел в школу. Во дворе против школы по переулку Николая Островского первоклассников построили попарно и повели в новую школу № 43 Фрунзенского района. Хорошо помню свою первую учительницу Веру Михайловну Епинатьеву, молодую, красивую и добрую, директора – строгую Ольгу Георгиевну Багдасарову, она была орденоносцем. А тогда это, ну, наверное, как сегодня трижды Герой. Орденоносцем до войны, был, например Михаил Моисеевич Ботвинник (1911–1995), тогда уже очень популярный гроссмейстер и чемпион СССР по шахматам. Мир тесен.

Борис Львович Пивоваров

¹Стихи любимым женщинам. М.: Эксмо, 2008. С. 9.

Много лет спустя, брат как-то между прочем упомянул, что у них на геологическом факультете есть профессор Епинатьева, вроде сестра Веры Михайловны. Но ведь мы обычно заняты суетой (то еще одна статья, то книга, то доклад), поэтому не хватает времени на важное.

На праздники иногда нас водили в московский Дом ученых, который находился рядом. Поражало его величие на фоне наших коммунальных квартир. После окончания 4-ого класса на родительском собрании отцу вручили книгу «Синопа – маленький индеец» с интересными картинками, которой я был награжден за хорошую успеваемость. Отец был рад больше, чем я, и вообще он всегда придавал большое значение моей учебе. Сохранилась фотография тех времен, где снят весь класс вместе с нашим пионервожатым Анатолием Даниловичем Андриановым, красивым молодым человеком, который очень часто бывал с нами. На фото милые лица, со многим из них у меня связаны самые лучшие детские воспоминания, так было всегда. И только сравнительно недавно я обратил внимание, как же мы все в 1940 г. были плохо, бедно одеты, так, наверное, как полвека назад Серёжа Костриков в своем уржумском приюте, если не хуже. Почему так? – с обидой подумал я, ведь, например, мои родители, врачи, сколько я их помню, почти всегда работали на полторы ставки. И только недавно понял. Да потому, что им платили гроши, а основные деньги шли на подготовку к войне, и не к оборонительной, а к наступательной – чтобы, исходя из «теории» перманентной революции, «осчастливить» социализмом всю Европу. А иначе, почему к лету 1941 г. СССР обладал крупнейшей армией мира? К началу войны в ней насчитывалось 5,8 млн человек. Красная армия располагала 117,5 тыс. орудий и минометов, почти 26 тыс. танков и 25 тыс. самолетов¹. Вот на что шли многие

¹Бешанов В. Миф о неготовности // Вся правда Виктора Суворова. М.: Яуза-пресс, 2009. С. 146.

годы деньги наших родителей, вот где истоки нашего полуннищего детства, да и скудости жизни последующих лет. И все это оказалось зря, имея в виду катастрофу лета 1941 года.

1937 г.

В июле 1940 г. я поехал в лагерь от Академии химической защиты им. К.Е. Ворошилова. Это было серьезное учреждение, даже санчасть (где работала мама) возглавлял генерал. В лагере мне очень понравилось, я потом его долго вспоминал. Но на следующий год все уже было иначе: детство практически кончилось. Началась война.

II. ВОЙНА

Никто не сорил собственным народом,
Как Сталин и Жуков.

Виктор Астафьев

Пусть помнит враг, укрывшийся в засаде:
Мы начеку, мы за врагом следим.
Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим.

Из песен предвоенных лет

Так мы весело распевали, помогая самим себе жить во «второй реальности». Но 22 июня 1941 г. пришлось очнуться и увидеть действительность – началась война. К ней оказались не готовы не только мы, детвора, и наши родители, но и огромная по размерам и вооружению Красная Армия, и наш Верховный Главнокомандующий. Произошла катастрофа: в первые месяцы войны немцам удалось уничтожить и пленить основную часть подготовленной к войне армии, ее квалифицированных кадров, а над офицерским корпусом перед самой войной основательно «поработали» наши славные чекисты. В результате дальше войну вели до победы в основном недостаточно обученные солдаты и офицеры. Отсюда чудовищные потери – только вооруженные силы потеряли 26 млн погибших (а соотношение потерь в противостоянии советских и немецких войск примерно 8:1). С учетом мирного населения, общие безвозвратные потери, по некоторым оценкам, превышают 43 млн человек¹. По оценке В. Астафьева – 47 млн человек.

¹Соколов Б. Новая газета, № 65, 22.06.2009; Он же. Как победила Россия. Приложение к «Новой газете», 2010.

По нашим оценкам, потери составили примерно 40 млн человек. Потери огромные! Но кто считал, сколько солдат и офицеров лежат в братских могилах, на полях сражений? Сколько их? Кто знает? Но по численности населения – это сопоставимо всем населением в 1950 г. Франции – 41,8 млн или Великобритании – 50,5 млн. Мне представляется, что, помимо других факторов, это говорит и о посредственной работе многих наших генералов и маршалов. Иногда, наверное, они забывали элементарную поговорку: воюют не числом, а умением. Огромные потери повлияли на проведение очередной переписи населения не в 1949, а только в 1959 году, когда «заросла демографическая яма» Великой Отечественной войны. Следствием войны были не только количественные, но и большие качественные изменения в населении СССР. Ведь погибли миллионы самых лучших, самых честных, самых смелых. Как их гибель сказалось на нравственных устоях, самом генофонде нации? И то, что мы видим сегодня, когда из газет узнаем о коррупции в высших эшелонах спецслужб (МВД, ФСБ, в Следственном комитете и т.д.), мы, «может быть», вспомним о ВОВ. А нравственные устои? Вот они! Например, депутат Государственной Думы Никонов часто выступает за медленное возвращение к сталинизму. А почему? А потому, что он... внук Вячеслава Михайловича Молотова, второго (после Сталина) человека в иерархии «вождей» СССР до смерти «вождя народов» (1953). Да что там Молотов? Ведь сотни тысяч наследников вертухаев, часовых на вышках, расстрельщиков вышли «на тропу войны»; ее последствия ужасны. А хамство, грубость и т.д. – разве это не свидетельство ухудшение генофонда нации?

Почти все будущие маршалы в юности участвовали не просто в боевых действиях, а в подавлении народных выступлений. То есть, инстинкт «сохранения народа» у них, по сути, отсутствовал. Катастрофический опыт в период Гражданской войны имели Жуков (участие в подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине), Конев, Толбу-

хин, Ротмистров (в подавлении Кронштадского восстания в 1921 г.). Рокоссовский в составе Каргопольского красногвардейского отряда подавлял контрреволюционные восстания в районе Вологды и в Харькове. Василевский в 1919 г. командовал отрядом в Тульской губернии «для оказания помощи в осуществлении продразверстки». Малиновский и Говоров воевали против колчаковцев, а Баграмян – против дашнаков, оказавших в 1919 г. сопротивление советской власти в Армении¹. И это стало, конечно, не последним фактором трагедии последней войны – победа была достигнута бесчеловечными методами, с колоссальными потерями. Потому, что очень часто наши генералы и маршалы воевали не умением, а числом. «Чемпионом» здесь был Г.К. Жуков, который прославился жестокостью по отношению к своим (солдаты звали его «мясник») офицерам и генералам. Тому примеров множество. Но самое страшное деяние «маршала Победы» – это взятие Берлина. Не было никакой военной необходимости брать силой лишенный подвоза продовольствия и боеприпасов и надежды на освобождение извне город. Сдача была неминуема, достаточно было подождать пару недель. Жуков умудрился и здесь провести операцию с максимальными жертвами. Танки в городе беспомощны. Жуков загнал и погубил в Берлине две танковые армии. Взятие города стоило Красной армии много жизней. Фактически это было массовое убийство². Но Берлин можно было и не брать. Во всяком случае, такое суждение высказывал один из лучших командармов генерал А.В. Горбатов³. «Я держусь того мнения, что с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать... А на штурме, в самый кунун победы, в уличных боях мы положили не менее

¹ *Архангельский Андрей*. Маршалы беды // Новая газета, № 12, 08.02.2012. С. 28.

² *Суворов В.* Откровения Виктора Суворова. 3 изд. М.: Яуза–Пресс, 2011. С. 249–250.

³ *Горбатов Александр Васильевич* (1891–1973) – Герой Советского Союза (1945). В 1954–1958 гг. командовал войсками Прибалтийского военного округа.

ста тысяч солдат». Тех самых сто тысяч, которые не захотел «положить» Эйзенхауэр¹.

В многочисленных мемуарах советских военачальников мы находим много интересных деталей, как Красная армия шла к великой Победе над фашизмом. Но ни в одном из них, с которыми мы познакомились, нет ни слова о том, что Победа стала бедой для многих миллионов советских семей.

К сожалению, победно-бравурная риторика в воспоминаниях наших военачальников затмила трагедийно-траурные факты, связанные с военными потерями.

И лишь из работ военных историков нового поколения мы узнали горькую правду о кровавом 1945-м, который был не только годом Победы, но и БЕДЫ².

А для меня война началась так.

В солнечное июньское воскресенье мы с отцом поехали в Серпуховской универмаг покупать тапочки перед отъездом в так понравившийся мне пионерлагерь. И вдруг на Серпуховке увидели скопление возбужденных людей у громкоговорителей: Война! Война! В знойный полдень застыли они у репродукторов, вслушиваясь в выступление Молотова, который, заикаясь, сообщил, что германские войска без объявления войны вероломно нарушили наши границы, подвергли бомбежке и артобстрелу прифронтовую территорию страны.

Как могло случиться, что война с немцами застала советское руководство врасплох! И почему Красная Армия оказалась не подготовленной к ней? И через 70 лет после начала войны катастрофа лета 1941 года оставалась совершенно не-

¹Эйзенхауэр Дуайт Д. (1890–1969). Генерал армии (1944). С 1943 г. Верховный главнокомандующий войсками союзников в Западной Европе. В 1950–1952 гг. Верховный главнокомандующий войсками НАТО. В 1953–1961 гг. Президент США.

²См. подробнее: Бешанов В.В. Горькая правда о ПОБЕДЕ. Кровавый 1945 год. М.: Яуза-Пресс, 213. 544 с.

объяснимым феноменом¹. И только относительно недавно ее причины убедительно объяснил, наконец, блестящий аналитик, военный историк нового поколения Марк Семенович Солонин².

Опровергнув самые расхожие мифы о подготовке и начале Второй мировой войны, Марк Солонин объяснил причины величайшей в XX веке военной катастрофы лета и осени 1941 г. По его мнению, на полях сражений встретились, с одной стороны, организованная и работающая как отлаженный часовой механизм вооруженные силы фашистской Германии, с другой – почти неуправляемая вооруженная толпа. Массовое дезертирство и массовая сдача в плен – главное содержание процесса превращения Красной армии в неуправляемую толпу (Солонин, 2014. С. 420, 432).

В результате немцы прорвали Первый стратегический эшелон и вышли к предместьям Москвы и Ленинграда.

За первые пять месяцев войны Красная армия потеряла свыше 7 млн солдат и офицеров, в том числе (млн человек): убитыми 2,2; взятыми в плен 3,8; дезертировавшими 1,2 млн. За это время Красная армия потеряла почти все тяжелое вооружение (танки, самоходные орудия, орудия большого диаметра и т.д.), почти 3/4 самолетов³.

«Марк Солонин совершил научный подвиг – по мнению Виктора Суворова (о последнем еще будет сказано ниже), ито, что он делает, – это золотой кирпич в фундамент той истории, которая когда-то будет написана...».

Кажется, что я все-таки поехал в лагерь, но вскоре нас всех вернули. Было не до того. Отца мобилизовали, уже в июле мы готовились к эвакуации с маминной Академией,

¹ Млечин Леонид. Сталин и Гитлер в сорок первом // Новая газета, 22.06.2011. С. 4–5.

² Солонин Марк. 22 июня: Анатомия катастрофы. – М.: Яуза: Эксмо, 2011. 480 с;

Он же. 23 июня: День М. – М.: Яуза: Эксмо, 2014. 512 с.

³ Зубов А. Рукотворная катастрофа // Новая газета. 2016, № 86. 24 августа. С. 15.

где это все организовали по-военному быстро. По радио передавали неясно-неутешительные сводки от Советского информбюро, в них появлялись названия городов, все ближе и ближе расположенных к Москве. Было страшно, хотя мы, конечно, еще долго не могли знать правду и масштабы катастрофы первых месяцев войны.

Не только дети, но и многие взрослые не понимали, что происходит. Ведь все мы смотрели замечательные фильмы типа «Если завтра война», пели песни «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом», читали сказки для детей про отважного пограничника Карацупу и его умную собаку Индуса. В школе у нас, помню, висел огромный лозунг:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим!

К.Е. Ворошилов

Все мы были напичканы этой ерундой, мысль о чем-то другом не укладывалась в голове. Так все мы были уверены в скорой нашей победе. И вдруг оказалось, что и народ, и Красная армия, и вожди, хотя столько готовились, к войне не готовы.

Помню, как старший брат мамы, Виктор Израилевич, крупный инженер по авиационной технике, во дворе нашего дома успокаивал меня: «Бомбить Москву немцы не смогут, у нас очень сильная противовоздушная оборона, она несколькими кругами опоясывает наш город». Вскоре мы убедились, чего стоят эти сказки для напуганных детей. Потому что через месяц после начала войны, 22 июля немцы совершили первый воздушный налет на Москву. В эту ночь мы с тетей Ниной, женой папиного младшего брата, двумя ее детьми и моим младшим братом Борисом находились в траншеях на даче (мама готовилась к эвакуации). Думали, что там будет спокойнее, но в специально вырытых тран-

шеях, куда нас потащили укрываться, было очень страшно не только детям. В лучах десятков прожекторов появлялись отдельные самолеты. Нам казалось, что это – немецкие, и их бомбы обязательно упадут на нас. Так было страшно, что это помнится почти в деталях и через 75 лет!

На следующий день мы уже ехали в товарных вагонах на Восток. Начались наши трехлетние «хождения по мукам». Когда немного отъехали от Москвы, высоко в небе появился самолет. Снова началась паника, к счастью, самолет не обратил на нас никакого внимания (наверно, он был наш). Через неделю мы уже были в Казани, проделав всего около 800 км, а вскоре – в Йошкар-Ола, столице Марийской АССР (теперь Республика Марий Эл). Тогда это был захолустный город, окруженный сельскохозяйственными и лесными территориями. В селах была распространена трахома (опасное заболевание глаз), жизнь кругом сонная.

Нас поместили на ул. Колхозная, дом № 30, у дедушки Егора и бабушки Матрёны. Это была просторная изба, окруженная глухим забором; в меньшей ее части за перегородкой, не доходившей до потолка, жили хозяева, в большей – мы, 8 человек. Приняли нас хорошо, и с продуктами сначала было неплохо. Но вскоре начали приезжать «голодные» поезда за продуктами из Казани (всего в 130 км), и это стало чувствоваться.

Первая военная осень была особенно тяжелой. Жили мы тревожно: дела на фронте, даже по сообщениям Совинформбюро, были плохи, а главное – не знали, где отец. На всю жизнь я запомнил название «Рубежное». Это, как узнал потом, был город в Донбассе. Оттуда мы получили первую телеграмму от отца. А через 1–2 дня по сообщению Совинформбюро наши войска, среди других, оставили и Рубежное. Тетки мои тоже волновались за своих мужей, оставшихся в Москве, потому что было и нам понятно: немцы подошли совсем близко к столице (но что так близко и о панике 16–17 октября мы, конечно, ничего не знали).

После отступления Красной армии с Украины эвакуогоспиталь отца оказался в глубоком тылу, куда санитарными поездами поступали раненные. Это был город Ялуторовск (тогда Омской области), город ссылки декабристов, основанный еще в 1639 г. на месте татарского поселения Явло-Тур. В наше время он больше походил на обширное село, даже в центре его находились значительные пустыри, которые были розданы эвакуированным под огороды. Госпиталь располагался в единственном, кажется, каменном двухэтажном здании, довольно длинном, где раньше размещались районные власти. Отец носил, как тогда говорили, две «шпалы» в петлице (военврач II ранга), был начальником большого хирургического отделения и дома почти не бывал. Нам дали недалеко от госпиталя небольшой низенький домик, обнесенный глухим забором, с двумя комнатами и большой железной (вместо изразцов) печкой до потолка. Вода и все прочее – во дворе. Вскоре к нам в Ялуторовск приехали еще две мамыны сестры с детьми, итого нас стало 14 человек. Хорошо помню, как в холодную и голодную зиму 1941–1942 гг. мы, дети, «лепились» к этой печке, а старшая мамаина сестра говорила: Ну что, ребята, съедим калигу? (так называлась большая сибирская репа). Это то небольшое, что еще было в нашем подполе. И мы с удовольствием ели по небольшому кусочку этого лакомства. Было очень голодно, и весной стали раздавать землю под картошку. Нам выделили 4 участка в разных частях города. Все работали усердно, чтобы не повторилась голодная зима.

Постепенно мы немного приспособились к жизни в Сибири, под окнами во дворе разбили грядки, где в лунках (иначе замерзнут) выращивали даже огурцы. Наш дедушка показал себя в 66 лет настоящим мужчиной: он не только руководил нашей артелью, вечно что-то мастерил, строгал, пилил, но и ободрял своих дочерей и внуков. Мы и через 75 лет помним, с какой убежденностью и с каким чувством он говорил своей

старшей дочери: Маня, врагу будет кришка! (он хотел сказать крышка). Люди, живущие в вечном страхе, реагируют на все. Так и мы. Когда в газете прочли, что сбит немецкий пилот Рудольф Апель, не на шутку встревожились (по-немецки Appel – это сигнал тревоги). Вдруг скажут, что это наш родственник. Но все, конечно, обошлось. Какие у нас там могли быть родственники?

В школе я учился легко. Ведь разница в подготовке и требованиях в московской и ялуторовской школах была огромная. Учителя любили меня, особенно классный руководитель Надежда Петровна. Запомнились ее умный изучающий взгляд и добрая улыбка. Весной 1943 г. я успешно закончил 7-ой класс, и меня опять наградили книгой, да какой! «Вопросы ленинизма» И.В.Сталина. Видимо, уже тогда учителя усмотрели во мне становление большого марксиста (конечно, других книг в продаже просто не было).

А осенью из осажденного Ленинграда (его блокада в январе 1943 г. была прорвана на узком участке вдоль южного берега Ладожского озера) к нам приехал муж младшей мамы сестры – Вульф Маркович Видревич. Он работал на военном тогда заводе «Большевик» (бывший Обуховский, это на нем еще в 1901 г. было крупное столкновение рабочих с полицией, так называемая «Обуховская оборона»). На военных заводах в Ленинграде чем-то еще кормили, дядя выжил, выглядел даже слегка грузным (только повзрослев, я понял – он был просто опухшим от голода).

Когда дядя Вуля увидел на поле мешки с картошкой, он потерял дар речи, долго не мог прийти в себя, а потом все время повторял: Ведь это же целое богатство! Его необходимо сохранить! Какое богатство!

Мы обеспечивали себя картошкой, из которой, как положено в Сибири, научились делать не одно блюдо, но все-таки это всего лишь картошка. Питание и жизнь оставались скудными. Мы с удовольствием ходили в школу, там были

не только хорошие учителя, но и товарищи; одного из них, Володю Смолина, серьезного и веселого, помню до сих пор. Мы несколько втянулись в сибирскую жизнь, сибиряки к нам относились, скажу еще раз, очень хорошо. Но все-таки не дома. Дела на фронте шли все лучше. Словом, пора было возвращаться в Москву. Но для этого даже москвичам нужен был вызов. Его сумел сделать мамин брат Самуил Израилевич. Он рассказывал много интересного нам (и нашим родителям), у него был большой апломб большого начальника и даже легкий басок, но для этого были основания: дядя гонял на мотоцикле (ведь ему тогда было немного более 30 лет), имел служебную машину (в нашей семье единственную), красивую русскую жену и еще всякие «возможности». Мама обычно шутила называла его Мулька-арап.

Осенью 1944 года мы вернулись в Москву.

III. ВОЕННАЯ И ПОСЛЕВОЕННАЯ МОСКВА

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Наконец, мы снова дома. Военная Москва была в своих нелегких заботах: не хватало всего, быт был фантастический. В первые зимы мы привозили с дровяных складов сырые березовые дрова 1,5 метровой длины и посреди комнаты делали из них поленницу, сушили, там же их пилили. Что мы ели – не помню, но еще длительное время и после войны ходили голодными. Но все-таки мы дома, а московская нищета, конечно, была много лучше ялуторовской.

Госпиталь отца находился в это время во Владимире, в 180–200 км на восток от Москвы. Помню, как на вокзале мама упросила солдат, и те взяли меня в товарный вагон до Владимира. Город древний, красивый, очень мне понравился. Госпиталь находился в здании Пединститута у самых Золотых Ворот. Как-то отец взял меня посмотреть легкую операцию: он вынимал осколок (или пулю) из предплечья раненого. Когда я увидел глубокий разрез на руке живого человека, стало нехорошо, и я вышел из операционной. В общем, впечатлений было много и от встречи с отцом, и от Владимира, и от поездок в ближние небольшие городки Судогда и Собинка.

Весной 1945 г. я получал паспорт. Окошко его выдачи было довольно узкое, я просунул в него необходимые бумаги, и вот в руках – серпастый, молоткастый. По дороге я все

щупал в кармане его почти твердый переплет. А дома мама заглянула вовнутрь. Вдруг она говорит: Ой, Юра, посмотри, что тебе в паспорте написали – русский. Пойди быстрее поменяй. И я снова побежал в паспортный стол. А после сын мне говорил не раз: «Уж лучше бы ты не ходил тогда».

Вскоре меня принимали в комсомол. Фрунзенский райком ВЛКСМ находился совсем рядом с московским Домом ученых, за углом. Помню торжественность обстановки, волнение и доброжелательную усмешку (очевидно, видя мое волнение) дальнего родственника Юры Гольдина: на фронте под Сталинградом он потерял пальцы ног (от мороза) и два пальца на руке, а тогда был членом бюро райкома. Домой я возвращался окрыленный. Да, агитпроп у нас всегда был на высоте. Потом я читал, что хорошо организованная пропаганда и умение разговаривать с солдатскими массами (вчерашними крестьянами) были важным фактором победы большевиков в Гражданской войне. Другое дело, что потом они не получили ни мира, ни земли, а вместо них – «красный террор» всю дорогу, коллективизацию, чудовищное раскрестьянивание, приведшее к полной деградации и сельское хозяйство СССР, и сельскую местность в стране. А вот в Финляндии в эти же годы красные проиграли Гражданскую войну, и сегодня Финляндия по качеству жизни, образования, здравоохранения и другим важнейшим показателям – одна из первых в Европе.

Главным событием 1945 г. стал, конечно, День Победы – 9 мая. Огромное количество народа в центре Москвы – на ул. Горького, площади Свердлова, Манеже, Театральной площади; все стремились на Красную площадь, которая, конечно, не могла вместить всех желающих. Дальше Исторического музея пройти не удалось. Но все равно хорошо. Потому, что кругом радовались искренне, устав от тяжелой войны. Фронтовиков качали, подбрасывали высоко. Кто смеялся, кто плакал – и от радости, и от горя. Это действительно

был «праздник со слезами на глазах». Потому что миллионы не вернулись с войны, жестокой и страшной. Лучше, чем Булат Окуджава, сказать трудно:

Когда-нибудь мы вспомним это
И не поверится самим,
А нынче нам нужна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим.

Цена была страшная. Но многие тогда думали, что вот теперь начнется жизнь¹. Люди побывали за рубежом и видели, как там живут. США предлагали подобие плана Маршалла для Восточной Европы, чтобы помочь восстановлению после войны. Но у «дядюшки Джо», как его звали на Западе, были другие планы. Вскоре Сталин нарушил Ялтинские и Потсдамские соглашения (предусматривавшие свободные выборы в странах Восточной Европы), началась «холодная война», снова «поиски врага» в стране и за рубежом и другие хорошо известные политические игры. Само же восстановление разрушенной и обескровленной страны шло очень медленно. Гораздо быстрее организовывались разные политические кампании, такие, как избиение «космополитов», «ленинградское дело», «дело врачей». Засуха 1946 г. вызвала новую волну голода (с декабря 1946 до сбора урожая 1947 г.). Пытаясь одолеть большие затруднения с продовольствием в стране, правительство лишило хлебных карточек более 28 млн человек, а для ряда категорий уменьшило нормы выдачи хлеба. Видимо, голода можно было избежать, если бы сталинское руководство не предпочло другой путь – любой ценой наращивать военную мощь и увеличивать стратегические запасы продовольствия. В результате потери от го-

¹Правда, не все. Известный писатель К.И. Чуковский (1882–1969) уже тогда понимал: С падением нацистской деспотии мир демократии станет лицом к лицу с советской деспотией. См.: Из спецсообщения НКВД СССР И.В. Сталину о настроениях в среде интеллигенции. Октябрь 1944 года // Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 172.

лода в 1946–1947 гг. в СССР превысили 1 млн человек¹.

Весной 1946 г. закончил школу. Она помещалась в бывшем Зачатьевском монастыре. В 30-х годах большевики сам храм взорвали, потом на его месте и была построена наша школа. Когда я ее посетил спустя более 50 лет после окончания (перед отъездом), директор школы с грустью поведала, что недавно епархия отсудила свою территорию монастыря и собирается школу разобрать, а на ее месте снова построить храм. Да и детей теперь для школы нет, – добавила она. А когда мы учились, ребят было полно. Главное – у нас были очень хорошие учителя, успевшие еще окончить гимназию в начале прошлого века. Они были последними представителями Серебряного века в образовании и учили нас «от души», особенно директор школы Семён Осипович Горбачевич по истории и преподаватель литературы Ольга Владимировна Слепченко. Помню, как на выпускном экзамене весь сиял наш директор, когда я, рассказывая о восстании под предводительством Пугачёва, упомянул о недавно прочитанной книге Вяч. Шишкова «Емельян Пугачёв». А мое сочинение на аттестат зрелости было даже опубликовано, наряду с такими «звездами» как Светлана Молотова, Светлана Жукова в специальном сборнике². В этом сборнике было и еще сочинение из нашего класса о драматургии Чехова и Горького – моего друга на долгие годы Саши Дружинина.

Наш первый послевоенный выпускной класс был очень сильным, он состоял из 22 мальчиков (тогда ведь было раздельное обучение), в основном из интеллигентных семей. Большинство настрадалось, как и я, в эвакуации, и теперь училось с интересом, старательно. Ведь все стремились по-

¹Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. С. 412–413.

²Пивоваров Ю.Л. Светлые образы русских женщин в художественной литературе // На аттестат зрелости: сборник экзаменационных сочинений по литературе учащихся московских школ выпусков 1945–1949 гг. М.: Издание Московского городского института усовершенствования учителей, 1949. С. 135–138.

ступить в высшие учебные заведения. Очень трудно было заниматься в одной комнате, где жили 4 человека. Поэтому в 10 классе, готовясь к выпускным экзаменам, я после школы обедал и ложился спать часов до 10 вечера. А потом, когда все утомлялось, занимался до полночи, и так ежедневно. Конечно, было не легко, но, как говорится, цель оправдывает средства. С медалями окончили 6 человек. Но главное, в большинстве наши ребята не только получили высшее образование в лучших вузах страны, но потом состоялись как специалисты. Саша Дружинин стал известным тележурналистом, корреспондентом в США, он побывал во многих странах мира и даже в Антарктиде; Юлия Бельчиков, который уже в школе выделялся своим интересом и знанием литературы (отчасти, наверное, потому, что его дядя был известным филологом – член-корреспондент АН СССР Н.Ф. Бельчиков), стал профессором МГУ. Среди наших выпускников были видные инженеры, профессора и даже один артист – Коля Ельшевский, а лучший ученик Муля Хацкилевич стал врачом. Но были, к сожалению, и другие судьбы. С нами учился Илья Петров, красивый, не по годам взрослый, с мягкой, немного вкрадчивой речью, особенно когда он рассказывал о посещениях коктейль-холла на ул. Горького. Эти заведения начали появляться после войны как нечто полузапретное, идущее с Запада. Наверное, оно было «нашпиговано» кэббэшниками. И в разгар учебного года он вдруг исчез, и больше мы его не видели.

Выпускной вечер был устроен в большом спортивном зале на первом этаже. Помню, как наши мамы пришли с большими тазами и кастрюлями винегрета, это было угощение. Тогда оно не казалось убогим, мы веселились и радовались получению аттестата зрелости, а главное, окончанию страшной войны, и, конечно, строили планы на будущее. К сожалению, не только Илья, но и многие другие не понимали тогда, где мы живем и что такое «реальный социализм»,

среди них и я. Не долго думая, отнес документы в Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР (МГУ и большинство других вузов относилось к Министерству высшего образования), мне очень нравился буфет, которым я пользовался, когда собирал материалы для диплома.

Семейное фото. На переднем плане – родители. 1961 г.

Там для медалистов были устные экзамены по иностранному языку, в других вузах медалистов зачисляли тогда еще без конкурса (экзамены по языку нужно было сдавать также в Институте международных отношений Министерства иностранных дел СССР). Помню мое потрясение, когда по немецкому языку быстро получил «двойку» (это была единственная такая отметка в жизни), какие-то необычные взгляды экзаменаторов, мне показалось немного смущенные и сочувствующие юноше, входящему в жизнь страны Советов – ведь ему еще предстояло очень многое понять, как тут жить. Так я получил первое настоящее представле-

ние, что такое «вечно живое» учение с его ленинско-сталинской национальной политикой, дружбой народов, всеобщим равенством и братством и другой красивой демагогией. Все это была «вторая реальность», которую неустанно создавал Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б)/КПСС. А действительность была совсем другой – не принимать евреев в МИД СССР и МВТ СССР, а значит, нечего их и учить в институтах этих ведомств. Это был для меня первый, но сильный щелчок по носу. Потом, когда меня не оставили при кафедре, не могли принять в аспирантуру и распределили по существу не по специальности – все воспринималось уже почти само собой разумеющимся. А когда после окончания аспирантуры в Институте географии всем зачисленным в младшие научные сотрудники дали оклад 120 р. в месяц, а мне 105 р., я уже отнесся к этому как к естественному в антисемитском государстве, почти без эмоций. Я все больше понимал, каким был реальный социализм, очищенный от словесной шелухи.

Куда поступать дальше? Конечно, в МГУ, но на какой факультет? Выбор был между историческим и географическим. Первый был среди престижных тогда, наряду с философским, юридическим, филологическим. Второй давал возможность заниматься экономической географией зарубежных стран, привлекательной по учебнику И.А. Витвера. Важным в выборе факультета было и то, в чем я даже сам себе не мог тогда признаться: на престижных факультетах были совсем другие люди, дочери и сынки, а для меня эти факультеты – «не по Сеньке шапка». Географический же был более демократичным по составу студентов из полуниней интеллигенции, к которой принадлежал и я. После поступления в университет я вскоре убедился, что интуиция меня не обманула, и выбор был правильным. И моя жена, Юлия, в свое время поступившая на философский, после первого курса, думаю, не случайно перешла на географический факультет.

Теперь за дело взялся отец. Вместе мы не раз ходили в приемную комиссию МГУ на Моховую 9. Здесь, недалеко от Кремля, находилось (в наше время) главное здание МГУ, построенное еще в конце XVIII века замечательным русским зодчим Матвеем Фёдоровичем Казаковым (1738–1812), одним из основоположником русского классицизма. В нем (здании) много воздуха и света. Широоченная лестница с перилами из черного с красным мрамора вела к общеуниверситетским аудиториям. Здесь мне довелось позже слушать лекции корифеев советской науки и образования профессоров Н.Н. Баранского (экономическая география), П.Ф. Юдина (философия), В.Ф. Асмуса (логика, философия).

А в огромном вестибюле перед широкой лестницей за отдельными столами принимали документы на разные факультеты, давали справки по интересующим вопросам, что-то объясняли. Географический факультет был тогда совсем не престижным, не то, что сейчас. А исторический – не очень ясным, потому что, как я понял позже, жизнь у нас идет не по истории (изучению прошлого для будущего), не по законам, а по понятиям (исходя из того, что хочет очередной самодержец). И так до сих пор. Ведь «по Витверу» еще более 70 лет назад мы учили (а потом учили новое поколение студентов), что XX век – век крушения империй: Австро-Венгрии, Британской и других. И вдруг теперь узнаем, что крушение СССР – не закономерный конец очень дорого обошедшегося России социального эксперимента, а величайшая геополитическая катастрофа XX века. За 70 лет этот эксперимент унес порядка 100 млн человеческих жизней и вызвал тяжелые, во многом необратимые последствия ради достижения неясного «счастливого будущего». И сегодня опять многим хочется вступить ногами в это «счастье».

Выбор был долгим и нелегким, но все-таки 24 июля (за день до окончания приема заявлений) подал бумаги на

географический факультет. Так я стал географом и последующие 50–60 лет занимался социально-экономической географией – наукой о перемещении в пространстве человека, его поселений и видов деятельности.

За мои труды университет сделал мне подарок. В августе, когда абитуриенты сдавали вступительные экзамены, в профкоме МГУ остались льготные путевки, да не куда-нибудь, а в Ялту. Так я в августе 1946 г. впервые оказался в Крыму (на Кавказе я был еще до войны – в Сухуми и Анапе). Конечно, теплое море, вся курортная обстановка и общая атмосфера облегчения после тяжелой войны помнятся до сих пор. Да еще в доме Туриста (улица Чехова 6) кормили по тем временам сказочно. Большое впечатление, конечно, произвела пешая ночная экскурсия на Ай-Петри, где рано утром мы наблюдали восход солнца «из моря». Были и в «Ласточкином гнезде», и в Гурзуфе, и в Массандре. Каждый день с хорошими интеллигентными ребятами ходили на дальний пляж. В общем, после убогой жизни последних лет все это казалось сказкой. Потом я несколько раз бывал в Крыму и видел, как его Южный Берег, особенно в своей центральной части (Алушта – Ялта – Алупка), под напором цивилизации и благодаря неудачному, мягко выражаясь, архитектурно-планировочному решению развития курортной зоны, постепенно терял свое очарование. И после отдыха в 1990 г. в Мелассе (рядом с правительственной Мухолаткой и недалеко от знаменитого горбачёвского Фороса) повторял слова М.С. Петровых: «Нет, не поеду я туда».

Уже, будучи студентом геофака, летом и осенью 1947 г. все же сдал экстерном все экзамены за первый семестр исторического факультета МГУ. Однако, история, втиснутая в рамки советской версии догматизированного марксизма, как она тогда преподносилась, показалась очень скучной, не интересной. И мне еще больше стал нравиться наш геофак.

IV. НА ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Где бы географ ни был –
В пустынях Азии, в лесах Сибири.
Всюду родное небо,
Родные дали и родные шири.

Из «Гимна географов»

1. Студенческие годы

О послевоенном геофаке МГУ написано много не только в прозе, но и в стихах. На мой взгляд, лучшее – выпускником геофака 1955 года Зиновием Михайловичем Каневским (1932–1996)¹. Не случайно о геофаке начал с Зинка, как называли его друзья и коллеги, ибо его судьба и жизнь олицетворяют романтику и одновременно трагедию питомцев геофака. Действительно «Разны пути питомцев геофака...», как поется в Гимне географов, сочиненным выпускником далекого 1950 г., потом академиком РАО, профессором В.П. Максаковским (1924–2015). На нашем курсе погибли в горах Тянь-Шаня в 1949 г. Юра Рихтер, сын одного из отцов-основателей Института географии Гавриила Дмитриевича Рихтера (1899–1980); в авиакатастрофах – Женя Пошехонов и Леонид Куницын, фронтовики, прошедшие жестокую войну; Майя Шеенсон, подававшая большие надежды.

Жизнь Зиновия заставляет вспомнить о легендарном летчике прошедшей войны Алексее Маресьеве. В экспедиции на Новой Земле он 20 часов полз по морскому льду в лютый

¹Каневский З.М. Жизнь для возвращения. Автобиографическая повесть/ Подготовка текста и послесловие Н.В. Давидович-Каневской. М.: Аграф, 2001. 448 с. Страницы этой замечательной книги, посвященные геофаку, использованы при написании данного раздела.

мороз навстречу ураганному ветру. Потеряв в 27 лет обе руки и пальцы ног, Зиновий сумел как-то отодвинуть беду, и стал жить так, как если бы ее не было. Написал, научившись с помощью специальных приспособлений печатать на машинке, 14(!) книг и десятки очерков, снова ездил в командировки, в том числе в Арктику, преподавал в Институте, работал в Географическом обществе. В общем, остался в памяти всех его знавших личностью одаренной, яркой, уникальной.

Геофак во второй половине 40 – начале 50-х годов помещался (до переезда осенью 1953 г. на Ленинские горы) в старом университетском корпусе на Моховой 11, в глубине двора за массивным зданием химического факультета. Несколько сот студентов, деканат, да еще десятки преподавателей ютились на верхнем (четвертом) этаже без лифта в жуткой тесноте и неустроенности. Под нами находился геолого-почвенный факультет, изредка предоставлявший нам одну из своих аудиторий для лекций. А в полуподвале была довольно грязная раздевалка, после нее приходилось бежать наверх, опаздывая на занятия.

Центр всей кипучей студенческой жизни факультета располагался на лестничной площадке между третьим и четвертым этажами. Во всю ее стену висела стенгазета «На одной шестой». Здесь всегда толпился народ, живо обсуждались новости, кипели страсти. Вот где особенно хорошо было видно, что всем нам нравилось жить и учиться на геофаке. Ведь именно на эти нелегкие послевоенные годы в полугодной и усталой Москве конца 40-х годов, несмотря ни на что, приходился истинный расцвет факультета, хотя тогда, конечно, мы не могли знать об этом. Как это объяснить сегодня, если это вообще можно объяснить?

Как можно объяснить, почему после, в новом здании на Ленинских горах, при неизмеримо лучших условиях жизни геофака и страны в целом, ничего подобного не было? Я бы выделил три обстоятельства (хотя этот перечень, конечно, не полон).

Первое – в наши студенческие годы (1946–1951) на факультете творило и царствовало (слово «работало» здесь совсем не подходит) замечательное поколение профессоров и преподавателей, как бы продолживших традиции Серебряного века в науке и образовании. Подумать только! Мы слушали лекции самого Николая Николаевича Баранского (1881–1963), кажется, единственного тогда члена-корреспондента АН СССР среди географов или маститого профессора Ивана Александровича Витвера (1891–1966). Все их титулы и звания, то, что это были отцы-основатели советской экономической географии, мы узнали, конечно, потом, но ведь это были и авторы наших недавних школьных учебников и те немногие, если не единственные, современные географы, о которых мы слышали. Или увлекательные лекции на 1 курсе профессора Бориса Павловича Орлова¹ по истории географических исследований с прекрасной дикцией и усмешкой в роскошную бороду после очередного откровения для студентов-первокурсников. Без преувеличения это были устные рассказы (почти Ираклий Андронников от географии), которые мы слушали «раскрыв рот» и которые безусловно способствовали увлечению нашей профессией. Как много на старших курсах мы узнавали из уникальных для тех времен лекций Иосифа Петровича Магидовича (1889–1976) о мировых религиях, этнографии и культуре различных народов (когда его «ушли», читать этот курс, конечно, было некому). В век, когда мы знали, согласно высказыванию Ленина, что «религия – это опиум для народа», когда шло обезбоживание нации, громили монастыри и церкви, Иосиф Петрович показал большую роль религии в развитии культуры и истории многих народов.

Нам читали оригинальные курсы известные профессора Рафаил Михайлович Кабо (1886–1957), Николай Николае-

¹Годы жизни при первом упоминании не указаны только там, где у автора не было данных.

вич Колосовский (1891–1954), Исаак Моисеевич Маергойз (1908–1975), Юлиан Глебович Саушкин (1911–1982), Андрей Николаевич Ракитников (1903–1994), известный статистик и демограф Борис Цезаревич Урланис (1906–1981). А по физической географии такие крупные ученые, основоположники ее важных направлений исследований как Б.П. Алисов, Н.Н. Бобринский, И.П. Герасимов, Г.П. Горшков, Н.Н. Зубов, К.К. Марков, С.Д. Муравейский.

Каждый из наших учителей был личностью с большим профессиональным и жизненным опытом, часто с нелегкими поворотами судьбы. Они, как и поколение наших родителей, столкнулись со многими трудностями во времена Гражданской войны, коллективизации и голода начала 30-х годов, зловещего 1937 года, войны и послевоенных выражей «отца народов». Вот, например, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР Николай Николаевич Зубов (1885–1960), инженер-контр-адмирал, основатель динамической океанологии, руководитель многих арктических экспедиций. Кем он только до этого не был: мичман при Цусиме, колчаковец при Колчаке (в 20–30-е годы это ему припомнилось – пришлось провести несколько лет в ссылке), а затем советский адмирал и один из крупнейших океанологов, основатель кафедр океанологии в Московском гидрометеорологическом институте и на геофаке МГУ¹.

Нас учили интересно и основательно не только корифеи. Поэтому до сих пор мы вспоминаем многих наших доцентов, ассистентов и лаборантов, которые помогали осваивать азы наук, помним до сих пор их имена и добрые дела на факультете, их большое участие в нашем образовании

¹Ведь адмирал *Колчак Александр Васильевич* (1874–1920), фигурирующий в советских учебниках и истории Гражданской войны только как руководитель Белого движения в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке и расстрелянный большевиками в Иркутске, был еще и видным полярным исследователем, руководителем ряда полярных экспедиций, а в 1916–1917 гг. – командующим Черноморским флотом.

на практических занятиях и в экспедициях. Как нам много дали, например, практические занятия бесконечно милой и интеллигентной Эрнестины Давыдовны Жибицкой в Центральном справочном бюро (ЦСБ) Ленинской библиотеки. И даже занятия по военному делу (в общем-то бесполезные, впрочем не совсем, – они освобождали от армии) полковник Анников проводил серьезно, на особенном армейском языке и не без юмора. Однажды я неосторожно, шутки ради, спросил о чем-то хорошо известном; мне была интересна сама реакция преподавателя. Она последовала мгновенно: – Товарищ курсант, у Вас очки и у меня очки. Так давайте не будем втирать друг другу очки! Всеми этими полковниками, прошедшими недавно войну и теперь работавшими на общеуниверситетской военной кафедре, командовал генерал-майор Артемьев с очень интеллигентным лицом, сдержанный, без огромного живота, как другие генералы (его брат генерал-полковник П.А. Артемьев в годы войны командовал Московским военным округом).

Второе важное обстоятельство – это то, что мы, вчерашние школьники, учились вместе с нашими фронтовиками. Они всего-то были старше нас на 5–8 лет, но каких! Обладая несравненно большим жизненным опытом и часто меньшими школьными знаниями (потому, что школа была для них совсем в другой жизни), они как-то сумели сплотить наш курс, являясь для нас, без громких слов, примером отношения к делу и к своим товарищам. Нас они называли с улыбкой не иначе как «детский сад», были снисходительны к нашей лени, а сами учились самоотверженно, с интересом, понимая, что надо наверстывать упущенное. Вот, например, неизменный наш староста курса Кирилл Космачёв, сын ярославских учителей. Его уважительно, пусть немного шутя, большинство звало Кирилл Петрович. Он посещал все лекции, все конспектировал, в общем учился, что надо. А в свободное время любил задавать каверзные воп-

росы и сам же на них отвечать. – А вот скажи, Юра, почему это... и начинались дискуссии и содержательные споры. А Алексей Ионин на геодезической практике в Красновидово, где мы были разбиты на группы по 5 человек, молча выполнял практически один все задание по геодезической съемке. Или Юрий Цесельчук, эмоциональный, напористый и политически очень ориентированный. Как он искренне переживал и громогласно осуждал «измену» Иосип-Броз-Тито, когда того осудило Совецание коммунистических и рабочих партий в 1948 г.: – Кто бы мог подумать, что Тито предатель! А все-таки предал! – гремел он в коридоре. Наоборот, Леонид Куницын выделялся спокойным, благоразумным, взвешенным подходом к различным вопросам, уважительным отношением к своим товарищам и коллегам. Таким же он остался и через 20 лет, будучи зам. директора Института географии АН СССР. Джафара Ибрагимова отличала восточная мудрость, неспешное, глубокое понимание жизни. Таким он был и через 50 лет, когда в 2001 г. мы отмечали полувековую годовщину окончания геофака. А Юра Щербаков немного играл под простого мужичка, но обладал природным умом, проницательностью, был неразговорчив, часто усмехался, слыша темпераментные разговоры нашего «детского сада». А на одной из наших курсовых встреч он обратился: Мои сестры и братья! – и все мы почувствовали что-то такое искреннее до слез, что и определить трудно. Или Леонид Павлов, вечно восторженный, полный каких-то завиральных идей. Он часто вспоминал Венгрию, где был ранен и потерял ногу. Только гораздо позже я понял, что, видимо, это вечное возбуждение отражало трагедию 20-ти летнего голубоглазого блондина, оставшегося без ноги!

Вот какие у нас были ребята на курсе – труженики и герои!

И, наконец, третье – важным элементом не только обучения, но студенческой жизни на геофаке были интересные практики, экспедиции, да и просто организованные на

младших курсах научные экскурсии. Мы ездили в Ленинград с нашим неутомимым вожаком и общим любимцем Борисом Беклешовым. Писатель Любовь Кабо позже напишет прекрасную книгу «Повесть о Борисе Беклешове», о его замечательной жизни и смерти в 36 лет. Также мы были в Риге на экскурсии под руководством проф. Ю.Г. Саушкина и доцента С.Л. Луцкого. Да, практики есть и теперь, и часто даже они в зарубежных странах. Но мы тогда, кроме нищих и убогих городков востока страны, ничего не видели, жили трудно, и это была «отдушина». Поэтому наш интерес к Ленинграду тогда был, думаю, не меньшим, чем теперь к Парижу.

Уже во время первых студенческих каникул в феврале-марте 1947 г. группа студентов факультета поехала в Ленинград, где в это время проходил юбилейный съезд, посвященный столетию Географического общества. Мы не только познакомились (впервые для многих, в том числе и для меня) с городом, испытывая очарование уникальными памятниками архитектуры, замерзшей Невой, музеями, наконец, какой-то особой аурой Северной Пальмиры, но и помогали в техническом обслуживании делегатов съезда, а иногда и слушали доклады «как большие». В 1940–1950 гг. Президентом Всесоюзного географического общества был академик Лев Семёнович Берг (1876–1950), крупнейший биолог, географ и историк науки. Его справедливо считают последним представителем географов-энциклопедистов среди советских ученых. К съезду была хорошо издана (несмотря на скудость того времени) его книга¹. Съезд проходил в гостинице «Астория», мы разносили делегатам в числе прочих материалов и эту книгу. Несколько студентов даже взяли по экземпляру и попросили Льва Семёновича его подписать. Да, кажется, мы и жили в «Астории» (те, кто обслуживал делегатов). В общем, впечатлений была

¹Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет (1845–1945). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

масса и от города, и от съезда, и от невиданного нами уюта, богатства убранства самой гостиницы.

И поездка в Латвию, которая благодаря «освободительной» миссии Красной армии в 1940 г. вошла в состав СССР, тоже была удивительной. Весь вид города Риги, его чистота повсюду, в том числе и в студенческом общежитии, где мы остановились, воспринимались нами «как заграница». Но мы к ней не были готовы, поэтому мусор бросали, где попало, несмотря на огромный мусорный ящик в коридоре. Неоднократные напоминания не помогали, мы тоже чувствовали себя «освободителями». Тогда комендант в сердцах подвинул ящик к самой нашей двери. Это возмущение хамством «русских» я наблюдал и много лет спустя, когда участвовал в научных конференциях: – Ну почему каждый начальник у нас русский, и обязательно пьяница и хам? – спрашивали меня латвийские коллеги. А что я мог ответить?

Первые два летних сезона мы провели на учебной практике в Красновидово под Можайском, недалеко от знаменитого Бородинского поля (в последующие годы после второго курса практику стали проводить уже по выбору в Хибинах, в Крыму или на Кавказе). Помню, как доехали поездом до Можайска, а потом пешком шли около 20 км до Красновидово. С непривычки было не очень легко. В этом красивом месте дальнего Подмосковья мы не только знакомились с основными физико-географическими дисциплинами на практике, но и боролись с сурепкой на колхозных полях, занимались художественной самодеятельностью, выступали в находившемся рядом университетском пионерлагере, играли в волейбол. В общем, было весело и голодно. Когда имелись деньги, ходили в деревенскую чайную, ели очень вкусную тогда картошку, жареную на неведомых жирах.

После III курса у меня было две экономико-географические практики. Первую все экономгеографы проходили под руководством доцента Натальи Яковлевны Ковальской в окрестностях древнего Васильсурска (основан в 1523 г.) у впа-

дения р. Суры в Волгу. Из Москвы плыли по Волге, тогда она была еще очаровательной рекой, а не системой водохранилищ, в которую ее превратили безграмотные партийные боссы и покорные гидростроители. Ведь тогда еще не было государственных представлений об охране окружающей среды и экологии, а многие, как теперь говорят, прикремленные ученые поддерживали это чудовищное разрушение природной среды, придав ему звучные названия: сначала «Сталинский план преобразования природы» (нам даже читали такой курс), а потом «Великие стройки коммунизма».

В это же лето 1949 г. я поехал на практику в Прикаспийскую экспедицию (ею руководил профессор А.Н. Ракитников), состоявшую из нескольких отрядов. Я попал в отряд очаровательной, очень красивой и в свои где-то в районе 50 лет (тогда это была редкость), бесконечно воспитанной и снисходительной к моей лени Татьяне Александровне Соловцовой (теперь, вспоминая, уверен – она была дворянкой). Такого по-настоящему доброго, интеллигентного, слегка насмешливо-удивленного и человеческого отношения, какое было у Татьяны Александровны, я больше в жизни, думаю, не встречал. В Сталинграде, как он тогда назывался, где комплектовался наш отряд, было нестерпимо жарко и душно, даже ночью. На Ергенях и в Ставрополье мы подсчитывали урожайность кормовых угодий; работа мне была не интересна, да еще я заболел в Апанасенковском районе Ставрополья¹. Но разнообразных впечатлений от практики все равно была масса.

Особенно запомнилась закарпатская практика студентов-зарубежников после IV курса (вместе с зарубежниками сле-

¹Здесь родился генерал армии *Апанасенко И.Р.* (1890–1943), один из героев Первой конной армии, а в 1943 г. заместитель командующего войсками Воронежского фронта. Умер от ран. Прославился еще в начале войны, когда был командующим Красной армией на Дальнем Востоке. Сталин приказал ему отдать береговые орудия на запад, где немцы стремительно наступали. Он ответил: – Не дам, хоть казните. Чем я японцев буду встречать? И Сталин вынужден был с ним согласиться.

дующего за нами курса – Луизой Ночёвкиной, Валерием Пуляркиным, Рубеном Андреасяном и др.) в августе-сентябре 1950 г. под руководством Всеволода Александровича Анучина (1913–1984) и Исаака Моисеевича Маергойза по маршруту Москва – Ужгород – Черновцы – Львов – Одесса – Херсон – вверх по Днепру до Киева–Москва. Мы побывали в Закарпатской области УССР и ее главном городе – Ужгороде. Эта область только в 1945 г. отошла к СССР от Чехословакии, и для нас всех была по облику чисто «заграницей». Великолепны Карпаты, а уж Одесса, в которой многие побывали впервые, и говорить не приходится. Во Львове больше всего меня поразило Лычаковское кладбище, где в его новой части были похоронены многие сотни красноармейцев, советских и партийных работников, погибших от рук бандеровцев, некоторые совсем недавно. Мы тогда не могли поверить, что война все еще продолжается, и столько молодых жизней продолжают гибнуть. Ведь в советской печати тогда практически не упоминалось о Степане Бандере, и тем более о «лесных братьях» в Прибалтике. А в Херсоне, помимо живописного города, произвело впечатление огромное количество овощей и фруктов отменного качества, это в то время, когда страна испытывала значительную нехватку продуктов питания.

Практики способствовали углублению нашего понимания географии как комплексной науки, объединяющей разнообразные географические дисциплины – от «геологии до идеологии», по выражению Н.Н. Баранского. Они помогали формированию географического мышления, как это называл Ю.Г. Саушкин в одной из неопубликованных при жизни работ¹. Кроме того, практика, как и экспедиции, укрепляли в нас дух

¹Отдельные главы рукописи книги «Географическое мышление» увидели свет в сборнике памяти Саушкина Ю.Г. «Экономическая и социальная география на пороге XXI века» (Смоленск, 1997) и в избранных трудах Саушкина Ю.Г. (Смоленск, 2001). См. наши рецензии на эти издания: География в школе, 1999. №3; 2002. № 6.

товарищества, корпоративной солидарности и географической романтики, сохранившейся на долгие десятилетия.

Мы активно участвовали в общественной жизни страны. Прежде всего, как агитаторы в избирательную кампанию по выборам в Верховный Совет СССР (и в Верховный Совет РСФСР и еще куда-то). Избирательный участок университета находился на периферии Красной Пресни, ехать туда от центра – далеко и долго. Но агитатор должен был один-два раза в месяц во время подготовки к выборам посещать «свои» квартиры и разъяснять, как партия и правительство неустанно думают о них. Ходить по коммунальным квартирам и баракам с их фантастическим бытом и нищим населением и рассказывать ему, как хорошо все они живут, было очень неприятно. Помню, как всякий раз было трудно и не хотелось ехать «агитировать». Но надо! (правда, непонятно, кому; было всегда 99,99% или что-то в этом роде за «блок коммунистов и беспартийных»). Но самое интересное – в день выборов. Тогда агитаторы должны были к открытию избирательных участков (в 6 часов утра) являться туда и потом ходить по квартирам «погонять». И пока все твои избиратели не проголосуют, агитатор не мог идти домой.

Конечно, с гораздо большим удовольствием мы ходили на первомайские и ноябрьские (7 ноября по новому стилю отмечали годовщину «Великой Октябрьской Социалистической революции») демонстрации. На Красной площади, на трибуне Мавзолея стояли вожди, казавшиеся из-за расстояния очень маленькими. И потом мы радостно обсуждали, кто кого из них видел, ведь обычно мы шли в колоннах далеко от Мавзолея. И больше всех радовались и гордились те, кто видел (или это только им казалось) Главного Гуртоправа. В общем, все было как в песне:

Сердца молодеют,
Их ласково греют
Улыбки любимых вождей.

Но не меньше, чем лицемерие вождей, я радовался встрече на обратном пути с семьей среднего брата отца – Ефима Лазаревича, тетей Кеней и их детьми – Лазарем, моим сверстником, и Асей (на три года моложе меня). Они жили близко от нас, в типичных трущобах без воды и канализации, каких даже при Советской власти я больше нигде не видел. Описывать не стану, все равно современным людям этого уже не понять. Но дядя Ефим провел воду и как-то сумел благоустроить эту отдельную «квартиру» из двух проходных крошечных комнат. В их доме всегда было очень уютно, светло и радостно, потому что тебя встречали теплой улыбкой, и вся обстановка в семье была ласковая, спокойная, тихая и доброжелательная. Двоюродный брат учился в Институте стали, он тоже возвращался с демонстрации, мы все обедали, немного выпивали, и тетя Кеня, понизив голос говорила: – За унзере (наш – на идиш) Центральный Комитет! Мы все смеялись, но без комментариев, конечно. С Лазарем мы часто общались еще с довоенных времен, мои родители любили своего племянника, и он часто бывал у нас. Так обычно заканчивались эти праздничные дни, которые тогда действительно были событиями в монотонной жизни советского человека. А такими мы были не только тогда, но и остались ими на всю жизнь – все, не только сталинисты, но и отъявленные антисоветчики. Слишком хорошие «педагоги» учили нас рабству и страху перед властью, отучали думать и адекватно оценивать то, что происходит вокруг.

Хорошим средством отвлечения от трудной жизни после войны стал футбол. Осенью 1945 г. московская команда «Динамо» триумфально провела игры с лучшими английскими футбольными клубами и добилась не только почетного результата, но показала на редкость содержательную игру. Репортажи по радио знаменитого комментатора Вадима Синявского слушала без преувеличения вся страна, потому, что для измученного войной народа это было еще

одним свидетельством – и очень важным – его силы. Василий Трофимов, Василий Карцев с его пушечными ударами, Константин Бесков, Всеволод Бобров и Сергей Соловьёв – эта пятерка нападающих творила чудеса. Да и игроки линии защиты были им подстать. С тех пор я стал болельщиком «Динамо» и сравнительно часто посещал одноименный стадион («Лужники» были построены гораздо позже). На наиболее интересные игры чемпионата СССР огромную толпу желающих попасть на стадион сдерживала конная милиция на огромных и красивых лошадях. Большинство игроков числилось номинально токарями или слесарями на 120 руб. в месяц или лейтенантами, получали скромные премиальные, но играли красиво, с полной самоотдачей. И никто уж, конечно, не позволял себе тихо трусить по краю поля или ходить пешком, как делают теперь многие наши футболисты, которые за эту с позволения сказать «игру» получают миллионы долларов в год. Просто такая тогда была атмосфера в обществе.

А театры! В Большом я слушал и смотрел игру корифеев оперной сцены: Сергея Яковлевича Лемешева, Ивана Семёновича Козловского, Михаила Дормидонтовича Михайлова, Марка Осиповича Рейзена, Георгия Михайловича Нэлеппа, Пантелеймона Марковича Норцова, Андрея Александровича Иванова и многих, многих других. А «старики» МХАТа, такие как Качалов, Хмелёв, Тарханов, Ливанов, Массальский, Кторов, Яншин и многие, многие еще. Или мастера Малого театра, такие как Яблочкина, Турчанинова, Пашенная, Рыжова, Быстрицкая, Бабочкин, Жаров, Царёв, Ильинский, Рыжов и многие другие.

Вот Россия, которую мы потеряли, и уж это точно – навсегда.

2. Деканат и тени на факультете

Учиться на факультете было интересно, весело и в общем легко. Никто нас не заставлял посещать занятия, кроме военной кафедры (иначе никто бы туда не ходил). Деканат был к нам снисходителен. Вся обстановка позволяла выбирать, кто что желал, пожалуйста: учиться – все условия, бездельничать – тоже можно. Многие располагало к хорошей жизни: добрые традиции факультета еще с довоенных времен, занятия спортом, самодеятельностью, шахматами, обилие собственных песен, в том числе «Гимн географов» на мотив бодрящего «Марша энтузиастов». На Моховой, 9 на первом этаже в коридоре, ведущем на военную кафедру, находился «шахматный клуб» – на всех подоконниках играли студенты разных факультетов, играли неплохо, в окружении болельщиков. Студенты, да и некоторые преподаватели, измученные в военные годы, трудно жившие в послевоенной Москве, приходили на факультет не только учиться и работать, но немного «отогреться» душой. Отсюда какая-то особая атмосфера на факультете, и мы любили приходить на геофак – не только учиться, но общаться и заниматься, кто чем (при этом, что места для любых занятий практически не было). Деканом в 1945–1955 годах был профессор Константин Константинович Марков (1905–1980), впоследствии академик, классик советской географии. Он ценил свое время (а иначе как, будучи деканом, напишешь 3–4 основополагающих монографии по геоморфологии и палеогеографии), и чужое тоже. Поэтому не занимался пустяками. В общем, как это ни звучит неправдоподобно, в тяжелые послевоенные годы все чувствовали себя на факультете весьма комфортно. Мы были молоды, полны надежд, верили, что доживем до счастливого будущего... И еще, конечно, не знали, что студенческие годы обычно самые счастливые у того, у кого они были.

Но не это главное из того многого, чего мы не знали. Мы, например, не знали, в какой стране мы живем. Уверены были, конечно, что в самой свободной, а таких слов, как авторитаризм, тоталитаризм, ГУЛАГ, большинство просто и не слышало. А о тайной полиции знали, пожалуй, что она была аж при А. С. Пушкине, когда князь А. Х. Бенкендорф был цензором произведений великого поэта и осуществлял за ним негласный надзор. Поэтому и тени на факультете воспринимались не столь однозначно.

Поначалу давления со стороны партбюро мы, студенты, не испытывали. Но постепенно на геофаке становились все более заметными солдаты партии. Вот, например, Татьяна Михайловна Калашникова, доцент кафедры экономической географии СССР. Она и фамилию носила соответствующую, расстрельную, только автоматом ей служила испытанная партийная демагогия самого низшего пошиба и патологическая ненависть к приличным людям. А сам вид ее напоминал серого волка, выбирающего очередную жертву. И глаза, серые, пустые, враждебные, наводили тоску и тревогу. Это был воочию «верный Руслан», который покусал многих на факультете.

Работала в деканате тихая пожилая женщина по имени Любовь Александровна, которая составляла расписание занятий, экзаменов, занималась распределением аудиторий и прочими техническими делами, все время вращаясь в гуще народной. Всегда была любезна, говорила тихим голосом и внушала нам естественное уважение. И только после кончины Любви Александровны Дубовицкой (уже наш выпуск давно покинул факультет) стали говорить, что она была многолетним осведомителем КГБ. Думаю, что и среди наших фронтовиков были также сексоты. Но я их даже и называть не могу этим словом. Разве можно осуждать тех, кому на фронте «комиссары в пыльных шлемах» предлагали ин-

формировать их для блага Родины? Тем более что никаких «дел» у нас на курсе никогда не было, а если кто-нибудь из «детского сада» начинал что-то антисоветское, старшие тут же переводили разговор на другую тему. В общем, что тут скажешь? Молодцы, да и только!

А время было нелегкое. Чтобы еще раз «встряхнуть» народ и напомнить ему, как он любит родную партию и ее вождя, решили с помпой отметить 70-летие Сталина (21 декабря 1949 года). За много месяцев до этой даты и полтора-два года после вся страна слала ему подарки (вышитые помпезные ковры, всякие диковинные изделия и т.д. и т.п.) от предприятий и учреждений. Потом вся эта уйма предметов была помещена в Музее Революции. За много времени до декабря в печати поднялась вакханалия статей о великом кормчем. А перед самой датой выступили со статьями со звучными названиями в «Правде» (потом эти статьи были изданы отдельными брошюрами) все члены Политбюро ЦК ВКП(б). Кажется, всех превзошел в лести Анастас Иванович Микоян, его шедевр назывался «Великий зодчий коммунизма».

В стране и, естественно, в МГУ начались «патриотические» кампании, организованные «рябым людоедом» (мне это нравится гораздо больше, чем эффективный менеджер). Агитпроп вовсю сочинял «вторую реальность», все время что-то измышляя. А сама действительность в МГУ стала безрадостной. Сначала освободили от работы ректора МГУ профессора Илью Саввича Галкина (проректора МГУ в 1941–1943 годах, ректора в 1943–1948 годах), и потом пошло по всем факультетам. Наш любимый профессор Борис Цезаревич Урланис стал «безродным космополитом». Трудно было и профессору И.А. Витверу, ведь у него на кафедре одни беспартийные, включая самого заведующего, да еще с «плохими» фамилиями. Иван Александрович все-таки сумел со-

хранить на кафедре И.М. Маергойза, но всех отстоять не удалось. Конечно, поскольку все эти кампании имели отчетливо антисемитский характер, ни о каком оставлении на кафедре или рекомендации в аспирантуру и речи быть не могло. Нас в 1951 году по кафедре И.А. Витвера заканчивало всего 4 студента – Яков Машбиц, Нина Дриц, я и Леонид Павлов (у него были другие планы). И место в аспирантуру было. Поэтому к Ивану Александровичу обратилась с просьбой поступить на это место наша сокурсница с другой кафедры.

– Но Вы же ни одного языка не знаете, – ответил он.

– Зато, Иван Александрович, я очень хорошо знаю русский, – был ответ.

Так «доспевали» и вполне приличные люди в период строительства реального социализма. Конечно, в аспирантуру ее не взяли. Но, с другой стороны, ведь Рената пыталась поступить не на Машбица или мое, а на «пустое» место. Потом мы встречались и дальше как друзья.

Несмотря на все тени, тогда был «Золотой век» факультета. Это теперь, когда мы смотрим из XXI века на то, что было 70 лет назад, когда появилось много материалов о преступлениях сталинского режима, нам кажется все происшедшее довольно страшным. Да это и действительно очень страшно. Но тогда мы все верили в лживую сказку о коммунизме, на то и были «детский сад». Мы тогда многого не знали и не понимали. А поколение наших родителей было напугано навсегда. Помню, как отец даже в нашей комнате на Метростроевской в доме дореволюционной постройки с толстыми стенами говорил мне: «Тише, Юра, тебя посадят – ладно. Но ведь и нас возьмут».

Так мы жили в самой свободной стране.

3. Наши учителя

Их было много на геофаке. И конечно, все преподаватели были очень разными: от академика до лаборанта, молодые и не очень, бодрые и утомленные жизнью, но всех их объединяло одно – желание и умение учить нас.

Конечно, экономгеографу нельзя не начать с Николая Николаевича Баранского – самого крупного экономгеографа, заложившего основы советской экономической географии и создавшего ведущую в XX веке научную школу (она часто называется «районной школой»). О патриархе советской экономической географии написано очень много работ; лучшая, по-моему, принадлежит Ю.Г. Саушкину¹.

А вот каким он был лектором, как проводил занятия, знают теперь немногие, те, кто слушали его лекции в 40–50-х годах прошлого столетия. Эти лекции проходили обычно в большой (бывшей Коммунистической) аудитории на Моховой 9, потому что приходили студенты не только с других курсов геофака, но и с других факультетов. В общем, это всегда было событием. Николай Николаевич и в 70 лет выглядел мощным, красивым человеком с огромной белой шевелюрой и с длинными усами. Он обычно не читал лекцию в общепринятом смысле, а скорее вел с аудиторией неторопливую, интересную беседу на ту или иную тему своим низким голосом, оказывавшем магическое воздействие на аудиторию. Сам задавал вопрос и потом отвечал на него. Любил лирические или философские отступления, шутку, юмор. Например, он однажды рассказал, как переезжал на другую квартиру. Грузчики открыто удивлялись: – Такой ученый, а так немного мебели, да еще не очень новой. А Ни-

¹Саушкин Ю.Г. Николай Николаевич Баранский (1881–1963) // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение. 1987. С. 218–245.

См. также: Баранский Н.Н. Моя жизнь в экономической географии. М., 2001. 96 с.

колай Николаевич ответил им: – Да, я всю жизнь меблировал свои мозги, а не квартиру! А сама мебель... никогда не интересовала. Или он обращался к одной из сидевших в первом ряду, скажем так, не очень интеллектуальных девиц, и смотря прямо ей в глаза, очень серьезно говорил: – А вы знаете, ведь глупость – это дар Божий. И никто не смеялся, лишь некоторые слегка улыбались, другие – наматывали себе на ус. В лекциях излагались перспективные направления развития экономической географии на многие десятилетия. Вот, например, Николай Николаевич ратовал за антропокультурный подход к изучению города. Он говорил, что убив старую антропогеографию, «новые веяния» ничего не создали на ее месте, ничего не сделали для изучения образа жизни населения, его культуры, обычаев, для «очеловечивания» географии, или, как мы теперь говорим, для ее социального наполнения. И темпераментно восклицал: – Человека забыли!!!

Он ратовал за всестороннее изучение жизни населения для ее улучшения. Но государству и тогда, в период «развитого социализма», да и теперь это совсем и не нужно: тогда ведь пришлось бы петь не «эх, хорошо в стране советской жить!» и не «в колхозах хлеба полные амбары», а криком кричать о голоде и «красном терроре», о громадных, немыслимых потерях в войне 1941–1945 годов, о трудной нищей жизни большинства населения страны Советов, а в результате – о низкой ценности этой самой человеческой жизни в России и раньше, и теперь. Увы, человека у нас действительно забыли – не только изучать, но и беречь.

Это и определило демографическое разорение России в XX веке¹. Ведь только потери населения России за прошлое столетие, по оценкам Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирова-

¹См. подробнее: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. Ч. 5.

ния РАН, составляли 113 млн человек, а с учетом повышенной по сравнению с другими европейскими странами смертности в последней трети XX века – почти 137 млн человек. Они близки по численности современному населению страны (142 млн человек) и много больше медианного значения того же прогноза численности населения на 2050 г. – 98 млн человек¹. Таким образом, человека у нас еще как забыли!

Вот почему идеи Н.Н. Баранского об «очеловечивании» географии, об «увязке природы и хозяйства, а кроме того, истории, культуры и политики в один, по возможности, более цельный логически связанный комплекс», начали серьезно разрабатываться у нас, к сожалению, только через 30–40 лет! Когда на смену экономической географии пришла социально-экономическая география. Таков был масштаб одного из наших учителей.

В 1947 г. Н.Н. Баранский передал заведование кафедрой экономической географии СССР своему ученику, 36-летнему профессору Юлиану Глебовичу Саушкину. Это был человек широких знаний, большой культуры, внесший значительный вклад в развитие советской географической науки. Он читал лекции совсем в иной манере – очень энергично, с артистизмом, прекрасной дикцией и даже среди профессоров выделялся превосходным литературным языком. Говорили, что Юлиан Глебович в свое время даже брал уроки риторики, настолько она была совершенна. В общем, это был профессор-златоуст, незабываемый как лектор: он умел захватить студентов, увлечь их магией своего таланта, богатством и логикой мысли, темпераментом изложения, мастерством и живостью образов, наконец, красотой и необычностью дикции.

Юлиан Глебович был сдержан в общении со студентами, говорил с нами на Вы; обычно, отвечая в перерыве между лекциями какой-нибудь маленькой «фитюльке», вставал со

¹Там же. С. 446–447.

стула, в общем, учил без слов, что такое культурный человек. Он поддерживал и помогал ученикам геофака и после их окончания, во многом служил для нас примером. Так, в мае 1973 г. почти полвагона ехало в Пермь на совещание по географии населения. В вагоне было нестерпимо жарко, не работала вентиляция. На следующий день в Предуралье повсюду цвела черемуха, было очень комфортно, но все ходили как вареные. Только Юлиан Глебович был, как всегда, бодр и подтянут. Когда через несколько лет у меня вышла книга о современной урбанизации, я ее послал Юлиану Глебовичу. Он написал мне очень теплое письмо и отметил, что это готовая докторская. Надо только добавить главу об управлении урбанизацией. К сожалению, так думали не все, а некоторые откровенно мешали, так что до финиша прошло более 10 лет. А много лет спустя, когда мне нужно было в сжатые сроки подготовить курс лекций по истории географии, как меня «выручили» труды Юлиана Глебовича, особенно «Географическая наука в прошлом, настоящем и будущем» (1980). Так что и «оттуда» наши университетские учителя помогали нам. Отблагодарить их непосредственно, увы, уже невозможно. И я хотя бы косвенно стремился вернуть свой «долг», стараясь относиться к студентам геофака Московского педуниверситета так же доброжелательно и ответственно, как относились к нам наши профессора много лет назад.

Даже среди университетских преподавателей Иосиф Петрович Магидович (1889–1976) выделялся энциклопедическими знаниями и научной эрудицией. Он обладал редкой памятью, знал семь европейских языков, был талантливым педагогом, что в сочетании с интересом к классической литературе и поэзии придавало неповторимый колорит его лекциям. Иосиф Петрович внешне не был очень заметным, с длинными, зачесанными назад седеющими волосами, живыми, несколько насмешливыми глазами, не лучшей дик-

цией. Но когда он начинал рассказывать о разных странах и народах, об их образе жизни, нравах, религиозных обрядах, расселении, приводить десятки интереснейших фактов, о которых нам тогда не приходилось слышать, все забывалось. Ведь в то время, за «железным занавесом» наши представления о зарубежных странах были скудными, а во многом окутанными ложью и фантастикой. Все мы были атеистами, хорошо помнили определение нашего первого вождя религии как «опиума для народа». И вдруг столько нового и интересного о мировых религиях, их большой роли в развитии культуры на разных этапах развития человечества; о жизни и культуре отдельных народов, их истории и географии. Мне удалось прослушать этот курс «Население мира», а вскоре, в 1951 г., в период советской «охоты на ведьм» Иосифу Петровичу пришлось покинуть университет. Думаю, что больше пострадали студенты последующих поколений, чем сам Иосиф Петрович. За оставшиеся 25 лет жизни он буквально совершил переворот в изучении истории открытия и исследования Америки (Северной, Центральной и Южной) и Европы. Иосиф Петрович написал за эти годы 12(!) монографий, некоторые в соавторстве с сыном. И тем самым заметно увеличил свой и без того большой и разносторонний вклад в советскую экономическую и историческую географию.

Преподаватели геофака тех лет, думается, сами разделились на тех, кто практически студентам ничего не давал, разве что уроки подлости (та же Калашникова) или тупости (Даниил Кошелевский, вел семинары по истмату и часто очень уж «путался» в «вечно живом» учении), и на тех, кто готовил нас очень серьезно, ответственно, заинтересованно, учил и собственным примером. Таких было, конечно, большинство. Мы же не делили этих последних по их титулам и прочим внешним атрибутам, ведь все они одинаково много уделяли времени и сил нашему образованию. Поэтому и помним до

сих пор лаборантов кафедры Нину Ливерьевну Осиповну с ее жесткой логикой, или добрую Киру Всеволодовну Покровскую, которые много возились с нами при оформлении курсовых и дипломных работ, в подборе материалов, помогали советами. Или ассистента Ольгу Леонардовну Бухгольц, всегда приветливую, немного насмешливо-загадочную и очень разумную (хотя и была немногим старше нас). Или ассистента Юрия Викторовича Илинича, нашего известного полониста, который много помогал и потом, будучи консультантом, при составлении в НРКЧ вузовской карты Польши на 4-х листах. С ним всегда было интересно поговорить на самые разные темы. И даже некоторые неприятности студенческого бытия мало что меняли в нашем отношении к преподавателям. Так, я очень переживал «тройку» по геоморфологии на 3-м курсе (единственную за все 5 лет), которую довольно быстро поставила Александра Сергеевна Корина. А потом, много лет спустя, понял, что ведь эту науку, к сожалению, действительно мало знаю, и тройка много лет назад была заслуженной.

Хотя все преподаватели для нас были, повторяю, одинаково важны во время обучения на геофаке, остановлюсь подробнее на трех из них, которые оказали наибольшее влияние и в университете, и после его окончания.

4. И.А. Витвер

Иван Александрович принадлежал к первой, довоенной волне деятелей науки и образования, стоявших у истоков советской географии. Все они родились в последнем десятилетии (или в близкие к нему годы) XIX в. и поэтому успели получить, как правило, хорошее образование и воспитание. До географического факультета им приходилось работать в самых различных учреждениях экономического, статистического, планового, этнографического профиля, преподавать, заниматься редакционно-издательской деятельностью во многих организациях и учебных заведениях страны. В Московский университет Иван Александрович пришел в зрелом

возрасте, когда ему было уже 42 года (1933 г.). О творчестве и деятельности профессора Витвера многое написано его учениками разных поколений¹. Здесь же вспомним то, что сохранила память «из неодолимого мрака прошлого», от которого нас отделяет 70 лет.

Главное, что было в привлекательном облике Ивана Александровича, когда я его впервые увидел (где-то в 1946 или 1947 гг.), как я думаю теперь, – это дворянское происхождение. Он был весьма представительный, высокий, красивый, с прямой спиной и неспешной походкой, весь ухоженный, с барственным, породистым лицом, на котором часто можно было увидеть легкую, немного насмешливую улыбку. Конечно, Иван Александрович резко выделялся на факультете. Излишне говорить, что на кафедре его боготворили, а студенты любили и даже немного побаивались (уж очень велика была разница). К нам он относился всегда ровно, обращался весьма вежливо, спрашивая в ответ на наши обращения: Ну хорошо, голубчик, что я должен сделать (сказать, написать, попросить для Вас и т.д.)? Слово «голубчик» присутствовало почти всегда. Главное же заключалось в том, что это был профессор, который сумел на кафедре (а она всего занимала крошечное пространство, выгороженное шкафами) создать в нелегкие послевоенные годы атмосферу благожелательности, ответственности, взаимопомощи, духовности и душевности.

¹Особенно выделяется обстоятельная книга Вольского В.В., Бонифатьевой Л.И. Иван Александрович Витвер. Ученый. Учитель. Человек. М., 1991. Но и она не остановила потока публикаций благодарных учеников. См., например, Пивоваров Ю.Л., Пуляркин В.А. Слово об учителе (К столетию со дня рождения Ивана Александровича Витвера) // Пространственное развитие урбанизации. М., 1991; Витвер И.А. Избранные сочинения / Под. ред. В.В. Вольского и А.Е. Слуки. М., 1998 (см. нашу рецензию: Вестник РАН, 2000, № 5); Пивоваров Ю.Л. Один из основоположников советской экономической географии: Иван Александрович Витвер (1891–1966) // DAMU-Hefte 1/2005 (Berlin).

И другие кафедры в разной мере поддерживали на факультете эту незабываемую атмосферу, которая была решающей в его истинном, почти противостественном расцвете в очень нелегкие послевоенные годы. Преподаватели способствовали нашему образованию не только лекциями и семинарами, но и своими широкими интересами вне кафедры. Например, известно было, что Иван Александрович очень любит классическую музыку. Но мы и представить не могли, что он получил два высших образования – в консерватории и в университете.

Профессор
Иван Александрович Витвер

И некоторые студенты стали ходить на концерты в Большой зал Консерватории и потихоньку приобщились к серьезной музыке. И теперь, когда я посещаю концерты в Берлинской филармонии, вспоминаю Ивана Александровича. Сейчас это все, понимаю, и представить себе трудно, но, увы, так было, правда, давно – в середине прошлого века.

Иван Александрович Витвер родился в селе Ильино Тверской губернии в мелкопоместной дворянской семье, где любили литературу, музыку и искусство. На всю жизнь он сохранил как личность очарование дворянской культуры, о которой теперь можно только читать в хороших старинных романах. Это был человек неповторимой индивидуальности. Большая внутренняя культура, честность, духовность счастливо сочетались в нем с представительной внешностью, мягким голосом, удивительно правильным и образным русским языком.

Окончив московскую гимназию, юноша поступил на естественное отделение Московского университета. Здесь он слушал лекции по географии и антропологии одного из основателей отечественной географической школы академика Д.Н. Анучина. Однако большая любовь к музыке приводит его в консерваторию, где он получает прекрасное музыкальное образование. В 1916 г. Иван Александрович вторично поступил в университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1921 г. Затем он учился в аспирантуре Института истории и одновременно преподавал в школе историю и экономическую географию. В 1926 г. будущий патриарх советской экономической географии Н.Н. Баранский пригласил И.А. Витвера на работу в отдел географии издательства «Советская энциклопедия». Эта встреча сыграла огромную роль не только в судьбе каждого из них, но и в становлении советской экономической географии, создателями которой они стали. В 1933 г. Иван Александрович перешел в МГУ на созданную Н.Н. Баранским кафедру экономической географии, а через год он возглавил первую в стране кафедру экономической географии капиталистических стран, которой руководил около 30 лет.

На этой «кафедре Витвера» я учился три старших курса. Обстановка там была деловая, требовательная, ответственная. С нами с увлечением занимались все – от профессора до лаборантов. И это увлечение передавалось и студентам. Помню, с каким интересом я писал дипломную работу в прекрасной библиотеке МГУ им. А.М. Горького под руководством Исаака Моисеевича Маергойза, одного из наиболее оригинальных преподавателей геофака МГУ 40–70-х годов (о И.М. Майергойзе см. ниже). Объем диплома был примерно таким же, как защищенных мною впоследствии кандидатской и докторской диссертаций. Наряду с «наукой», мы безмерно ценили доброе, заботливое отношение к нам всех членов кафедры во главе с ее заведующим. Долгие годы по

окончании факультета мы, например, вспоминали на своих встречах, как И.А. Витвер пришел на вокзал провожать нас на преддипломную практику в Закарпатье. До сих пор помню, как мы, студенты-дипломники, пришли в Большую Зоологическую аудиторию МГУ на заседание Географического общества, посвященное 60-летию Ивана Александровича.

И после заседания он каждого – нас было четверо (и трое стали потом профессорами) – поблагодарил, подав на прощание свою холеную теплую руку.

И.А. Витвер всегда придавал большое значение созданию новых лекционных курсов, оригинальных монографий, превосходных учебников, по которым воспитывались многие поколения школьников и студентов. Им были созданы лекционные курсы и на их основе книги о Германии (1939 и 1945 гг.), Франции (1958, 1969), Великобритании (1947), странах Латинской Америки (1935), затем курс по географии мирового капиталистического хозяйства. Особо следует отметить уникальный курс историко-географического введения в экономическую и политическую географию зарубежного мира (издан трижды – 1945, 1963, 1998), он и поныне читается на факультете.

Иван Александрович был одним из самых блистательных страноведов. Именно благодаря его эталонным трудам и работам многочисленных учеников в СССР быстро развивалось научное страноведение, достигнувшее наивысшего расцвета в XX веке и ушедшее вместе с ним. Сегодня, когда многие студенты-географы посещают уже во время практики зарубежные страны, трудно себе представить аромат совсем недавно сгинувшей «коммунистической эпохи», когда страновед № 1 ни разу не был за рубежом и, возможно, даже не мечтал посетить исследуемые страны, как не мечтают посетить Марс или Венеру нынешние исследователи далеких планет. При этом И.А. Витвер во многом не

был обижен властями, несмотря на непролетарское происхождение, беспартийность, принципиальность и другие «недостатки». Он заведовал кафедрой, в трудные годы войны в эвакуации был деканом географического факультета, докторскую степень получил без защиты, был удостоен звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Его школьный учебник «Экономическая география зарубежных стран» выдержал 16 изданий (1935–1955), а 11-ое издание 1950 г. отмечено Сталинской премией, одной из первых среди географов. «По Витверу» учились многие поколения школьников. Учебник был издан в Польше, Чехословакии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Китае, Японии, Великобритании, Франции. И тем не менее, в исследуемых странах он не был, и не он один. Как у слепого в невероятной для обычного человека степени обостряются все остальные органы чувств, так у советских страноведов сила воображения и научная интуиция восполняли невозможность видеть зарубежные страны собственными глазами¹. Но читая детальное описание И.А. Витвером Парижа (как и И.М. Маергойзом Гамбурга, Бремена, Вены), невозможно поверить, что автор не прожил в этом городе если не долгие годы, то, по крайней мере, долгие месяцы. Да у студентов и не возникал такой вопрос, мы были уверены, что И.А. Витвер там, конечно, был не один раз. И только много позже узнали, что это не так, еще раз удивившись безграничным возможностям одного из самых любимых профессоров геофака МГУ 30–60-х годов.

В памяти многих поколений географов И.А. Витвер остался как разносторонне одаренная личность – крупный ученый-новатор, талантливый лектор, заботливый учитель; а кроме того, он был великолепным знатоком музыки, неутомимым путешественником и просто на редкость приятным собеседником, которого отличали огромная эрудиция

¹См.: *Шупер В.А.* Памяти ученого // В.А. Пуляркин. Локальные цивилизации во времени и пространстве. М.: Эслан, 2005. С. 8.

и исключительная благожелательность. Своим ученикам он старался передать интерес к знаниям, настойчивость и целеустремленность в работе, трудолюбие, ответственность. И когда пришло время, передал руководство кафедрой лучшему из своих учеников – Виктору Вацлавовичу Вольскому (1921–1999).

Это был достойный преемник и очень смелый человек. Он проявил смелость не только в настоящей войне, за что получил в начале 1945 г. звание Героя Советского Союза, но и в оказавшейся не менее

Профессор.
Герой Советского Союза
Виктор Вацлавович Вольский

тяжелой борьбе за сохранение витверовских принципов на факультете в 90-е годы: и он умер в этой борьбе на посту – на факультете во время доклада о направлениях работы кафедры. Член-корреспондент РАН В.В. Вольский, многие годы совмещавший заведование кафедрой с работой директора Института Латинской Америки РАН и различными другими обязанностями, многое сделал для сохранения «кафедры Витвера»: регулярно устраивались Витверовские чтения, выпускались интересные кафедральные сборники, отмечались юбилеи кафедры, на которые приглашались выпускники всех поколений. Но главное – Виктор Вацлавович сумел сохранить на кафедре, ставшей очень модной на факультете, дух своего учителя, несмотря на усиление коммерциализации образования в старейшем университете страны. Он успел сделать два важных дела: издать под своей редакцией прекрасный том «Избранных сочинений»

И.А. Витвера¹, а затем выпустить капитальное учебное пособие «Социально-экономическая география зарубежного мира»; в нем написал наиболее оригинальные, интересные разделы². И вскоре закрыл за собой дверь по своему великой эпохи кафедры Витвера (1934–1999 гг.), великой не только продолжительностью, но и достижениями, которые едва ли удастся скоро повторить.

5. И.М. Маергойз³

Исаак Моисеевич был одной из наиболее значительных, знаковых фигур во втором поколении советских эконом-географов, которые воспитаны в Московском университете в 30–50-х годах прошлого века Н.Н. Баранским, Н.Н. Колосовским, И.А. Витвером, этими отцами-основателями по существу нового направления в науке и преподавании географии.

¹*Витвер И.А.* Избранные сочинения / Под редакцией В.В. Вольского и А.Е. Слуки. М.: Изд-во МГУ, 1998. 592 с. См. нашу рецензию: Вестник Российской Академии Наук, 2000. № 5. С. 470–471.

²Социально-экономическая география зарубежного мира / Под ред. В.В. Вольского. М., Крон-Пресс, 1998. 590 с., с илл. См. рецензию: В.А. Пуляркин. Меняется мир – совершенствуется учебник // Известия РАН. Серия географическая, 1999, № 3.

³В основу настоящего очерка положена статья, подготовленная автором к 100-летию со дня рождения Исаака Моисеевича (17 сентября 2008 года). Она почти полностью вошла в сборник, посвященный памяти учителя многих поколений географов-зарубежников. См.: Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. 896 с.: ил.

Сборник содержит детальную характеристику жизни и творчества И.М. Маергойза, подробный анализ и систематизацию его научного наследия и реально показывает, на каких направлениях и в какой степени оно сегодня сохранило свою актуальность и свой вдохновляющий потенциал. Без преувеличения, ученики Исаака Моисеевича, особенно проделавшие колоссальную работу составители сборника П.М. Полян, А.И. Трейвиш, подготовили уникальный том, не имеющий ничего подобного в нашей экономической и социальной географии. Эта увесистая книга (56 печатных листов) – еще один памятник классику советской экономической географии. (Рецензию автора на этот сборник см. в прилож. 3).

Профессор И.М. Маергойз был и Ученым, и Учителем, что называется, от Бога. Он оказался одинаково самобытен в этих двух ипостасях университетского профессора. Талант самородка из глухого местечка в далекой Подолии на Украине, думаю, зиждился на двух «ки-тах» – неординарном географическом мышлении и колоссальной интуиции. Они и позволяли Исааку Моисеевичу создавать виртуальные образы и картины,

Профессор
Исаак Моисеевич Маергойз

своего рода «вторую реальность», от которой затем протягивались десятки нитей (связей) для действительных экономгеографических представлений об отдельных городах, странах и районах зарубежной Европы. Такая методика позволяла, несмотря на крайне ограниченные тогда материалы для исследования, создавать полнокровные характеристики различных географических объектов.

У Исаака Моисеевича постоянно рождались, фонтанировали, развивались идеи, важные для нашей науки и подготовки молодой смены. Кроме того, он обладал завидной целеустремленностью, стойкостью, умел «сыграть» жестко с оппонентами в отстаивании своих часто нестандартных взглядов и идей, не укладывавшихся порой в «партийную науку». Он хорошо понимал реалии «страшных лет России». Ведь вся сознательная жизнь Исаака Моисеевича прошла в годы строительства «азиатского социализма», трудного для всех, а для него вдвойне по ряду пунктов, особенно «пятому». Но мы никогда не видели Учителя растерянным или слабым, наоборот, для нас он всегда излучал силу, уверенность, оптимизм, основанные на вечном стремлении

И.М. Маергойз.
Фото военных лет

к творчеству и познанию истины. Поэтому его поддержка, не только профессиональная, но и чисто человеческая была бесценна для каждого, кто нуждался в помощи. Ведь Исаак Моисеевич не только учил, но и заботливо опекал своих учеников, был мудрым наставником и опытным, осторожным гидом в наших первых странствиях по дорогам «империи лжи».

От творчестве и деятельности профессора Маергойза за эти 40 с лишним лет после ухода из жизни многое написано его учениками разных поколений. А в июне 2012 года вышел огромный вышеупомянутый том (Географическое положение и

территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза), думаю, уникальный не только для географической науки. Мы же вернемся к тому, что сохранила память из «неодолимого мрака» прошлого, от которого нас отделяет около 70 лет.

С Исааком Моисеевичем я познакомился осенью 1948 г., когда на 3 курсе геофака МГУ нужно было по избранной для специализации кафедре найти руководителя курсовой работы. Слышал, что на кафедре экономической и политической географии капиталистических стран, которой заведовал маститый профессор Витвер, есть доцент – очень внимательно относящийся к студентам, но попасть к нему трудно, так как у него много «курсовиков» и дипломников. Помню, с каким волнением и неуверенностью я отправил-

ся к Исааку Моисеевичу с просьбой быть руководителем моей курсовой работы. Он очень внимательно, изучающе посмотрел на меня, о чем-то спросил и... как-то вдруг по-доброму и, немного загадочно улыбнувшись, дал согласие. Но сразу сказал, что тема будет по Чехословакии и поставил условием основательно учить чешский язык. Я был на «седьмом небе», хотя тогда, конечно, не знал: начавшаяся учеба у И.М. Маергойза по существу продолжалась почти 30 лет, до его кончины в 1975 г.

Скоро я стал регулярно бывать у него дома: сначала как у руководителя курсовых и дипломной работы, потом как у консультанта редактируемых мною в Научно-редакционной картосоставительской части МВД СССР (НРКЧ) карт Чехословакии и Венгрии для высшей школы, затем при подготовке кандидатской диссертации, а позже как у соавтора ряда статей, со-редактора книг и сборников, руководителя семинара по урбанизации в Московском филиале Географического общества и просто в связи со всякого рода радостями и горестями¹. Особенно запомнился ранний период наших встреч, когда потребность в помощи у меня была большей, а память – острее.

Исаак Моисеевич жил тогда в Кожевниках, недалеко от Павелецкого вокзала, в двухэтажном бараке с коридорной системой и всеми удобствами в конце коридора, в одной комнате – с очень милой и во всем его поддерживавшей женой Рахилью Марковной и усыновленным племянником (его родители погибли во время войны). Там, почти сразу после входной двери, слева у стены, стоял небольшой стол, за кото-

¹Совместно с Исааком Моисеевичем написаны 5 статей (одна из них дважды переводилась на английский язык: *Soviet Geography*, 1972. № 2; *Geographia Polonica* № 27), отредактированы книга М. Блажека. Экономическая география Чехословакии. Пер. с чешского (М., Изд-во иностр. литературы, 1960. 476 с.) и сб. 96 «Вопросы географии» (Урбанизация мира, 1974. 206 с.) Он был также ответственным редактором моей книги о населении социалистических стран зарубежной Европы (М., Наука, 1970. 176 с.) и одним из оппонентов на защите мною кандидатской диссертации в 1959 г. (другими были О.А. Константинов и И.В. Комар).

рым были написаны первые книги – о Киеве, а затем о Чехословакии. Помню, с каким энтузиазмом и даже с некоторым пиететом читал мне там Исаак Моисеевич некоторые только что написанные страницы. Поражали его увлеченность, самоотдача, глубокое проникновение в исследуемые им города и страны и поэтому некоторое понятное самолюбование своим текстом. Вот уж поистине он обладал теми качествами, о которых Борис Пастернак так образно писал:

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

А в окружении Исаака Моисеевича на геофаке МГУ, к сожалению, встречались «деятели», которые, ничего не знача, писали на него доносы и доставляли всякие другие неприятности, уносившие много сил. Для меня тогда оставалось загадкой, как Исаак Моисеевич писал книги о Чехословакии¹ и о Венгрии². Материалов и статистики в открытом доступе почти не было, и все в значительной мере основывалось на его удивительном умении по немногому сказать о многом (как в работе археолога), на его удивительном, как теперь говорят, географическом мышлении, большой интуиции, колоссальной включенности в тему, наконец, на оригинальности видения объектов исследования³. А их и, прежде всего, любимые страны – Чехословакию, Венгрию, ГДР – Исаак

¹Маергойз И.М. Чехословакия. М.: Географгиз, 1954.

²Маергойз И.М. Экономическая география Венгрии. М.: Изд-во МГУ, 1956.

³Были и другие трудности. Так, осенью 1956 г., когда тираж книги «Экономическая география Венгрии» был полностью готов и находился еще в типографии, началось венгерское восстание (о нем советская печать писала немного, но лживо, и было мало понятно, что там происходит). Тираж задержали, его судьба стала довольно печальной, грозила «лапша» (уничтожение всего тиража). Это продолжалось больше года, и только в 1957 г. книга была все-таки выпущена в свет (даже год издания остался прежним, ведь переделывать ничего было невозможно просто физически).

Моисеевич рассматривал на широком мирохозяйственном фоне, в рамках той географической картины мира, которую он так хорошо мысленно видел и когда читал лекции, закрывая глаза и улыбаясь в свойственной только ему манере, и когда учил нас уму-разуму.

Профессор Маергойз уже тогда прекрасно представлял задачи университетского образования, которые не сводятся к усвоению студентами основ науки по избранной специальности. Он понимал необходимость получения выпускниками кафедры не всегда только приятных представлений о жизни и окружающем нас мире, в котором добро и зло часто идут рядом. Вот почему мы так спешили к нему за советом и помощью по самым различным вопросам. Так, когда в 1951 г. у меня возникли трудности с распределением, я побежал к Исааку Моисеевичу. Мы долго гуляли по его переулку (так он «отдыхал» от работы над рукописью первой книги о Чехословакии), я довольно остро говорил о порядках «в нашей юной, прекрасной стране», как тогда пели кругом по радио, и вдруг услышал вещие слова: «Юрий, надо ехать! Нельзя быть внутренним эмигрантом!» (Тогда речь шла о перспективе учительствовать в российской глубинке). Как и в других, редких случаях несогласия с Исааком Моисеевичем, я интуитивно понимал его правоту, да только вот ехать не хотел. Потом все закончилось сравнительно благополучно благодаря усилиям профессора Витвера (я получил место в одной из московских контор, а кончавший со мной Я.Г. Машбиц остался тогда без работы, как через пару лет и Ю.Г. Липец). И только полвека спустя вспомнил слова Исаака Моисеевича и еще раз подивился тому, насколько он чувствовал наши настроения и неготовность к жизни в то лихолетье.

Жизнь самого профессора Маергойза, заполненная до предела каждодневным трудом, к сожалению, была не такой уж легкой, она отражала всю противоречивость и жесткость «реального социализма».

С одной стороны, юноша из небольшого украинского местечка в годы советской власти сумел стать уважаемым профессором лучшего университета СССР и широко известным географом в стране и за рубежом. Его высоко ценили и тоже опекали Н.Н. Баранский и И.А. Витвер, любили студенты, аспиранты, благодарные ученики (правда, попадались и неблагодарные), уважали коллеги на факультете и во многих географических учреждениях страны. И тем не менее...

Расцвет таланта Исаака Моисеевича пришелся на трудные и полуголодные послевоенные годы. Но не разруха была тогда самой страшной для многих. Не сумев организовать быстрое восстановление страны после тяжелой войны, «вождь и учитель» встал на путь закручивания гаек и демонстрации «торжества» ленинско-сталинской национальной политики (пресловутой дружбы народов, отголоски которой так ощущаются и сегодня). Вот почему Исаак Моисеевич, как и другие любимые преподаватели студентов геофака МГУ конца 1940 – начала 1950-х годов, остался в нашей памяти человеком, испытывавшим на себе «железную лапу» тоталитарной системы; ведь ее карающей меч всегда был направлен в первую очередь против самых заметных и талантливых. Мы хорошо помним, как по факультету неслышно шмыгали какие-то неизвестные тени, они «проверяли» лекции наших уважаемых преподавателей, писали им потом какие-то «характеристики» (?!), оставляли в аспирантуре Бог знает кого, а нас, с красными дипломами, распределяли очень обидно, а то и вообще оставляли без работы. В университетской газете весной 1949 г. появилась злобная статья о «безродном космополите» проф. Б.Ц. Урланисе (а на самом деле советском демографе № 1 и исключительно талантливым, интересном человеке, патриоте своей страны), государственный антисемитизм (под флагом борьбы с сионизмом) набирал обороты¹.

¹Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007. Приложение II. Дорогами геоурбанистики. С. 298.

А чего стоила затея Географгиза выпустить первую книгу И.М. Маергойза – о Киеве, написанную так взволнованно, красочно и интересно о любимом и родном для него городе, – под другой, «украинской» (Марченко!), фамилией?¹ Исаак Моисеевич был, естественно, возмущен и хотел забрать рукопись (а книга была уже готова к выпуску). И только Н.Н. Баранский, которого он очень уважал, будучи редактором этой книги, первой в серии «Столицы союзных республик СССР», сумел все-таки уговорить автора пойти на этот вынужденный, унижительный шаг.

Мы были тогда молодыми и беспечными, многого не знали и не понимали, а Исаак Моисеевич, как и поколение наших родителей, хорошо помнил прошлое, ведь ощущение страха и несвободы витали в воздухе не одно десятилетие. Поэтому он обычно избегал разговоров о политике. Только однажды изменил этому правилу, в начале марта 1953 г. Умер «кремлевский горец», и в учреждениях проходили траурные митинги. Был он и в нашей конторе, в большом зале, где стояли огромные полиграфические машины. Народу собралось много, в основном это был женский коллектив, и плачь по вождю и учителю мне не забыть. Впечатление тяжелое. На другой (или, может быть, в этот же) день мы встретились у Павелецкого вокзала, чтобы немного погулять, а потом уже идти к Исааку Моисеевичу. Как обычно, он спросил, как дела, чем я занимался; я ответил, что неважно и рассказал о митинге, о скорби по вождю. И вдруг услышал сакраментальное: «Ну и что?! Радоваться надо! Когда-нибудь будет написана подлинная история его деяний, и Нерон покажется совсем не таким уж и страшным». Помню даже то место около Павелецкого вокзала, где остановился как вкопанный, прямо на трамвайных рельсах. И это при том, что Исаак Моисеевич, повторяю, никогда не поддерживал раз-

¹Марченко И.М. Киев – столица Украинской ССР. М.: Географгиз, 1950.

говоров о политике, и когда я что-то начинал критическое на эту тему, сразу переключал разговор на другое.

Много лет спустя меня поразили еще один случай. После выхода в 1964 г. второй книги о Чехословакии – наиболее капитального труда ученого, ознаменовавшего пик его творчества¹, однажды Исаак Моисеевич, беседуя со мной о делах, в своем маленьком кабинете (он уже жил в Доме преподавателя на Ленинских горах), вдруг очень тихим шепотом мне сообщил (и только издали показал, но в руки не дал) о письме от Антонина Новотного, бывшего тогда Первым секретарем Компартии Чехословакии и хозяином страны (кто его сегодня помнит?). В нем он благодарил автора за его книгу, которая является, как тогда писали, вкладом в советско-чехословацкую дружбу. А как можно было не шептать, когда в 1950-х годах по команде из Москвы прошли показательные (но закрытые) процессы над руководящими деятелями во всех странах «народной демократии» (мне почему-то сегодня невольно вспоминается «суверенная демократия»). И в Чехословакии в 1952 г. была осуждена и казнена группа руководителей во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ Рудольфом Сланским, вторым человеком в партийной иерархии. И Исаак Моисеевич как никто понимал меру их «вины» и очень тогда переживал. Но молчал, ведь никто не знал, что еще придумает «широкая грудь осетина». Наверное, для нынешнего молодого поколения все это может показаться преувеличением или даже небылицами, но для наших отцов и нас самих таково было лицо «развитого» социализма. И к нему снова тянет некоторых «любителей старины»!

К сожалению, огорчений у И.М. Маергойза всегда хватало. Вскоре после прихода на геофак МГУ (1943 г.) обстановка там для еврея с местечковым акцентом, размахивающего

¹Маергойз И.М. Чехословакия. Экономическая география. М.: Мысль, 1964. 732 с.

руками, беспартийного, да к тому же безмерно талантливой стала нелегкой. Ведь все (или многие) понимали, что никаких космополитов, сионистов и убийц в белых халатах нет, а есть просто нехорошие евреи, и их пора как следует поприжать. И жали!

Исаак Моисеевич уже к нашему поступлению в университет (1946 г.) стал наиболее заметным доцентом на кафедре экономической и политической географии капиталистических стран проф. И.А. Витвера. Кафедра была очень сильной, но еще более уязвимой: почти все, включая заведующего, были беспартийными с нехорошими фамилиями. Мне помниться эта атмосфера 1949–1951 гг.: работали всякие комиссии, проверяли качество лекций преподавателей (которых надо бы уволить). Об И.А. Витвере шептались, что он был ни больше, ни меньше – швейцарским подданным. На лекциях по марксизму Зоя Петровна Игумнова громогласно вещала о прелестях социализма (а она их знала не понаслышке, будучи женой В.В. Кузнецова, в то время председателя ВЦСПС), соответствующими были распределение выпускников, прием в аспирантуру, выдвижение в Сталинские стипендиаты и т.д. Словом, на факультете наблюдался здоровый всплеск государственного антисемитизма, от души и с размахом организованного, как мы тогда говорили, «вдохновителем и организатором всех наших побед», а сегодня – «эффективным менеджером» (нынче есть много определений Иосифа Виссарионовича – мне нравится, как я уже говорил, «рябой людоед»). И когда он умер (или был отравлен товарищами по Политбюро?), все равно недоверие, как писали, «к одной буржуазной нации» долго еще ощущалось на факультете. А иначе чем можно объяснить различные выходки и наветы, которые переросли в настоящую травлю Исаака Моисеевича? Тем более, когда он уже стал одним из лидеров советской экономической географии. Вот почему Исаак Моисеевич так поздно, в 57 лет защитил докторскую диссер-

тацию (1965 г.), выдержав изнурительную борьбу со своими недоброжелателями.

Среди них основной фигурой был В.А. Анучин, полемист опытный, жесткий и не всегда добросовестный, изворотливый, циничный, со здоровым чувством антисемитизма – словом герой того времени. Это был не только незаурядный интриган, но и известный географ, который активно защищал вызвавшие широкую дискуссию неоднозначные, но интересные взгляды на некоторые теоретические проблемы географии, да к тому же, говорили, еще и родственник Д.Н. Анучина – одного из основоположников русской географии. Словом, «оппонент» был не из слабых. Но и ему все-таки не удалось сорвать защиту, хотя понервничать Исааку Моисеевичу пришлось изрядно. Даже когда все интриги остались позади, перед самым Ученым советом вдруг поступил еще один донос по пустяковому, но «политическому» вопросу: якобы в работе неправильно освещено послевоенное переселение из чешских земель судетских немцев. И только принципиальная позиция декана геофака профессора А.П. Капицы спасла положение: в самый последний момент защита все-таки была разрешена и прошла блестяще. Но чего все это стоило ему!

Другой эпизод этого же жанра. Когда была образована новая кафедра стран народной демократии, казалось, что единственным кандидатом на заведование ею был Исаак Моисеевич. И вдруг откуда-то появился Иван Харитонович Овдиенко, для которого это назначение, видимо, самому было неожиданным. Вел он себя тихо, прилично, но долго руководить сильной кафедрой ему было не по силам. И тогда стали искать заведующего на стороне. Зачем?!

А нелепые слухи о плагиате?! Это руководителя, да такого как Исаак Моисеевич, которому и свои мысли далеко не всегда было время записывать, у своего аспиранта (в упоминавшейся книге о Венгрии). В те далекие годы Исаак Моисеевич

и Владимир Владимирович Бодрин (аспирант, защитивший диссертацию по городам Венгрии) помогали мне в подготовке к изданию карт Венгрии¹. Последний помнится мне как скромный, сдержанный человек, молчун и труженик. Хочу думать и спустя более полувека, что В.В. Бодрин сам никогда бы на это не решился – ему «подказали». Но верно и другое – за свою долгую жизнь он, к сожалению, не порадовал нас сколь-либо заметными научными сочинениями.

Были у Исаака Моисеевича и настоящие беды. Помню, как он горько, до слез переживал (1954 г.) внезапную кончину Н.Н. Колосовского, которого чтит не только как одного из основателей советской экономической географии, соратника и друга Н.Н. Баранского, но и как глубоко порядочного, скромного, настоящего русского интеллигента, которых и тогда оставалось не так уж много. Или как Исаак Моисеевич был в ярости от оккупации в августе 1968 г. его любимой Чехословакии, где было много бывших студентов, аспирантов, друзей среди известных географов. Но главное, думаю, в другом – Исаак Моисеевич был настоящим (а не «квасным») патриотом своей страны и лучше других понимал, какой огромный, долговременный ущерб эта очередная акция невежественных «кремлевских старцев» принесет нашей стране (она и стала началом конца СССР).

Отношение к Исааку Моисеевичу в официальном университете не изменилось и после его кончины. Когда был подготовлен сборник его работ (в том числе ранее не публиковавшихся), в Издательстве МГУ для него не нашлось места, хотя Рахиль Марковна туда ходила не один раз. А в издательстве «Наука» удалось получить (за счет лимита

¹См.: Экономические карты (врезки) «Промышленность» и «Сельское хозяйство», м. 1:2000 000 в справочной настольной карте «Венгрия». М.: ГУГК МВД СССР, 1958. Редактор Ю.Л. Пивоваров. Консультанты И.М. Маергойз, В.В. Бодрин; Карта «Венгрия», м. 1:600 000 для высшей школы. М.: ГУГК МВД СССР, 1954. Редактор Ю.Л. Пивоваров. Консультант И.М. Маергойз.

Института географии), правда, скромный объем¹. Но до сих пор находятся динозавры «сталинского разлива», которые всегда знают «как надо». Только этим можно объяснить наглость, с которой в мемориальном сборнике памяти Исаака Моисеевича (нашел место!) даются «указания», как надо было 25 лет назад (!) назвать этот сборник, какие статьи в него поместить и т.д.² Сказалась, конечно, старая привычка Г.М. Лаппо излагать «истину в последней инстанции», «ведь партия всегда права». Кстати, в указанном томе есть много ссылок на «Географическое учение о городах»³. Значит, книга востребована географами-профессионалами. Это является косвенной оценкой работы составителей и делает смешными пустые разглагольствования о том, «как надо».

По большому счету Исаак Моисеевич прожил, бесспорно, интересную, яркую и счастливую жизнь. Сколько раз я видел его в приподнятом, возбужденном, радостном настроении от удачных находок, оригинальных подходов в своих текстах, в работах своих учеников. Но, пожалуй, в наибольшей мере богатство его натуры проявлялось в университетских лекциях, в выступлениях в Московском филиале ГО СССР, на различных семинарах и конференциях. Лекции поражали и притягивали всем: и глубиной содержания, и яркостью формы, и эмоциональностью, и, наконец, музыкальностью речи. Исаак Моисеевич увлекал слушателей магией творчества, богатством мыслей и широтой взглядов, неожиданностью аналогий и выводов – одним словом, талантом ученого и учителя. Это был своего рода театр одного актера, но он не развлекал, а учил, и не только экономической географии, но и умению упорно и эффективно работать, выделять главное,

¹Маергойз И.М. Географическое учение о городах / Ред.-сост. Ю.Л. Пивоваров, П.М. Полян, С.Е. Ханин. М.: Наука, 1987.

²См.: Географическое положение и территориальные структуры: памяти И. М. Маергойза. М., 2012. С. 175.

³См.: Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М., 2012. С. 61, 257, 367, 389, 515 и др.

видеть перспективы, наконец, побуждал к размышлениям и поискам.

Удивительными были и доскональное знание Исааком Моисеевичем стран, районов и городов, в которых он, увы, никогда не был, умение видеть за фактом – закономерность (ему очевидную, а тебе почему-то нет!), замечательная острота научного «зрения». И все это озаряла только ему свойственная улыбка – от полноты самовыражения и радости творчества. Исаак Моисеевич не читал лекции в обычном понимании, он творил их (по выражению Ю.В. Илинича, многолетнего сотрудника кафедры). Импровизационность, интересный новый взгляд на проблему, страну, город, оригинальная интерпретация, свое видение – все это завораживало, хотелось учиться. Но записывать эти лекции было трудно. Исаак Моисеевич не раз говорил мне, что его некоторые лекционные курсы надо бы стенографировать. К сожалению, это делалось слишком редко¹. А сама речь на лекциях – радостно-возбужденная возникающими тут же мыслями, новыми соображениями, своим пониманием географических процессов и объектов? Где мы, студенты и аспиранты тех суровых лет, могли еще слышать нечто подобное? Даже типичный (пусть еврейский) акцент, думаю, не портил, а только подчеркивал самобытность и оригинальность Исаака Моисеевича.

Легендарный Леонид Осипович Утесов, когда ему однажды сказали, что незаменимых нет, ответил: «Да, незаменимых нет, но есть неповторимые». Вот Исаак Моисеевич и был из таких неповторимых – Ученый, Педагог, Человек.

У Исаака Моисеевича были и просто счастливые дни. Помню, например, его 60-летие (1968) в одной из больших столовых МГУ. Чествование было многолюдным: ученики разных поколений, коллеги, декан профессор А.П. Капица.

¹Записи лекций о Гамбурге и Бремене впервые опубликованы только в 1987 году в той же книге (Географическое учение о городах).

Юбилляр ходил между столами улыбающийся, слушал добрые слова, атмосфера была сердечной, искренней, приподнятой.

Но так было не всегда. Разве не унижительно подвергаться своего рода наказанию, применявшемуся властями к «не своим», к тем представителям интеллигенции, которые «не помогали» органам. Его очень долго не выпускали за границу, ведь для органов он был не крупным ученым, а всего лишь беспартийным «не той» национальности. Это касалось и некоторых его выпускников разных лет. Как я уже отмечал, в 1950 году И.М. Маергойз организовал незабываемую практику для «зарубежников» в Закарпатье, входившее до 1945 года в состав Чехословакии. Это осталось для него и многих из нас первым и надолго единственным впечатлением «о загранице». И только в последние годы жизни Исаак Моисеевич был в кратковременных командировках в ГДР, Чехословакии, Венгрии, но не дальше Берлинской стены. А «капиталистических стран» он так и не увидел.

Профессор Маергойз был почетным членом Географических обществ Чехии, Словакии, Венгрии, Югославии. Географическое общество ГДР наградило его медалью им. Г. Хааке, а Берлинский университет – Большой медалью им. Александра Гумбольдта. Но в СССР он никогда и ничем не награждался. Это, думаю, не могло не обижать такого раннего человека, как и то, что он практически был лишен возможности продолжительно работать непосредственно в тех странах, которые детально изучал. Как-то Исаак Моисеевич сказал мне: «Будь я в другой стране, просто получил бы чек на определенную сумму и спокойно работал над темами, которые меня интересуют». Но других разговоров о других странах никогда не было. Наоборот, он мечтал о создании серии работ (под его руководством) по крупнейшим городам СССР (даже собирал у себя дома коллег по этому поводу), написать книгу об общих проблемах стран Восточной

Европы, подробно – об ее особенностях географического и геополитического положения СССР на два «фронта» – западный и тихоокеанский – и о многом другом. Но времени и сил, увы, уже не оставалось.

В заключение нельзя не сказать о том, что Исаак Моисеевич никогда не был «своим» у властей, даже университетских, хотя, повторюсь, проработал на геофаке МГУ более 30 лет. По большому счету он разделил судьбу многих незаурядных творческих лидеров в самых разных областях жизни и на разных уровнях социальной лестницы страны Советов. О них очень точно и хлестко сказала Анна Ахматова в посвященных Борису Пастернаку стихах:

Здесь все тебе принадлежит по праву,
Стеной стоят дремучие дожди.
Отдай другим игрушку мира – славу,
Иди домой и ничего не жди.

Все это так, да только «ничего не ждать» иногда бывало трудно, особенно такому эмоциональному и деятельному человеку, каким был Исаака Моисеевич. Это я видел не один раз.

Закончим же на мажорной ноте. Подвижническая деятельность профессора Маергойза привела к созданию уникальной школы в советской экономической географии. Наряду с «районной школой» Н.Н. Баранского и школой зарубежного страноведения И.А. Витвера, она стала определяющей в развитии нашей науки в XX веке. Географическое положение и территориальные структуры, проблемное страноведение и города, методические и теоретические вопросы – таковы основные направления школы Маергойза. После его кончины многие десятки его учеников в разных концах мира (среди них – свыше 20 профессоров) продолжают дело своего учителя. Из XXI века масштабы личности Исаака Моисеевича, как и его школы, становятся все более крупными, а многие сюжеты исследований и поныне сохра-

няют свою актуальность, о которой упоминалось выше. Это подтверждает и созданный учениками уникальный труд памяти Исаака Моисеевича.

Творчество профессора И. М. Маергойза совпало по времени с периодом наибольшего расцвета советской экономической географии в 50–70-х годах прошлого века. Это было время, когда со всей силой проявила себя вторая волна деятелей советской науки, последних представителей своего рода Серебряного века в экономической географии. Н.Н. Баранский, И.А. Витвер, Р.М. Кабо, Н.Н. Колосовский, И.В. Комар, О.А. Константинов, В.В. Покшишевский, А.Н. Ракитников, Ю.Г. Саушкин и другие – их достижения в развитии экономико-географических исследований, думаю, нелегко будет повторить в обозримом будущем. Конечно, жизнь, а с нею и содержание экономической и социальной географии, ее методология, методика и практическая направленность с тех пор значительно изменились. Но мы должны с благодарностью помнить вклад профессора И.М. Маергойза как одного из крупнейших географов минувшего столетия, чьими усилиями наша наука вышла тогда на европейский уровень, а во многом его и превзошла. Ведь «музыка» той героической и одновременно трагической эпохи – мажорная и минорная – звучит для нас и сегодня.

6. Б.Ц. Урланис

Борис Цезаревич даже среди университетских профессоров выделялся фанатичной преданностью своей демографии, огромным и немного артистичным темпераментом, добротой, обаянием и какой-то особой притягательностью личности. Таких профессоров в университете и тогда было немного, а теперь, думаю, уже давно нет, и вряд ли они скоро появятся.

Магия, необычность яркой личности Бориса Цезаревича объясняется тем, что крупнейший советский демограф,

видный статистик, эрудит, блестящий оратор и публицист жил, как представляется, в ином, параллельном мире с другой системой ценностей, со своими понятиями о добре и зле. А от советской действительности его наглухо закрывала очаровательная жена Лидия Яковлевна, да еще такие качества самого Бориса Цезаревича, как оптимизм, восторженность и чистота помыслов, в чем-то даже наивность. Дон Кихотом нашей демографии назвал его А.Г. Вишневский в обстоятельной статье к столетию со дня рождения Бориса Цезаревича¹.

Профессор
Борис Цезаревич Урланис

Он родился 28 августа 1906 года в Киеве, в семье служащего страхового общества. Вскоре семья переехала в Москву, где прошла вся его жизнь.

Отрочество Бориса Цезаревича пришлось на бурный период революции и Гражданской войны, начало сознательной жизни и трудовой карьеры несет на себе печать этого необычного времени. В 14 лет он работал в канцелярии Учебной части Главной военной школы физкультурного образования трудящихся, а год спустя – уже в должности науч-

¹Вишневский А.Г. Дон Кихот нашей демографии (www.demoscope.ru/weekly/2006/0253/nauka01.php). Некоторые данные о профессорской и академической карьере Б.Ц. Урланиса использованы нами в настоящих заметках.

В этом же номере Демоскопа помещены никогда не публиковавшиеся воспоминания Бориса Цезаревича о своем детстве и самом начале научной карьеры.

ного сотрудника в ЦК РКП(б). Как писал он позднее в своих воспоминаниях: «15-ти лет я стал научным сотрудником, и сейчас, на склоне лет своих, продолжаю быть в том же “звании”».

В 1922 году окончил «трудовую школу 2-й ступени». Потом была учеба на статистическом отделении факультета общественных наук Московского университета, а после ее окончания в 1926 году – научная и преподавательская работа, в основном в области статистики. Несколько лет он был научным сотрудником финансово-экономического бюро Наркомфина СССР и НИИ организации социалистического сельского хозяйства, с 1930-го по 1949 год преподавал общую теорию статистики на географическом и экономическом факультетах Московского университета, а с 1949-го по 1955 год – на экономическом факультете Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИКа). С 1956-го по 1959 год заведовал кафедрой статистики и математики Всесоюзного заочного экономического (с 1958 года – финансово-экономического) института. Последним местом его работы стал сектор трудовых ресурсов Института экономики АН СССР, сотрудником которого он был с 1959 года до конца жизни. Одновременно, с 1963-го по 1974 год, преподавал демографию на факультете статистики Московского экономико-статистического института – одном из очень немногих мест, где существовал такой учебный предмет.

Разносторонне образованный, одаренный и влюбленный в свое дело, Борис Цезаревич уже в 20 лет окончил университет, в 32 года написал первую монографию об истории американских цензов, которую защитил как докторскую диссертацию, а в 38 лет стал профессором. Всего он написал 18 книг, сотни статей, посвященных истории демографических процессов в СССР, Европе и мире, проблемам экономической демографии, методологии демографических прогнозов, общей теории статистики и статистики населения.

Но, может быть, самым важным его вкладом в сплочение всех, кто интересовался демографическими исследованиями, стало создание в 1964 году Демографической секции московского Дома ученых, бессменным председателем которой он оставался до конца жизни.

С Борисом Цезаревичем я более часто стал встречаться в 1951 году, когда, посетив рекомендованную мне машинистку для подготовки дипломной работы, вдруг обнаружил, что это его сестра, которая живет с Борисом Цезаревичем в одной квартире.

А дом этот, огромный, построенный еще в начале прошлого века как доходный, находился почти напротив моего, на Метростроевской (Остоженке). Борис Цезаревич занимал в коммунальной квартире большую комнату, всю перегороденную ширмами: его большой письменный стол стоял у широкого окна. Потом он переехал в хорошую кооперативную квартиру на Ростокинской набережной. 30 лет мы общались регулярно, хотя и не часто (до кончины Бориса Цезаревича). Каждая встреча с ним была «маленьким праздником», телефонный разговор – событием, а уж его советы, как правило, руководством к действию. Борис Цезаревич получал самые свежие материалы ООН, демографические ежегодники и иногда давал мне их посмотреть дома. Благодаря ему я начал посещать Демографическую секцию МДУ и вообще стал больше уделять внимания демографическим процессам в работе над населенческой тематикой.

Начало деятельности Бориса Цезаревича пришлось на страшные 30-е годы. Тогда для сокрытия печальных результатов голода 1932–1933 годов и масштабных репрессий, приведших к замедлению роста численности населения страны, было арестовано или расстреляно немало статистиков, в том числе расстреляно все руководство проведения переписи населения 1937 года. Они были «виноваты» в художествах вождя «с широкой спиной осетина», погубившего много лю-

дей. Поэтому ее результаты не были опубликованы, и для исправления «ошибок» в 1939 году была проведена новая перепись. Опубликованные результаты ее были сфальсифицированы. И вот в такие времена Борис Цезаревич вместо преобладавших тогда схоластических теоретических упражнений, например, о мифическом «социалистическом законе народонаселения», публиковал в числе очень немногих демографов настоящие исследовательские монографии¹. Они делают честь их автору, но не облегчали его жизнь в эти годы. Потому что власти всегда, особенно при «отце народов», были против публикации статистики населения, как и исследовательских монографий о населении. Иначе как скрыть демографическое разорение России в результате череды демографических кризисов и катастроф – в годы Первой мировой и Гражданской войн, от голода 1921–1922 и 1932–1933 годов, массовой эмиграции, потерь в годы «великого перелома», террора и репрессий. И не любили тех, кто не славил, кого надо, не поддерживал в своих публикациях ложь и мифологию об успехах сталинских пятилеток, росте всего и вся, в том числе и населения страны, повышения его нищенского жизненного уровня до невиданных высот и еще много всяких сказок неистощимой советской пропаганды. А Борис Цезаревич вскоре получил «по заслугам». Во время кампании по борьбе с «космополитами» в середине марта 1949 года из газеты «Московский университет» мы узнали очередную «новость»: «...на экономическом факультете долгое время подвизался оголтелый космополит, апологет и проповедник англо-американского империализма профессор Урланис»². Через месяц Борис Цезаревич был уволен из университета, а наш курс поэтому не слушал его

¹Урланис Б.Ц. История американских цензов. М., 1938; Он же. Рост населения в Европе. М., 1941.

²Воспитывать стойких советских патриотов // Московский университет. 1949. № 15–16, 14 марта. Цитируется по: Демографическая модернизация России... С. 460.

лекции по статистике. Помню, как мы обсуждали эту статью, эту очередную ложь, некоторые смеялись, но мне было совсем не смешно. Кто знает, до чего все это может дойти? Идеологический гнет и жесткая цензура осуществлялись на протяжении всех лет советской власти. Так, при издании очередной книги Бориса Цезаревича «Проблемы динамики населения СССР» (Наука, 1974) из нее был изъят весь раздел, содержащий прогноз роста населения СССР, составленный автором только по открытым данным. Книга и читатели от этого заметно пострадали, зато информационная блокада советских граждан и здесь была «на уровне».

Все это, конечно, было, мягко выражаясь, более чем неприятно, но Борис Цезаревич по-прежнему был предан делу, которым занимался. Он искренне не раз восклицал: «О демография! Королева наук!» Потому что уже тогда понимал ее значение для страны в недалеком будущем и всячески защищал свою королеву. Земля и люди использовались коммунистами всех мастей варварски, не понимая по невежеству, их ценности для будущего России.

Как-то раз (помню даже это место в метро) Борис Цезаревич говорил, что пытается уберечь демографию от слишком сильного влияния, с одной стороны, политэкономии (Центр народонаселения экономического факультета МГУ), а с другой – от излишней математизации (НИИ ЦСУ). Когда Борис Цезаревич подарил мне свою книгу «Войны и народонаселение Европы» (М., 1960) о боевых потерях в войнах Европы за 300 лет и переведенную затем на несколько европейских языков, в ответ на мои восторги он с грустью сказал: «Да что теперь! Вот если бы книга вышла тогда, в 1950 году, вся моя жизнь сложилась иначе». Но тогда издательство направило верстку аж В. М. Молотову, она там пролежала полгода, ответа никакого не было, и набор рассыпали. Правда, про себя я тогда подумал: «Наверное, мало что бы изменилось». Ведь неприятности Бориса Цезаревича были не от того, что он

мало книг написал, а потому, что не то писал, был слишком честным, принципиальным в «царстве лжи». И не славил успехов, которых не было, а наоборот, указывал – и, как время показало, совершенно верно – на «болевые» точки демографического развития страны.

Борис Цезаревич был патриотом своей страны и лучше других знал цену демографического невежества (и сегодня мы снова видим, как она высока). Поэтому он много раз, начиная еще с довоенных времен, обращал внимание государственных чиновников разного уровня на важность изучения населения страны для развития хозяйства и возникающих в связи с этим демографических проблем.

В частности, в 1944 году в письме на имя Председателя Комитета по делам высшей школы С.В. Кафтанова он писал о важности введения в учебные планы некоторых вузов новой науки – демографии. Он обращался после войны к Н.А. Семашко в связи с организацией Института здравоохранения, социальной гигиены и санитарной статистики об организации в нем сектора демографии. Писал Борис Цезаревич неоднократно и в более высокие инстанции, но, увы, все без ответа.

Важность грамотного, профессионального подхода к актуальным демографическим проблемам он объяснял не только в своих монографиях и лекциях, но и в ярких публицистических выступлениях. В свое время его статья в «Литературной газете» «Берегите мужчин!» имела огромный читательский резонанс. К сожалению, и тогда, и сегодня мало что изменилось: средняя продолжительность жизни мужчин в России составляла всего 64 года (в 1955 году для СССР – 59 лет), это уровень Мексики, а в наиболее развитых странах она превышает 80 лет. Потом «Литературная газета» поместила статью Бориса Цезаревича «Сколько надо детей?» и ряд других актуальных публикаций. А к столетию со дня рождения ученого эта газета напечатала небольшую, но

очень теплую, весьма актуальную статью, имея в виду всю историю советской демографии, «Берегите демографов» за подписью – Литгазетовцы¹. Потому что они знали меру таланта своего любимого автора и, увы, небрежное к нему отношение властей.

Расцвет таланта Бориса Цезаревича пришелся на трудные годы жизни людей страны Советов, когда энтузиазм миллионов сочетался во времени с «большим террором», который затронул тоже миллионы тружеников города и деревни. Но и в эти трудные годы Борис Цезаревич сумел стать крупнейшим советским демографом. Он был непререкаемым авторитетом для коллег, пользовался уважением и любовью многочисленных учеников и почитателей его многогранного таланта. По его книгам училось не одно поколение демографов и статистиков. Труды Бориса Цезаревича хорошо известны за рубежом. И тем не менее он никогда не был «своим» у властей, как и многие талантливые и честные деятели науки и культуры, которые «не клевали с ладони»². Его тоже коснулась «железная лапа» реального социализма. И сделавший немало для советской науки и образования, Борис Цезаревич никогда и ничем не был отмечен. Это, конечно, очень обидно, особенно такому эмоциональному человеку, деятельному и признанному лидеру советской демографии. И как больно было слышать, когда у открытой могилы Бориса Цезаревича его друг и коллега профессор Михаил Яковлевич Сонин читал «краткое завещание» усопшего. Оно было написано за два года до смерти, видимо, в предчувствии ее.

¹Литературная газета. 2006. 13–19 сент.

²Да и по прошествии полувека, мы, к сожалению, наблюдаем часто то же самое. Вот человек-легенда, режиссер Юрий Любимов (1917–2014), в 93 года вынужден снова в который раз говорить об удушении творчества для своего детища – Театра на Таганке. Это он объяснял так: «Потому что я чужой. Как был у власти чужой с самого начала, так и остался чужим» (Новая газета. 2010. № 141. С. 15).

В 2011 г. Юрий Любимов вынужден был уйти из театра на Таганке, после чего этот театр по сути кончился.

«Мой маленький утлый кораблик с алыми парусами, сотканными из слов правды жизни и любви к людям, – писал он, – десятилетиями носился по волнам безбрежного океана, стараясь привлечь внимание к науке, которой я посвятил свою жизнь. За всю мою длительную научную деятельность... я не получил никаких наград, никаких почетных званий, никаких орденов, никаких премий. Моими, вполне удовлетворяющими меня наградами являлись долгая жизнь, любимая семья, сознание выполненного долга и широкое общественное признание. Будьте счастливы! Б. Урланис, 9 августа 1979 г.».

Борис Цезаревич Урланис рано стал доктором экономических наук и профессором, а дальше – стоп. Хотя по уровню и многочисленным важным работам – бесспорно, академик, но, к сожалению, не в нашей стране.

Post scriptum

Мы обычно, естественно, мало что знали о личной жизни (биографии) наших учителей. Так, о Николае Николаевиче Баранском только две вещи – о его революционной деятельности в Сибири (он родился в Томске), партийной кличке «Николай Большой» и о том, что один сын его погиб на войне, а другой – Костя, вернулся. И вот в «Новой газете» от 8 апреля 2011 года из статьи «Призраки Московского университета» узнаю, что Константину Николаевичу Баранскому в январе 2011 года исполнилось 90 лет. Он – заслуженный профессор МГУ, доктор физико-математических наук, крупный специалист по физической акустике, на основе его разработок создается огромное количество приборов, он продолжает научную работу и читает лекции. Константин Николаевич рассказывает удивительные вещи.

«Когда был ранен в первый раз в самом начале войны, меня повезли с места боя в Оршу на санитарной машине. И через какое-то время показался громадный вражеский самолет. Выходит наш фельдшер, показывает, что на машине

красный крест, и что вы думаете? Они ему отдают честь, и мы спокойно проезжаем...»¹

Гораздо труднее было заслуженным профессорам МГУ договариваться с ректором первого университета страны и искать защиты по всей вертикали власти – от мэрии Москвы и бери выше. Все мы хорошо помним, как в 1953 году при переезде в новое здание МГУ около 200 квартир в четырех 12-этажных башнях были построены специально для профессорско-преподавательского состава. И вдруг в 1994 году ректорат и тогдашний мэр Ю.М. Лужков объявляют эти квартиры не жилыми, а служебными помещениями. С тех пор профессора и их семьи не знают покоя... С нами на курс старше учился Юра Симонов. Как и Костя Баранский, он в 1941 году ушел из МГУ на фронт, вернулся на геофак и с тех пор из МГУ никуда не уходил. «Огромная часть людей, которая существует около ректора... они обнаглели. Это оболлакивающее хамство. Такое ощущение, что просто не хотят с нами разговаривать», – писал в своем обращении Юрий Гаврилович Симонов, ветеран ВОВ, доктор географических наук, заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН².

Что еще можно добавить, глядя на то, как наследники умельцев времен реального социализма издеваются над заслуженными людьми? Да хотя бы одно (увещевать их бесполезно) – каждая из 185 квартир стоит около 1 млн. долларов.

К сожалению, голый прагматизм, катастрофическое снижение элементарных представлений о порядочности, общее «обывденение» социума, невиданная коррупция и откровенное воровство сегодня не минули и руководителей МГУ, призванных воспитывать молодое поколение. Чему же могут научить студентов эти постсоветские Песталоцци?!³

¹Новая газета. 2011. № 37. 8 апр. С. 3.

²Новая газета. 2011. № 57. 4 авг. С. 5.

³*Песталоцци Густав Генрих* (1746–1827) – знаменитый швейцарский педагог. В своей дидактической теории связал обучение с воспитанием ребенка (развивающее обучение).

И, видимо, не совсем случайно МГУ им. М. В. Ломоносова выбыл из первой сотни лучших вузов мира в рейтинге, составляемом регулярно компанией QS. Он оказался лишь на 112-м месте из 300. Можно утешаться лишь тем, что второй вуз России, оказавшийся в этом списке (другие туда не попали), Санкт-Петербургский государственный университет занял 251-е место¹.

Нам, к сожалению, неизвестно, чем закончилась эта «история с географией».

* * *

Мы вспомнили лишь самых-самых из стоявших на верхней ступеньке иерархической лестницы преподавателей геофака МГУ наших лет. Излишне говорить, что это были самые любимые мои профессора. Но все преподаватели, повторим, были нами любимы, потому что все они старались преодолеть нашу лень и хоть чему-нибудь научить. Вот, например, Наталья Васильевна Красильникова, руководитель геодезической практики в Красновидово, доцент кафедры геодезии и картографии, потом зам. декана. Красивая, обаятельная женщина бальзаковского возраста, всегда чуть-чуть насмешливая, как казалось, к «маленьким мальчикам», строгая, с чувством юмора, понимавшая существование у нас более интересных «предметов», чем скучная геодезия. Или Тамара Ильинична Константинова, которая занималась со мной чешским языком (по настоянию профессора Маергойза). Она была аспиранткой самого Самуила Борисовича Бернштейна, знаменитого языковеда, зав. кафедрой славянских языков филологического факультета, красивого представительного профессора, которого боготворили студенты и аспиранты не только его кафедры. Тамара Ильинична была прекрасным педагогом, с легкой усмешкой, которую

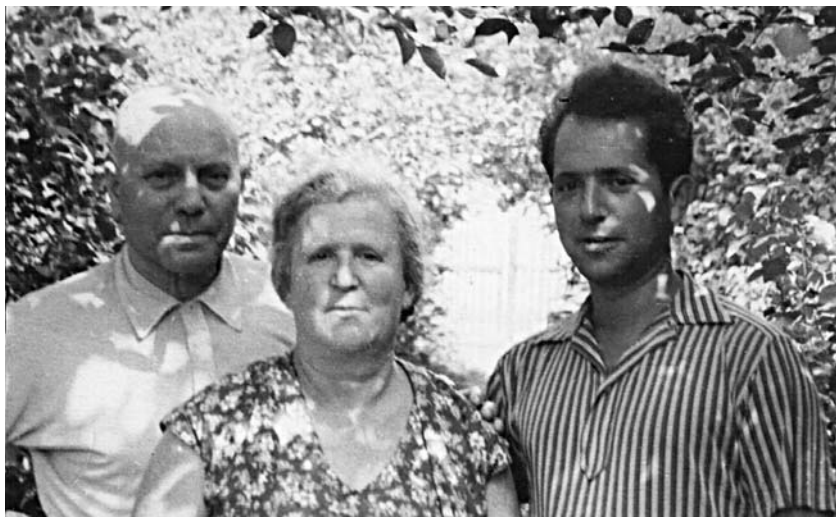
¹Европа–Экспресс. 2011. № 37. С. 11. В первую пятерку вошли университеты Кембриджа, Гарварда, Массачусетский технологический институт, Йельский и Оксфордский университеты.

время от времени усиливала, очевидно, моя тупость или рассеянное внимание. А рассеянное из-за привлекательности этой хрупкой девушки: иногда ведь хотелось ее сжать так, чтобы косточки хрустнули, и немного придушить. Но... партия воспитывала нас в строгости и благочестии. Поэтому и остались только одни эти жалкие, хотя и приятные, воспоминания.

Многое помнится об МГУ тех лет. Очень ярко – библиотека им. М. Горького, находившаяся в левом крыле основного корпуса на Моховой, 9. В нее записывали только студентов V курса, народу мало, тишина, прекрасное обслуживание. Поэтому заниматься там было очень комфортно, особенно живя в коммуналке в одной комнате с родителями и братом. Там я и работал несколько месяцев в 1951 году над дипломом. Полной противоположность ей была библиотека естественных факультетов на Моховой, 11. Она размещалась на 2-м этаже другого большого корпуса МГУ в огромном бывшем Екатерининском зале, где когда-то проходили вручение дипломов об окончании университета и другие торжественные акты. Там было всегда полно студентов, душно и пахло давно немытым телом (ведь и с банями тогда было плохо). В ней я занимался обычно во время сессии, а когда шел домой к метро «Охотный ряд», мимо правого крыла здания, обычно обдавало «нежным» запахом кислых щей из студенческой столовой, которая находилась в подвале под ректоратом. Пройти мимо было тяжело. Но их ели! Ведь это были трудные послевоенные годы.

Как и все хорошее, студенческие годы прошли быстро, и вот в мае 1951 года Государственная комиссия распределяет меня в Научно-редакционную картосоставительскую часть (НРКЧ) Главного управления геодезии и картографии (ГУГК) при Министерстве внутренних дел СССР. Конечно, такое распределение было обидным, но не катастрофой, хотя оно оказало весьма негативное влияние на становление профес-

сиональным экономгеографом. Но особенно привередничать не приходилось в нервной предпогромной обстановке 1951 года.

С родителями. После окончания МГУ. 1951 г.

V. НРКЧ

Нельзя любить чужое наравне со своим.
Петр Столыпин. Из письма Льву Толстому

1. Первые впечатления, или в чужом пиру похмелье

На Ярославском шоссе, немного не доезжая Выставки достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ), в наше время находилось массивное мрачное четырехэтажное здание Госзнака СССР. В его левой (если стоять лицом к зданию) части и располагалась тогда НРКЧ. Раньше никто из нас о ней ничего не знал и не слышал. Это учреждение занимается составлением, оформлением и затем созданием так называемой красочной пробы, то есть полного издательского оригинала карты для тиражирования затем на картографических фабриках. В мое время составлялись главным образом учебные, справочные и исторические карты, текстовые карты для многотомной Большой советской энциклопедии, а также крупные атласы, такие как Морской атлас или Физико-географический атлас мира. Эти самые различные картографические произведения выпускались на высоком уровне. Они широко использовались для учебных и справочных целей, а в ряде случаев – и для научных, как, например, очень сложная Тектоническая карта СССР. Словом, работа была интересная, но, увы, не для меня! Ведь я окончил кафедру экономической и политической географии зарубежных стран, а о картографическом производстве не имел ни малейшего представления. Но им пришлось заниматься целых пять лет.

Хорошо помню, как 1 сентября 1951 года мы, трое выпускников геофака – Галя Федоровская, Юра Морозов и я, – пришли первый раз на работу¹. Кругом были незнакомые люди, а главное, совершенно незнакомое дело. Ведь все мы никогда до этого и не слышали о том, что такое настоящее картографическое производство, и не задумывались, как делают карты и атласы, которыми широко пользовались на геофаке. Да к тому же порядок после «университетской вольницы» был полувоенный: от и до строго (даже если нет работы), перерыв 30 минут, полная регламентация всего и вся. Особенно трудными были первые 1–2 месяца, когда мы присматривались к работе и часто просто не знали, куда себя деть. Редакторы были, по существу, руководителями, а при составлении специальных карт и их авторами. Непосредственными исполнителями – техники-картографы (их называли составителями), работа последних была очень трудоемкой и требовала определенных навыков, а еще – хорошего зрения (старше 40 лет составителей были единицы). Большинство редакторов окончили Московский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии (МИГАиК); они знали хорошо составление и редактирование карт, но плохо – географию, поэтому тогда и начали из НРКЧ поступать заявки на выпускников-географов, особенно для составления специальных карт (экономических, геологических, тектонических и т. д.). Мы же вынуждены были быстро осваивать картографическое производство, правда, не сложное для постижения, но очень однообразное, порой даже нудное, как нам казалось с непривычки.

¹Юра был уже тогда хорошим пианистом, играл сложные произведения Чайковского, Скрябина, Шопена. Географией интересовался мало. Пошел на геофак, наверное, по совету отца. Николай Васильевич Морозов в 20–30-е годы входил в ближайшее окружение Н. Н. Баранского, когда создавалась «районная школа» в экономической географии. См. подробнее о нем: Анучин В. А. Николай Васильевич Морозов (1893–1949) // Экономическая и социальная география в СССР. М., 1987. С. 248–253.

Справедливости ради, надо сказать, что НРКЧ дала старт известным специалистам. Среди них профессор геофака МГУ и одно время проректор Константин Алексеевич Салищев (1905–1988), основоположник советской картографии, а до войны – заведующий справочным отделом НРКЧ; профессор Лев Яковлевич Зиман (1900–1956), известный экономгеограф и картограф, до войны главный редактор ГУТК, принимал активное участие в работе над Морским атласом и экономическими картами 1 тома Большого советского атласа мира. Из-за войны последний не был издан, но его детально разработанными эскизами я пользовался как редактор экономических карт для средней школы «Индия, Пакистан и Цейлон», «Китай и МНР» (обе изданы – в 1954 и 1956 годах); Николай Фёдорович Леонтьев (1913–1992), многолетний заведующий отделом картографии Института географии АН СССР, был директором НРКЧ в 1946–1948 годах.

Во время моей работы (1951–1956) НРКЧ была типичным советским учреждением, где начальство, за небольшим исключением, было по уровню заметно ниже специалистов-картографов, которые занимали должности старших редакторов и возглавляли основные направления картографических работ. Поэтому директору И.М. Семину, дремучего невежества секретарю партбюро Е.Д. Дудкиной, довольно ограниченному, но человечному главному инженеру Г.В. Артамонову и сменившему его незадолго до моего ухода гораздо худшему брюзге и демагогу Я.В. Эдельштейну (он запомнился мне как хрестоматийный «комсомолец 20-х годов»), конечно, нелегко было руководить коллективом. Ведь в нем работали такие люди (именно люди, а не манекены советских «модельеров»), как В.Н. Салманова, Е.М. Сендерова, Т.М. Павлова, Е.Е. Исакова и многие другие. Эти старшие и по опыту работы, и по возрасту специалисты много помогали мне как картографы-профессионалы и просто как порядочные, милые люди, противостоящие (пусть часто лишь

в душе) духу казармы, которым несло из дирекции и партбюро.

Вспоминаю всех своих учителей и коллег, друзей, особенно часто – Веру Николаевну Салманову, старшего редактора, с которой проработал все пять лет. Это был не только знающий и опытный картограф, но и редкой души человек – добрый, справедливый, прямой, честный, ответственный; в общем, все хорошие эпитеты к ней подходят, но, думаю, и их будет недостаточно. Вера Николаевна не только учила, помогала, советовала, но как каждая добрая мама, когда следовало – мягко ругала, но не сердилась. В памяти и через 60 с лишним лет Вера Николаевна осталась как светлый, красивый, редкий человек. Конечно, прав Некрасов: «Есть женщины в русских селениях...». Вера Николаевна резко оттеняла наше серое начальство, от которого меня защищала, особенно от его невежества.

Вот главный инженер Георгий Васильевич Артамонов, в целом неплохой «мужик», но очень уж серый. Он и ходил всегда в серой гимнастерке, в галифе и сапогах, аккуратно одетый, со слегка седеющими, тоже серыми волосами. Как-то он вызывает к себе и очень строго на полном серьезе говорит: «Как это у Вас на экономической карте Германии (стенной, для средней школы) такая грубая политическая ошибка – промышленность Западной Германии показана более развитой, чем в дружественной ГДР?» Не помню, конечно, что уж я лепетал, чтобы не оскорбить Георгия Васильевича. Или секретарь партбюро Дудкина, полностью подтверждающая слова Владимира Ильича о том, что каждая кухарка может управлять государством. Да, может, но как! Невежественная, злая, взгляд исподлобья, она вызывала меня по каким-то пустякам, несла недоброжелательную чушь. Приходилось выслушивать, не отвечая по существу. Ведь обстановка в начале 50-х годов, когда параноя «вождя и учителя» достигла апогея, как и государственный антисе-

митизм, была предгрозовой, и на работу никуда не устроиться. А кроме того, последовательно подготавливалось, как мы теперь знаем, переселение «одной буржуазной нации» в отдаленные районы Сибири. Убийство Михоэлса в 1948 году, кампания против «безродных космополитов», разгром Еврейского антифашистского комитета и расстрел его руководителей в июле 1952 года, «дело врачей – убийц в белых халатах» в 1952 году – все это было «увертурой» к основному действу. Подготовка велась обстоятельно и тайно, да и опыт в наказании не только отдельных людей, а целых народов партия большевиков и славные чекисты имели весьма богатый¹. «Выручила» только смерть вождя.

Мы тогда не знали о подготовке депортации евреев, и многие, как и я, верили «во вторую реальность» – ведь сеть партийного «просвещения» была с очень мелкими ячейками. Однажды мамина старшая сестра Минна Израилевна (тетя Маня), когда мы говорили о «деле врачей» где-то в 1952 году, слушая мою болтовню, с удивлением спросила: «Юра, неужели ты всему этому веришь?» Тогда я этому верил, увы.

В общем, время было тревожное, уходить с работы нельзя, я даже одно время стал посещать курсы инструкторов по туризму при Московском доме туриста. Но это было, как я увидел, еще менее подходящим. А дирекции, видимо, очень хотелось со мной расстаться. Очень, и потому там поспешили. Придравшись к чему-то, однажды директор вызвал к себе и показал приказ об увольнении. Я сразу сказал, что это незаконно, так как противоречит трудовому законодательству. На что Иван Максимович великодушно позволил жаловаться на него, куда угодно. Он не знал элементарного

¹Этот термин – «наказанные народы» – первым ввел в научную литературу и затем написал теоретическую работу известный историк Александр Моисеевич Некрич, вынужденный уехать из СССР. См.: *Некрич А.М. Наказанные народы*. Нью-Йорк, 1978. 170 с.

в трудовом законодательстве: молодой специалист, направленный по Государственному распределению, обязан отработать в этой организации 3 года, но и уволить его до истечения 3 лет нельзя (кстати, тогда до истечения этих 3 лет пребывания в НРКЧ оставалось 3–4 месяца). Кто-то мне подсказал, что идти надо прямо в областной совет профсоюза, куда входил ГУГК. Он находился тогда в начале ул. Чехова, почти напротив театра Ленкома. Меня там приняли очень хорошо, подтвердили незаконность увольнения и сказали, чтобы я шел домой и не волновался.

У Дружининых в Подмосковье.

Слева направо: Саша Дружинин, Юрий Пивоваров, маленький Алёша, Валя Дружинина. Село Троицкое, 1959 г.

Заведующей нашего отдела учебных карт была Клавдия Семёновна (фамилии ее, кажется, я не знал и тогда, за глаза ее звали Клавдюха). Это была женщина старше средних лет, одетая в один и тот же черный простецкий костюм все 5 лет, что я был в НРКЧ, и вообще выглядевшая Дуней-пролетар-

кой. Не очень образованная, но умная, корректная, прямая, к тому же не презиравшая «образованных», а ценившая их. В целом персонаж положительный. Через несколько дней она звонит мне домой: «Юра, куда же ты пропал? Выходи завтра на работу».

На следующий день я вышел на работу, и о недавних событиях никто больше не вспоминал, но уволить меня попытки прекратились. А до этого они предпринимались не раз. В частности, из-за дальтонизма (врожденная цветовая слепота, неточность в различении цветов). Пришлось зубрить специальный альбом, чтобы получить ложную справку. На войне, как на войне.

На фоне таких трудовых будней особенно запомнился праздник, которым оказался отдых осенью 1954 года. У моего школьного друга Сашки (Александра Николаевича Дружинина) была машина «Победа»; она формально принадлежала его отцу Николаю Капитоновичу Дружинину (1908–1984), известному статистику, профессору, доктору экономических наук. Только через 50 лет нашей дружбы я узнал, что отец Николая Капитоновича (дед Сашки) был полковником царской армии, перешедшим потом на сторону Советов. Хотя дворянское происхождение Николая Капитоновича, казалось, не должно было вызывать сомнений: это был высокообразованный, интеллигентный, безупречный профессор, очень следивший за своим внешним видом, говоривший на прекрасном литературном языке. Мой друг унаследовал от отца умную голову и глубокое понимание нюансов советской реальности, большие способности к гуманитарным предметам, особенно литературе. Его очень любила наша учительница литературы Ольга Владимировна, хотя по другим предметам он не ходил в «корифеях». Мы любили после уроков ходить на Арбат, где у Гоголевского бульвара помещался наш Пентагон, огороженный высоким мощным забором желтого цвета. У него стояли десятки тро-

фейных генеральских машин различных марок – «Хорьх», «Опель-капитан», «Шевроле», «Бюик», «Понтиак», «Олдсмоби́ль». Это было очень интересно для послевоенных ребят.

Втроем, с Вале́й, женой Саши, мы отправились по грандиозному маршруту: Москва–Сочи–Мыс Пицунда–Крым (где отдыхали родители Вали). Основную часть времени провели в Пицунде, где были две примечательности – огромная, тянущаяся вдоль моря на многие километры роща реликтовой сосны и Зиновий Ефимович Гердт. Роща была заповедная, с подлеском и тогда еще не вытоптанной южной травой; отдыхающих было мало; море тоже было чистым и тихим в то время года. По совету сослуживицы Саши, Веры Михайловны, которая уже несколько лет отдыхала в Пицунде, мы поселились в рыбацком поселке Лидзава, примыкавшем с юга к реликтовой сосне, а обедать ходили в один из ближних домов вместе с Верой Михайловной и ее мужем. Тогда еще наши самые большие начальники не додумались строить себе дворцы в заповедных рощах Пицунды. Но вскоре они «отхватили» (иначе не назовешь) себе 2/3 ее и обнесли все высоким забором. А сегодня мы снова видим, как наши лидеры по невежеству уничтожают уникальный Западно-Кавказский заповедник (для неизвестно кому нужной в субтропиках зимней Олимпиады-2014) или строят дворцы в заповедниках того же Кавказа или Алтая. Но Пицунда еще оставалась тихим, чудным уголком Абхазии, почти раем.

Однажды, придя на нашу веранду обедать, мы вдруг увидели там Зиновия Ефимовича с его очередной очаровательной «Катькой». И имели удовольствие общаться с этой парой до конца пребывания в Пицунде. Зиновий Ефимович Гердт (1916–1996) держался очень просто, его интеллектуальное превосходство несколько стесняло. В обыденной речи на веранде была практически та же ясность, очарование особой «гердтовской» интонации, которую мы слышали в «Необыкновенном концерте», за кадром от автора в попу-

лярном тогда французском фильме «Скандал в Клошмерле» и во многих других творениях этого неповторимого артиста. Видимо, у Зиновия Ефимовича, как и у редких оперных певцов, голос был поставлен от природы. Мы были уверены, что его хромота – результат бытовой травмы. И только через много лет я узнал, что это результат тяжелого ранения. В 1943 году его вынесла с поля боя под огнем медсестра Вера Веденина, ему делали 11 операций, и все-таки сумели спасти ногу, которая, правда, стала на 8 см короче. Так что перед нами был гениальный актер и герой войны – редкое сочетание. Вот почему книга о нем вышла к 2009 году восьмым изданием¹.

После Пицунды в Сочи мы вместе с «Победой» погрузились на пароход, кажется, «Абхазия». Помню, как высоко в воздухе болталась наша машина, когда подъемный кран погружал ее на заднюю палубу. В Ялте мы сошли, навестили Валиных родителей, но очень не хотелось покидать Крым. И мы поехали обратно только во второй половине воскресенья, когда у меня кончался отпуск. К вечеру доехали до Запорожья, а с утра в понедельник, когда до Москвы оставалось «всего» 1,033 км, Саша проявил чудеса владения автомобилем и собой. Ведь «Победа» тогда – не «Мерседес» или BMW сегодня, да и Симферопольское шоссе было не то, что нынешние автострасы. И все же поздно вечером, вернее в 1 час ночи уже вторника, мы были на Метростроевской. А через несколько часов я направился в НРКЧ и в тот же день получил выговор (дать 1 день за свой счет не захотели). Таковы были начальники!

Но были и другие руководители, прежде всего Ирина Павловна Заруцкая, главный редактор НРКЧ; она учила работе редактора и защищала от начальства, а главное – сумела показать, что и в картографии можно трудиться с интересом,

¹ЗЯМА – это же Гердт! / Сост. Я.И. Гройсман, Т.А. Правдина. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2009. 280 с.

творчески. При всей своей занятости она уделяла мне много времени. Но и ее, лауреата Сталинской премии (за Гипсометрическую карту СССР, м. 1:250000), работать среди «динозавров советского разлива» надолго не хватило. Вскоре после моего ухода она перешла на географический факультет МГУ, где успешно работала многие десятилетия. Другой «луч света в темном царстве» – Сергей Иванович Шуров, главный редактор ГУГК. Это был высокий, представительный мужчина почтенного возраста, с низким басом, пронзительным взглядом. Но главное – действительно Картограф с большой буквы. Поражали его эрудиция, логика мышления, умение быстро увидеть слабые места карты в процессе ее подготовки. Редактора НРКЧ обычно очень боялись вызова к нему, «грозных» вопросов всегда по существу и свирепого взгляда. Я же всегда ходил к Сергею Ивановичу с интересом, что он еще увидел в моей карте. В памяти у меня он остался высокообразованным, мыслящим специалистом высшей квалификации, настоящей личностью среди серых чиновников, плотно обсевших ГУГК.

2. В заочной аспирантуре Института географии АН СССР

Все-таки нельзя любить чужое наравне со своим. Поэтому – и освоив новое ремесло – очень хотелось уйти из этой неинтересной для меня конторы, перестать терять дорогое время. Но куда? И вдруг... в марте 1953 года умирает «кремлевский горец», вскоре разоблачается как провокатор «патриотка» Л. Тимашук, прекращается «дело врачей» и вообще намечается некоторое, хотя еще небольшое, облегчение гнетущей атмосферы. Настало время подумать об аспирантуре. В МГУ было абсолютно бесполезно, потому что, начиная с кампании «безродных космополитов», партийные власти МГУ и часть профессуры заняли откровенно антисемитские и почвеннические позиции (они в значительной мере достаточно крепки и сегодня). При содействии профессора

Л. Я. Зимана (я учился на одном курсе с его дочерью, о ней еще скажу ниже) удалось узнать: при рекомендации кафедры можно будет сдавать вступительные экзамены в заочную аспирантуру Института географии АН СССР. С такой рекомендацией, получив ее от профессора И.А. Витвера (об этом см. выше), без проблем осенью 1953 года я поступил в заочную аспирантуру Института географии АН СССР. Первый шаг по дороге из НРКЧ был сделан.

Моим научным руководителем стал Николай Фёдорович Яницкий (1891–1979), зав. отделом географии стран народной демократии. В Институте географии он начал работать в 1936 году по экономической географии СССР, а до этого приобрел большой опыт работы в самых разных учреждениях, дойдя до директора Государственной Книжной палаты РСФСР и замдиректора Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. После войны Николай Фёдорович одним из первых в институте начал изучать изменения в географии хозяйства стран народной демократии, защитил по этой теме докторскую диссертацию (1955), очень тщательно и долго работая над ней. Помню, как Э. М. Мурзаев, будучи зам. директора, шутя заметил: «Николай Фёдорович, все-таки защищайте скорей, а то мало в докторях ходить останется».

В те годы в моде были региональные сюжеты, и на Ученом совете мне не утвердили тему диссертации по промышленности Чехословакии. Тогда решил взять Остравскую область – основную угольно-металлургическую базу этой страны. Довольно скоро выяснилось, что выбор оказался не очень удачным: и мало материалов, и высокая секретность, но было поздно. Потом мне стало ясно, что большая секретность элементарных данных о промышленности стран народной демократии объяснялась, во-первых, шпиономанией, столь любимой властями до сих пор для «взбадривания» народа, а во-вторых, необходимостью сокрытия истинной доли «стран социалистического лагеря» в общемировом

промышленном производстве (в агитпропе эта цифра доходила до 33 %, на самом деле она была завышена примерно вдвое). Кроме того, очень трудно было писать работу при столь большой нагрузке в НРКЧ. Кандидатский минимум (экзамены) я сдал быстро, но вот с текстом застрял.

А самым «полезным» в заочной аспирантуре оказался ежегодный дополнительный месячный отпуск для занятий. Особенно запомнились занятия лыжами во время двухнедельного пребывания в Доме отдыха Госбанка СССР под Звенигородом в феврале 1955 года. Кругом сплошные леса, тогда еще не вырубленные для временщиков и нуворишей. Зима была снежная, красивая, а в Доме отдыха, в небольшом уютном двухэтажном здании, находилось человек 20. Кормили всех за большим овальным столом. Обычно за этим столом много шутили, блистали остроумием и смеялись. Еще бы! Ведь среди нас были только начинавшие тогда карьеру кинорежиссеров, в будущем широко известные народные артисты Л.А. Кулиджанов и Я.А. Сегель (последний еще в 1936 году сыграл Роберта Гранта в знаковом для довоенных ребят кинофильме «Дети капитана Гранта»); ставшая в последующем известным филологом и переводчицей Н.М. Демурова (она перевела чудную сказку «Алиса в стране чудес» Л. Кэрлла и написала в 2013 году большую книгу о ее авторе) и т.д.¹ Кинорежиссеры тогда писали какой-то сценарий и заодно сочинил шуточную песню:

¹Кулиджанов Л.А. – в будущем народный артист СССР, автор многих киносценариев и постановщик популярных фильмов. В 1965–1996 годах – Первый секретарь Правления Союза кинематографистов СССР. Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда;

Сегель Я.А. (1924–1995) – народный артист РСФСР, известный сценарист, режиссер и постановщик многих популярных фильмов.

Демурова Н.А. (р. 1930) – проф. филологического факультета МГУ. См. также: Демурова Н.М. Льюис Кэрролл. М.: Молодая гвардия. 2013. 414 с.

По диким снегам у Госбанка,
Где лыжников бродят стада,
Одна появилась гражданка,
И с Юрой случилась беда.

Он пил и, бывая под банкой,
Кричал, что всех жирных давил,
Но эту простую гражданку
Навеки одну полюбил... и т.д.

На лыжах ходили в деревню Дунино на Москве-реке, где долгие годы жил М. М. Пришвин (1873–1954). Мы его знали как автора лирической прозы, связанной с русской природой, историей, народным бытом и фольклором. И только много лет спустя узнали, что в трехтомных «Дневниках», изданных только в 1995 году (через 40 с лишним лет после смерти писателя), были страницы о социально-нравственной трагедии советской эпохи, ее ужасах, в том числе о раскрестьянивании России в годы сталинской коллективизации.

Совмещать работу в НРКЧ с подготовкой диссертации было очень трудно. Надо переходить в очную аспирантуру. Но тут возникли свои сложности. Переход зависел во многом от комсомольской организации института, а конкретно от Дмитрия Анатольевича Лилиенберга (1928–2005), в то время просто Димы. Но и тогда, и потом он был не таким простым и понятным человеком. Выполнение в будущем ряда административных функций, вплоть до зам. директора института, не мешало ему стать крупным геоморфологом, одним из создателей нового направления в науках о Земле – современной геодинамики рельефа, знатоком геоморфологии Кавказско-Каспийского региона, Карпат и Балкан, получить Государственную премию СССР за участие в подготовке Атласа Кубы. И при всем при этом он никак не хотел и так и не защитил докторскую диссертацию,

несмотря на неоднократные предложения – ведь все понимали, что он давно перерос докторский уровень. Вот так! И он не спешил меня переводить в очную аспирантуру. Только с третьего захода, когда оставался последний год заочной аспирантуры (она продолжалась 4 года), и Дима понимал, что иначе я просто ничего не напишу, перевод состоялся. Таким образом, в сентябре 1956 года я покинул, наконец, НРКЧ и перешел на последний год очной аспирантуры. Думаю, что пять лет (1951–1956), проведенные в НРКЧ, были просто потеряны для постижения основной специальности, они в ряде отношений отбросили меня заметно назад от уровня 1951 года, и вообще негативно сказались на всей профессиональной траектории в дебрях реального социализма.

VI. ОКОНЧАНИЕ АСПИРАНТУРЫ

На углу улицы Фрунзе (теперь Знаменки) и улицы Маркса-Энгельса стоит красивый большой двухэтажный особняк, в нем тогда помещалась Фундаментальная библиотека по общественным наукам (ФБОН) Академии наук СССР. Она находилась недалеко от моего дома и была идеальным местом для работы над диссертацией. На втором этаже помещался кабинет стран народной демократии, в котором был небольшой читальный зал (вернее комната) на 8–10 мест (столов), а в другой комнате сидела опытный библиотекарь-библиограф, приносявшая необходимые книги. В этом зале часто бывали Владимир Павлович Максаковский, ставший впоследствии академиком РАО, Елена Михайловна Яковлева, с которой я подружился много лет позже у общих знакомых, Рубен Николаевич Евстигнеев, доросший до зам. директора Института экономики АН СССР, и ряд других известных впоследствии научных работников. Кроме того, в библиотеке был общий читальный зал мест на 70 и кабинет истории, а также большая лестничная площадка на 2-м этаже, где помещались каталоги и находилось небольшое пространство для общения читателей.

Вот в этом кабинете стран народной демократии, или славяноведения, я и провел почти все оставшиеся 15 месяцев аспирантуры, работая над диссертацией. А на площадке у каталогов отдыхали, ненадолго отрываясь от своих книг и рукописей, всякие интересные люди. Александр Моисеевич Некрич (1920–1993) был красивым, спокойным, интеллигентным мужчиной 37 лет. Его видная фигура в неизменном добротном костюме всегда чем-то привлекала. В библиотеке появлялся почти ежедневно, был сосредоточен и серьез-

зен. Он готовил книгу (конечно, мы тогда об этом не знали), ставшую знаковой, «1941. 22 июня», предвидя, что его ждет. Выход в 1965 году этой книги с объективным анализом положения СССР накануне и в начале войны вызвал сначала благожелательную оценку со стороны Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова и других авторитетных авторов, но потом гнев агитпропа ЦК КПСС и резкие нападки в официальной советской печати. В 1976 году он вынужден был эмигрировать в США, стал профессором истории в Русском центре исследований Гарвардского университета. Написал еще несколько интересных книг, среди них «Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней» (1982, 4 тома, в соавторстве с М. Геллером). Реже появлялся Симон (Шимон) Маркиш, всего несколько лет как вернувшийся из ссылки в Казахстан. Его отец, писатель Перец Маркиш, вместе с другими руководителями Еврейского антифашистского комитета – дипломатом С.А. Лозовским, поэтами И.С. Феллером, Л.М. Квитко и другими – в 1948 году был арестован и в июле 1952 года расстрелян. Конечно, при первой возможности он эмигрировал в Израиль, а потом в Швейцарию, где до конца жизни преподавал в Женевском университете. Его работы по литературоведению печатались в Израиле, Франции, Швейцарии, СССР¹.

Ежедневно в библиотеке можно было встретить Марию Ефимовну Половицкую (1920–1990), уже тогда известного автора по экономической географии США. Умерла она трагически на трапе самолета, направлявшегося в Израиль. На площадке были разные разговоры: и профессиональные, и политические, и бытовые. Однажды Алик Ольшанский (потом он исчез из поля зрения, но фамилия запомнилась) хлестко сказал: «Что за страна, состоящая из одних патрициев и плебеев!» Потом я долго думал, кто же я: на патриция

¹См., например: *Шимон Маркиш. Бабель и другие* / Сост. Леонид Финберг. Второе репринтное издание. М.; Иерусалим, 1997. 236 с.

явно не тянул, а плебеем быть очень уж не хотелось. Словом, в библиотеке мы развивались разносторонне.

Как и для большинства моих сверстников, XX съезд КПСС весной 1956 года был как гром среди ясного неба. Масштабы репрессий 30-х годов (о которых до этого распространялись мало), тирании Сталина, трагедии страны, потерявшей многих своих лучших людей, оглушили. Вспомнились и слова Исаака Моисеевича в связи с кончиной рябого людоеда. А с другой стороны, многолетнее жужжание игумновых и иже с ними, системная ложь всегда и во всем, окружавшая нас с пеленок, направленное отупение тружеников города и деревни, которое отучало думать, тоже весило не так уж и мало. Кому же верить – Н.С. Хрущеву или З.П. Игумновой? Прозрение, честно, пришло не сразу, но навсегда. Постепенно открывалось и понимание трагедии России после большевистского переворота в октябре 1917 года и перспектив страны, во многовековой истории которой демократия просуществовала всего-то несколько месяцев после февраля 1917 года. Поэтому у некоторых «патриотов» велико и сегодня стремление связывать будущее страны с ее феодальным прошлым.

Серьезные размышления как-то сочетались со страшным обалдуйством. Летом 1957 года на даче под Москвой умер давний сотрудник института, один из зачинателей изучения в его стенах экономической географии зарубежных стран Александр Семёнович Добров (1901–1957), автор нескольких школьных учебников, в том числе «География частей света и важнейших стран» (совместно с Г.И. Ивановым), выдержавшая 17 изданий. Нас с Андреем Величко (1931–2016), двух аспирантов, послали на грузовике отвезти траурные принадлежности на дачу. Был прекрасный теплый летний день. Мы стояли в кузове, опираясь на кабину грузовика, и не понятно чему, видимо, своей молодости, окружающей красоте, не думая тогда о скоротечности жизни, всю дорогу

весело хохотали. Что тут скажешь! Наверное, просто жизнь тогда в нас бурлила, и мы еще не знали, что молодость – тот недостаток, который быстро проходит.

Осенью 1957 года я впервые сопровождал «иностранца» во время его пребывания в СССР, в том числе и в поездках по стране. Известный чешский географ, статистик и демограф профессор Яромир Корчак (1895–1990) принимался по первому разряду, жил в гостинице «Ленинградская» в высотном доме около Комсомольской площади. С ним мы ездили на строительство Волжской ГЭС у Сталинграда, в Киев. Большое впечатление произвел размах строительства на левом берегу Волги, где создавался г. Волжский и крупные гидротехнические сооружения. Насколько хватало глаз, все было разрыто, сновали тяжелые грузовики и целые железнодорожные составы. В общем, окружающая среда на огромных площадях была капитально разрушена, да и Волга в результате строительства каскада таких крупных ГЭС как река практически перестала существовать – она превратилась в систему водохранилищ. Но масштабы впечатляли! Ведь тогда гордились размахом строительства, не считая народных денег, не задумываясь, сколь велико разрушение природной среды, которую не всегда можно восстановить.

Нас принимал сам начальник строительства Николай Васильевич Разин (1904–1983), который запомнился как человек большой эрудиции и обаяния, с размахом и чувством юмора, прекрасный рассказчик. Поездка в Киев в ноябре совпала по времени с решением вопроса о моем зачислении в институт. В те годы аспирантов оставляли в институте, но не всегда. Например, Фридриха Тринича «не сочли», потому что ходил в слишком узких и коротких брюках – он потом сделал карьеру в системе Внешторга, а Луизу Ночёвкину – из-за слишком резкого (а может быть самостоятельного?) характера – она стала видным профессором в одном из лучших экономических институтов – Институте мировой эко-

номики и международных отношений АН СССР/РАН (и работает в нем до сих пор). Так что прогадал только Институт географии. Уже потом узнал, что прежде, чем оставить, зам. директора профессор Э. М. Мурзаев интересовался, какого я нрава. Тогда подбирали сотрудников очень аккуратно. В общем, все обошлось. Помню, с каким волнением звонил из киевского гостиничного номера в Москву. И узнал, что с 1 декабря 1957 года зачислен младшим научным сотрудником в Институт географии Академии наук СССР. Оказалось, на целых 40 лет.

ВИ. ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

Исчез мой давний дивный сон,
Но все, что было, не забыто.

М.С. Петровых

1. Поколение отцов-основателей (первая послевоенная волна)

Институт географии АН СССР находится с 1934 года (после переезда Академии наук из Ленинграда в Москву) в Старомонетном переулке, 29. В этом доме в досоветский период находилась богадельня Пятницкого отделения попечительства о бедных. Свое современное название Институт географии получил в 1936 году. Но его официальное летоисчисление ведется с 1918 года. Тогда, вскоре после заключения Брестского мира, 33-летний доцент Андрей Александрович Григорьев предложил создать, и в июне был создан Отдел промышленно-географического изучения России при Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) Академии наук¹.

В 1957 году здание сохраняло не очень привлекательный облик богодельни. Тем не менее, эта утлая форма, вмещавшая такое богатое содержание, обычно не очень замечалась. Потому что в конце 50-х годов прошлого века в институте

¹Подробно история Института географии с использованием архивных материалов изложена в юбилейном издании. См.: Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования / Сост. Т.Д. Александрова; отв. ред. В.М. Котляков. М.: Наука, 2008. 677 с. Так же см.: В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле / Сост. А.В. Дроздов; отв. Ред. В.М. Котляков. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 554 с.

В 2018 году отмечалось 100-летие со дня образования Института географии АН СССР/РАН.

было сосредоточено замечательное поколение настоящих ученых-творцов, последних представителей («осколков») Серебряного века России в науке и культуре.

Это была первая послевоенная «волна» сотрудников института, которая определила на долгие годы основные направления исследований и сам дух этого академического центра всесоюзного значения. Большинство его сотрудников родилось в первом десятилетии XX века (или в близкие к нему годы), получило образование и представление о жизни в основном еще до 1917 года, и соответствующим у них было отношение к делу и людям, к науке и коллегам. Эти ученые получили международное признание в развитии важнейших направлений исследований в науках о Земле. Среди них академики А.А. Григорьев (1883–1966), И.П. Герасимов (1905–1985) и Г.А. Авсюк (1906–1988), профессора Д.Л. Арманд (1905–1976), С.Ю. Геллер (1906–1972), В.П. Гричук (1907–1999), М.И. Львович (1906–1998), Э.М. Мурзаев (1908–1998), М.И. Нейштадт (1903–1985), Г.Д. Рихтер (1899–1980), А.Н. Формозов (1906–1980). А в экономической географии тогда были оставившие заметный след в науке профессора В.Т. Зайчиков (1909–1975), Г.Д. Кулагин (1917–1966), И.В. Комар (1907–1985), В.В. Покшишевский (1905–1980), К.М. Попов (1900–1982), С.Н. Рязанцев (1906–1986), Н.Ф. Яницкий (1891–1979). Вот этот «звездный» состав, определивший во многом Золотой век института и его лидерство в географических исследованиях в стране, и встретил я в конце 50-х годов. Это был без преувеличения, тем более после НРКЧ – рай земной. Потому что здесь сложилась прекрасная школа для овладения навыками и методами научной работы под руководством специалистов высшего уровня (другое такое место – географический факультет МГУ, третьего по географии, думаю, просто нет).

Не менее важной была сама аура в институте, атмосфера духовности и душевности в общении сотрудников, уважи-

тельное отношение не только младших к старшим, но и наоборот, по всей «вертикали» – от дирекции до раздевалки. Элита советской географии постоянно показывала пример уважения к человеку. Это было тоже большим достижением тех лет, которое, увы, затем постепенно стало исчезать. Вспоминая, как начальство стремительно несло по коридору, кто поверит быломu? А ведь академик Андрей Александрович Григорьев, проходя по тому же коридору, протягивал свою теплую холеную руку и встречному аспиранту, и молодому сотруднику. Или Марина Николаевна Хаустова; она запомнилась аспирантам тех лет как очень добрая мама, которая всегда встречала нас милой, нежной улыбкой, помогала добрым советом, ободряла, а потом радовалась нашим успехам еще долгие годы и после защиты диссертаций. «Да разве такое могло быть?» – усомнятся современники, будучи свидетелями сухого, а иногда и недоброжелательного, формального отношения к молодым в отделе аспирантуры. Но так было, поверьте. Вот Россия, которую мы потеряли, боюсь, навсегда.

Жизнь института тогда во многом определяло первое послевоенное поколение географов, которые уже обладали определенным опытом, нередко вне географии, но теперь пришли в институт всерьез и надолго. А некоторые из тех, кого мы встретили здесь как своих будущих учителей и старших коллег – Г.А. Авсюк, Д.Л. Арманд, С.Ю. Геллер, В.Т. Зайчиков, И.В. Комар, Г.Д. Рихтер, Н.Ф. Яницкий и другие, – начали работать в институте еще до войны. И они помнили времена, когда в институте трудились классики нашей науки Л.С. Берг, Н.Н. Баранский, А.А. Борзов, Е.Е. Фёдоров, И.С. Щукин. Вот почему старшее поколение было для нас недостижимым не только в науке, но и в личностном плане, как люди широко образованные, интеллектуальные, интересные, стойкие к трудностям в стране Советов и сумевшие сохранить, несмотря ни на что, достоинство, благородство и доброту.

Вот Давид Львович Арманд со своим стремительным бегом по лестнице и фонтанирующими идеями. Он был разносторонним географом – страноведом, основателем географии ландшафтов, инициатором внедрения экспериментальных и математических методов изучения геосистем, формализации в географии, специалистом в вопросах преобразования природы. Коллеги и друзья называли его «рыцарем светлого образа» за высокий дух, умение воспитать в себе такие немодные ныне качества, как совесть и ответственность перед каждым встречным, высокие принципы и красоту души¹. Видя многие годы Давида Львовича улыбающимся и энергичным, невозможно было представить, что его жизнь, начатая с безмятежного детства, оказалась столь трудной. В ней были голодные годы в детской коммуне, затем суровое студенчество, безработица, служба на большом заводе и, наконец, пребывание в замечательной советской тюрьме².

Или Марк Ильич Нейштадт, один из основателей советской палинологии и лидер в изучении палеогеографии голоцена, а также теоретик и практик в использовании торфяников и болот. Мы его знали как зам. директора по науке (1957–1970), который ввел в свое время дневники работы по плановой тематике для каждого научного сотрудника (из этого, конечно, ничего не вышло) и инициатора других мероприятий по улучшению нашей работы (что воспринималось, мягко говоря, не очень благожелательно). А как-то возвращаясь из командировки в Прибалтику, я оказался в одном купе с Марком Ильичом. Конечно, обсуждали много разных тем, и я увидел совсем другого человека. Не сухого бюрократа, а эрудита с весьма широкими интересами, ори-

¹См.: Рыцарь светлого образа. К столетию со дня рождения Давида Львовича Арманда (1905–1976) / Ред.-сост. А.Д. Арманд. М.: НИИ-Природа, 2006. 170 с.

²См. об этом подробнее в книге: Арманд Д.Л. Путь теософа в стране Советов: воспоминания. М.: Аграф, 2009. 608 с.

гинальным видением окружающего мира, очень терпимого, милого и мудрого, к тому же еще играющего на скрипке, любящего и тонко разбирающегося в литературе – в общем, поразительно интересного собеседника и, конечно, уникального знатока «своих» болот.

А вот возможно ли себе представить что-нибудь подобное «одиссее» Георгия Дмитриевича Кулагина, создателя и руководителя отдела спецработ по географии зарубежных стран, зам. директора института? Паренек из города Лозовая на Харьковщине из семьи сапожника, он окончил геолого-географический факультет Воронежского университета и в 1938 году был направлен на работу в КГБ. Служил в разведке и контрразведке, участвовал в войне. Это все есть в упомянутой выше книге «Институт географии и его люди» (с. 204). Но вот чего там нет. В годы войны Г.Д. Кулагин находился в Германии, а когда было необходимо – ехал в поезде в форме немецкого офицера с завязанной щекой так, что как будто не мог говорить (как ни хорошо он знал немецкий, акцент мог вызвать подозрения). После войны воевал на своей Украине с бандеровцами. А потом... дал рекомендацию товарищу для поездки за рубеж. Тот где-то остался в Швеции, просто влюбился в шведку. Но по советским законам все равно он изменил не жене, а Родине. И карьера Георгия Дмитриевича в этом ведомстве закончилась. Пришлось начинать все с начала: в 1949 году поступил в аспирантуру, защитил диссертацию, вырос до зам. директора, успел сделать много полезного для развития в институте новых направлений исследования (медицинская география, политическая география) и новых методов изучения зарубежной промышленности.

Георгий Дмитриевич в свои 40 с небольшим лет был красивым представительным мужчиной, с умным проницательным взглядом, обычно оживленный и полный идей, с отличной профессиональной памятью и быстротой приня-

тия решений. Когда входил к нему в кабинет, он, вспоминая свое прошлое, нередко с улыбкой спрашивал: «Was wünschen Sie?» (Что Вам угодно?). Однажды я попал в списки для поездки на уборку картофеля (тогда любили посылать на уборку образованных, вместо того чтобы наладить эффективную работу колхозников). Но ехать я не мог, так как жена находилась в роддоме. Георгий Дмитриевич согласился, но ровно через год, в начале октября 1961 года снова вызвал и спросил: «А теперь?» Ехать не хотелось, но делать было нечего. И он проводил меня с легкой, но не обидной усмешкой. Так он отправил нас (от различных институтов АН СССР было еще 5–6 молодых девушек)... на курорт в Яхромскую пойму, недалеко от Дмитрова. Была редкая в Подмоскovie сухая, солнечная, безветренная первая половина октября. Каждый день кто-то один оставался дома кашеварить. Остальные шли в поле. Девушки собирали картофель, а я отвозил на лошади мешки. Работали в поле строго 8 часов, а потом с аппетитом обедали, собирали луговые опята. Дышали изумительным осенним воздухом и т.п. Одним словом, редко я потом так содержательно проводил время «вдали от шума городского». А Георгий Дмитриевич стал все чаще болеть (сердце), сказывалось напряжение во время и после войны. И в 1966 году его не стало (в 49 лет). Это был первый и, думаю, последний «боец невидимого фронта», а он был им без всяких кавычек, кончину которого я очень переживал.

Или вот Эдуард Макарович Мурзаев. В конце 1958 года, закончив диссертацию, я пошел к нему как к зам. директора института по науке подписывать реферат в печать. Эдуард Макарович его полистал и вдруг неожиданно говорит: «А напечатано у Вас, молодой человек, по теме диссертации маловато». (Совсем недавно перед этим вышло постановление ВАК о необходимости до защиты публиковать основное содержание диссертации.) Это нарушало мои планы на скорую защиту, существенное для меня в ту пору повышение

зарплаты. А Эдуард Макарович, по-доброму слегка усмехаясь и понимая мое состояние, мягко сказал: «Вот давайте напечатайте еще одну-две статьи, и тогда – на защиту». Так оно и было, через год с небольшим. Я об этом к тому, что тогда разговор в дирекции, даже на неприятные темы, обычно не оставлял неприятного осадка, а то и обиды, совсем не то, что потом.

А когда я ждал в коридоре после защиты результатов голосования, ко мне подошел Александр Николаевич Формозов и, хитро улыбаясь (он, видно, уже проголосовал и знал, как голосует наш Ученый совет), сказал: «Ну что Вы здесь стоите? Лучше пойдите и успокойте свою маму, она волнуется и бегает по коридорам». Такое человеческое отношение не забывается и более полувека спустя. Да, таким тогда было поколение наших старших коллег, первая послевоенная «волна». И это именно та Россия, которую мы потеряли, но совсем не та, о которой вещали нам почвенники, некоторые кинорежиссеры вроде С.С. Говорухина и прочие архавцы!

Дух доброжелательности, помощи и особая аура в институте тех лет, которую создавали корифеи, поддерживалась, что очень важно, сотрудниками «обслуживающих» подразделений. Без этого была бы невозможна эффективная научная работа. Мы с благодарностью вспоминаем, например, зам. директора по АХЧ в 1959–1970 годах Виктора Михайловича Кузнецова (1909–?), всегда вежливого, обходительного даже с аспирантами и младшими научными, идущего навстречу там, где это возможно. Вот Антонина Илларионовна Гуськова, референт директора института. Как она всегда улыбалась и помогала нам, тогда еще молодым. А работники библиотеки – Вера Александровна Гиппенрейтер (1907–1999), Екатерина Сергеевна Стеклёнкова, Майя Иосифовна Розенберг (1922–1999), Алевтина Ивановна Орлова (1923–2004) – сколько доброжелательности они излучали, какую,

столь необходимую помощь в поисках книг и журналов оказывали! Или работа канцелярии, где трудились Валентина Гардовна и Ольга Александровна Стикова; или сотрудники «грозных» отделов – I-го, где 50 лет «царствовала» милая Татьяна Сергеевна Григорьева, и отдела кадров – долгое время во главе с очаровательной и располагавшей к себе Верой Андреевной Власенко. Мы всегда их вспоминаем с благодарностью. А старый добрый советчик главный бухгалтер Раскин, как он часто помогал найти выход из создавшегося трудного положения. И уж никому из бухгалтерии и других производственных отделов тогда не могла прийти даже в голову нахальная мысль ездить по научным конференциям! Такие выходы стали возможны только в период одичания общества, которое, увы, не обошло стороной и наш институт.

Большую роль в «устойчивом развитии» института играли выпускники геофака МГУ первой половины 50-х годов. Через 10–20 лет они составили основу второй послевоенной «волны» географов, пришедших на смену своим учителям. Это выпускники 1952 года Алексей Александрович Асеев (1924–1993), Дмитрий Анатольевич Лилиенберг (1928–2005), Алексей Александрович Минц (1929–1973), Валерий Алексеевич Пуляркин (1930–2003); выпускник 1953 года Андрей Алексеевич Величко (1931–2016). Особенно много будущих «корифеев» дал выпуск 1954 года – Алексей Давидович Арманд, Владимир Михайлович Котляков (будущий многолетний директор института), Александр Николаевич Кренке (1931–2014), Юлий Григорьевич Липец (1931–2006), Леонид Рувимович Серебряный (1931–2000), Сергей Борисович Шлихтер (1931–2010). В эти же годы в институт были приняты Липман Ерухимович Иоффа (1908–?), Вениамин Максович Гохман (1918–1986) и некоторые другие с «нехорошими» фамилиями, это когда евреев никто не брал. Но академик Иннокентий Петрович Герасимов, директор

Института географии в 1951–1985 годах, как истинно русский интеллигент, не был антисемитом. Он мог, например, на Ученом совете назначить в какую-нибудь комиссию из 3 человек М.И. Нейштадта, С.Ю. Геллера и А.А. Минца – они ерзали, чувствовали неловкость, а директор переходил к следующему вопросу.

Свою лепту в становление института флагманом советской и российской географии внесли мои однокашники – студенты выпуска 1951 года географического факультета МГУ; некоторые из них были даже потомственными географами и природоведами.

Елена Львовна Райх (для нас она до сих пор Лена Зиман) родилась в семье известного экономгеографа профессора Льва Яковлевича Зимана (1900–1956). Его многогранная научная, педагогическая и общественная деятельность была всецело посвящена развитию в нашей стране экономической географии зарубежных стран и экономической картографии. В Льве Яковлевиче сочетались ученый-исследователь со склонностью к теоретическим обобщениям, опытный организатор, возглавлявший большие научные коллективы, и блестящий педагог, отдавший много сил воспитанию не только квалифицированных географов, но и специалистов-практиков и руководящих кадров (с 1936 года и до конца жизни он был профессором Высшей дипломатической школы)¹.

В студенческой среде Лена, конечно, выделялась воспитанностью, начитанностью, уже тогда логикой в суждениях и какой-то неброской привлекательностью. В общем, было сразу видно, что это – «девочка из хорошей семьи», а таких на нашем курсе было не так уж и много. Она училась легко, кончила геофак с отличием. После работала какое-то время

¹См. подробнее: *Гохман В.М.* Лев Яковлевич Зиман (1900–1956) // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение, 1987. С. 446–450.

в Гидрографическом институте Гидрометслужбы, в школе, а с 1957 года – в Институте географии. Здесь Лена состоялась как географ-исследователь высокого класса, оставивший заметный след в нашей науке. Она стала одним из основных ученых, с чьим именем связано развитие медицинской географии в СССР и внесла большой вклад в разработку ее методических и теоретико-методологических проблем. Особенно много Лена сделала для применения математических методов в медицинской географии и экологии человека, для использования моделирования, районирования, картографирования в изучении географии болезней, разработки терминологии в этой области знания. Предложила также концепцию и модель территориальной антропологической системы, методы оценки качества окружающей среды.

С лауреатами Государственных (Сталинских) премий
Леной Зиман (Райх) и Яшей Машбицем. 1981 г.

За участие в разработке теории и методики медицинской географии, имеющей большое научное и практическое значение, в 1985 году Лена была удостоена Государственной премии СССР. Она руководила небольшой, но очень эффективно работавшей в институте группой медицинской географии, затем экологии человека в 1970–1990 годах. Но эта группа, как часто многое хорошее, просуществовала не так долго. В 1992 году Лена вслед за сыном эмигрировала в США, и группа распалась. Лена живет в Нью-Йорке, а Институт географии, в котором она проработала более 30 лет, думаю, остался давним и вечным напоминанием о лучших годах ее жизни.

Леонид Фёдорович Куницын (1921–1973) пришел на геофак после окончания войны и демобилизации. Как и большинство его сверстников, он учился очень ответственно, с интересом, прилежно. Леонид казался старше своих 25 лет; он всегда говорил сдержанно, рассуждал логично, убеждал быстро. Притом был очень немногословен, не поддавался эмоциям, сразу находил нужные аргументы. Уже в студенческие годы он сложился как очень доброжелательный к окружающим человек, серьезный работник и надежный товарищ.

После окончания с отличием нашего факультета был рекомендован в отдел физической географии института, в котором проработал до конца жизни. Жизнь его оборвалась трагически в аэропорту Праги, когда они вместе с А.А. Минцем летели на конференцию в «мою» Остраву.

Леонид был сложившимся экспедиционным исследователем, который участвовал и руководил полевыми работами на Полярном Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Камчатке. Его кандидатская диссертация была посвящена анализу природных условий Северного Зауралья для выбора трассы Урало-Печорской железной дороги. Потом Леонид руководил крупной Западно-Сибирской комплексной

экспедицией, изучавшей перспективы изменения природы этой территории при различных вариантах ее хозяйственного освоения. Он был также одним из первых участников разработки новой для института темы, посвященной взаимодействию природных и технических систем; по ней успел опубликовать ряд статей.

В 1970 году Леонид стал зам. директора института по научной работе. Но он не изменился в своих отношениях с товарищами по курсу, да, думаю, и с другими сотрудниками института. В то время еще сохранялась аура отцов-основателей института, все они были полны сил и замыслов, а нам, осваивавшим основы географии, было, у кого учиться. И Леонид с его скромностью, уважительным отношением к людям, взвешенностью и рассудительностью в принятии решений как нельзя лучше подходил в качестве заместителя И.П. Герасимова. Потом на этом месте работало много народа, были и очень неплохие, но такого, как Леонид Фёдорович, думаю, не было.

Яков Григорьевич Машбиц (1928–1997) – один из самых видных экономгеографов среди выпускников геофака 50-х годов. Он прошел большой жизненный путь от небольшого городка Мирополь (в Житомирской области) до одного из крупнейших специалистов по географии, истории, экономическим, политическим и экологическим проблемам стран Латинской Америки. Этим он начал интересоваться еще в студенческие годы.

Во время войны Яша работал учеником слесаря на заводе в Ульяновске, куда был эвакуирован из Москвы. Курс средней школы сдал экстерном в 1945 году и затем поступил на геофак МГУ. Уже в студенческие годы проявились его характерные черты – дружелюбие, коммуникабельность, чувство юмора, редкая для выходца из простой семьи эрудиция, большая работоспособность и тяга к самообразованию. В студенческие годы Яша прилично изучил испанский язык,

на факультете любил ходить с торчащей из кармана испанской газетой, был немного амбициозен и в меру самолюбив, любил шутку и уже тогда блистал остроумием.

Оканчивали мы вместе кафедру И.А. Витвера в тяжелом для многих 1951 году, и Яша при всех своих успехах не получил вообще никакого распределения. Как-то он устроился в один из институтов Министерства пищевой промышленности, потом еще куда-то, пока в 1955 году его не взяли в отдел географии зарубежных стран Института географии (тут снова вспомним добрым словом Иннокентия Петровича Герасимова, который «брал тех, кого тогда никто не брал»).

В институте началось быстрое восхождение Яши по академической лестнице. В 1961 году он написал прекрасную книгу о Мексике, которую затем защитил как кандидатскую диссертацию. На банкет в «Арагви» по случаю защиты он сочинил четверостишие-приглашение:

Куда как чудно создан свет,
Вслед за защитой – банкет.
Кто уважает табака,
Тот не свалит дурака.

Все смеялись, а вот Константин Михайлович Попов, respectable профессор и зав. отделом географии зарубежных стран, даже обиделся.

Еще со студенческих времен Яша установил дружеские связи с учившимися на факультете Анхелем Бассольсом (сыном посла Мексики в СССР), Луисом Арменголом и некоторыми другими испанцами, которые детьми были вывезены в СССР из объятай пламенем гражданской войны Испании (1936). В 1969 году вышла вторая книга, посвященная проблемам экономической географии Латинской Америки. Мне представляется, что эти две первые книги – лучшее из написанного Яковом. Ведь тогда он не был еще обременен большой научно-организационной работой и мог лучше реализовать свои способности в науке.

По-моему, потом Яша все более увлекался оргработой в ущерб научной, поэтому и объем опубликованных им трудов мог бы быть заметно бóльшим, да и уровень – еще выше. Правда, мне возражали: зато он стал единственным в институте дважды лауреатом Государственной премии СССР (опередив И.П. Герасимова и В.М. Котлякова), был единственным европейским ученым, отмеченным почетным дипломом за вклад в изучение Латинской Америки, одним из основных участников создания Национального атласа Кубы (ездил туда, кажется, 12 раз). За это получил одну из Государственных премий СССР и Большую Золотую медаль АН Кубы, был многие годы членом Ученого совета ВГО/РГО, Общества по культурным связям с зарубежными странами и так далее¹. Все правильно, да только в памяти народной остаются не звания и медали, а все-таки (если вообще что-то остается) опубликованные работы.

Жизнь не всегда улыбалась – много работы, не лучшее здоровье, всякие заботы. Но я никогда не слышал от Яши жалоб. Он был оптимистом и златоустом, знал и любил поэзию, обладал острой памятью и быстротой реакции в беседах и спорах. Жил очень скромно. На Валдае он со мной делился заботами: «Не могу даже есть необходимые мне бананы, в которых много микроэлементов: все уходит на зарубежные поездки, которые очень любит Наташа». Мало следил за своим здоровьем, говорил мне с удивлением: «Ведь я почти ничего не ем, а вес растет». Много ездил на Кубу, все-таки это было нелегко при его здоровье. И кончилось все обширным инфарктом, за год до 70-летия...

На поминках в институте приехавшая из США любимая сестра Манечка сказала: «Да, Яша был вундеркинд!» Наверное, это было если и преувеличением, то небольшим.

Во всяком случае, Яша был выдающимся из общего ряда выпускников нашего курса, личностью яркой, своеобраз-

¹См. подробнее: Институт географии и его люди. М., 2008. С. 242–243.

ной, оставивший заметный след и в Институте географии, и в развитии экономической географии зарубежных стран во второй половине прошлого века.

Рядом со мной работали и другие замечательные коллеги. О некоторых из них кратко расскажу ниже.

Дмитрий Андреевич Тимофеев (1928–2010) родился в семье научных работников. Его дед, академик Л.И. Прасолов (1875–1954), был крупным почвоведом, автором учения о почвенных провинциях и одним из авторов Мировой почвенной карты (1947). Семья, конечно, чувствовалась: при всем демократизме, интеллигентности, скромности и шутливо-насмешливой манере держаться со сверстниками, Дима заметно выделялся начитанностью, глубиной мышления, эрудицией, знанием литературы и искусства. Никогда не упоминал о деде. Зато часто шутя говорил о бабушке, называя ее со смехом Анкой-пулеметчицей (один из персонажей культового тогда фильма братьев Васильевых «Чапаев»; теперь, думаю, мало кто слышал о Василии Ивановиче – герое Гражданской войны, разве что в анекдотах).

Однажды мы возвращались из очередной экскурсии в Красновидово, и Дима мурлыкал себе под нос (или пел) совсем не походную, но очень красивую мелодию. Спросить, откуда она, не хотелось. Потом узнал, что это ария Баяна из «Руслана и Людмилы» М. И. Глинки. Уже тогда Дима знал целые куски из классических опер. Думаю, что многие из нас (во всяком случае я) вряд ли их часто слышали. Дима (его тогда многие звали «Митрич») знал и очень любил «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова (псевдонимы писателей-одесситов Ильи Файнзильберга и Евгения Катаева). Эти полузапрещенные произведения, сатирически изображавшие советскую действительность 20-х годов, были тогда очень популярны среди молодежи. Афоризмы, лексика и идиоматика этих произведений стали органической частью речи нашего поколения. Мы часто

слышали от Димы и афоризмы, и целые куски из этих произведений, особенно связанные с Васисуалием Лоханкиным и жизнью «Вороньей слободки» (близкой к коммуналкам, в которых жило тогда большинство из нас). А как он рассказывал о своих, тогда только появившихся, близнецах Егоре и Елене, когда мы были уже на 5-м курсе!

Впоследствии Дмитрий Андреевич стал одним из наиболее известных геоморфологов нашего поколения. За участие в создании серии монографий «История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока» в 15 томах (1964–1977) удостоен Государственной премии СССР (1978), длительное время был главным редактором журнала «Геоморфология», зав. отделом геоморфологии (1986–2006). Думаю, такого руководителя у отдела теперь долго не будет¹.

Я же расскажу здесь только пару эпизодов. Будучи членом редколлегии журнала «Известия РАН. Серия географическая», Дима усомнился (как мне рассказывали) в эпическом названии моей статьи (Учение об урбанизации...); правда, все-таки статья вышла без изменения ее названия. Но время показало, что он был прав: на «учение» она никак не тянула, а главное, и в последующие годы, к сожалению, мне не удалось довести изучение урбанизации до целостного учения.

Как-то в 80-х годах мы вместе с женами отдыхали зимой под Звенигородом. Уходили в лес на лыжах, там разводили костерок, любовались природой и опять говорили «за жизнь». И снова общение с Димой, его простой, и вместе с тем неординарный взгляд на мир, как и 30–40 лет назад, были очень и очень понятны. И то же самое – в Плесе на Волге в 2001 году на II Сократических чтениях по географии. Там я был поражен его увлекательным, не стандартным по содержанию и по форме докладом (скорее рассказом) – как будто бы очень простым, но на редкость интересным о геоморфологии для экономгеографов (которые преобладали

¹См. подробнее: Институт географии и его люди. М., 2008 С. 221–222.

среди слушателей). Даже жаль стало, что я так плохо знал эту дисциплину.

Конечно, Дима был, не сомневаюсь, выдающимся географом, оставившим заметный след в геоморфологии, хотя я далек от этой науки для сколько-нибудь содержательного суждения. Но о чем я могу судить как его сокурсник и коллега – это о его личности, очень обаятельной в своем таланте и простоте, в отношении к товарищам и коллегам, с неординарной глубиной мышления. Без преувеличения – незаурядный, поцелованный Богом, светлый человек.

Но и остальные наши «ребята», как, например, Валя Чернецова, Люда Бай, Аля Воронина, Рената Васильева, Рита Владимирова, Ира Гаврилова, Нина Колобова, Дина Муравьёва, Лёля Перелешина, Джафар Ибрагимов, Борис Чучкалов, Борис Шапалин, Юра Цесельчук, Юра Щербаков и многие, многие другие, где бы они ни трудились, тоже оставили о себе хорошую память. Так, например, Грета Альтшулер впервые на радио начала давать сводку погоды. А Алексей Ионин, изучая морфологию морского дна, избороздил воды Тихого и Атлантического океанов. Профессорами стали Нина Дриц, Яша Машбиц, Лиза Рогожкина, Кирилл Космачёв, Дима Тимофеев, Юра Щербаков (см. прилож. 1).

Вот несколько штрихов к портретам моих однокашников, что сохранила память. Начнем опять с нашего старосты курса.

Кирилл Космачёв учился всегда очень хорошо: уже в студенческие годы он стал эрудированным, сложившимся научным работником. В дальнейшем – зав. отделом в Институте географии Сибири и Дальнего Востока (Иркутск). Много работал в экспедициях. Результатом стала монография «Пионерное освоение тайги» (1974). Но, как и все мы, он занимался изучением страны XX в., которой теперь давно уже нет. Поэтому его исследования и уникальные материалы использовать ныне довольно трудно. Ведь в СССР намечалось и изучалось сельскохозяйственное освоение тайги,

а в ХХI веке оно пошло совсем другим путем – ресурсным (нефть и газ).

Или вот Дима Головкин (большинство звало его «интеллигент» или Д. Головкин). Красивый, высокий, мальчик был несколько женственен, наверное, потому, что лелеяли его сразу три женщины (мать и две тетки). Он обладал довольно импозантной фактурой и беззлобным тогда еще антисемитизмом. Глядя на Лену Зиман и меня любил повторять: «Два молодых, здоровых еврея, почему бы вам...». Он, конечно, не волновался перед распределением. С его «ботвой» и арийским происхождением получил хорошее место в Совете по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР.

Зара Фрейдина была дочерью нашего преподавателя Ионы Лазаревича. Моя жена, Юля, ездила с ним на практику в Хибины, которую Иона Лазаревич проводил очень интересно и ответственно. Мы иногда отмечали у Зары какие-то праздники в добротной («сталинской») квартире, и хорошо помним гостеприимство ее родителей – Лины Абрамовны и Ионы Лазаревича. Зара всегда была немного загадочной, и этим привлекала. После распределения она поехала в Харьковский атомный центр и там вскоре вышла замуж за доц. Розенцвейга. Помню их свадьбу на даче Ионы Лазаревича где-то в районе «Правды» (так тогда назывался дачный поселок по Северной железной дороге). Когда Розенцвейг вскоре умер (видимо, облучившись), Зара через какое-то время вышла второй раз замуж – на этот раз за одного из братьев-академиков по фамилии Лившиц и авторов учебника «Основы физики»; по нему училось не одно поколение студентов, и не только их. Помню, как она рассказывала, что муж очень болеет, и приходилось его обслуживать, часто за рулем «Волги». Тогда эту автомашину иметь было очень престижно, да еще за рулем! Вообще, здорово!

Другой Лившиц – Окмир (видимо, Октябрь мировой). Он пришел к нам несколько позже и неизвестно как, а злые

языки говорили, что даже без аттестата зрелости. На Окми-ра это было похоже, так как он по характеру – немного на-хал и проныра. Любил удивлять, то информацией, что будет интересного в Консерватории, то марками неизвестных вин (их названиями, не самими винами), то какими-то сомни-тельными девицами. Учился плохо, видимо зная, что бу-дет работать не по специальности. И, действительно, после геофака Окмир с увлечением многие годы работал в одном из НИИ Министерства химической промышленности, много ездил по стране, хорошо знал советскую жизнь. К ней он, как правило, относился с юмором, рассказывая, какой бар-дак творится на местах. Понимал, что реальный социализм обречен. Кажется, он дождался этого, после чего довольно скоро спокойно ушел в мир иной.

А доброму Осе Битерману я обязан хорошей квартирой в кирпичном доме, который «Аэрогеология», где он рабо-тал, строила вместе с Госпланом СССР. Помню, как он при-ехал ко мне на Метростроевскую, чтобы показать планы квартир. Трехкомнатных было 2 типа: торцовые и внутрен-ние. Мы долго выбирали и, наконец, я спросил: «А где будут члены Правления?». Оказалось, что все – в торцовых. Тог-да я сказал: «Давай торцовую и мне». И не прогадал. Оси-на мама дождалась этой квартиры, но сама осталась жить в своей «трущобе» в Сокольниках. Клара Марковна была очень добрым, благожелательным человеком. И Ося – весь в нее. У Оси всегда были деньги, и в лихие 90-е годы я часто пользовался и этим его преимуществом.

Юра Щербаков всегда «работал под мужичка», был очень умным, спокойным фронтовиком. Часто слушал нас, ожив-ленные споры «детского сада», усмехаясь, никогда в них не участвовал. Видимо, теперь думаю я, он видел и пережил такое, что имел полное право усмехаться нашему детскому лепету. Потом он (не сразу, конечно) стал зав. кафедрой фи-зической географии Калининского госуниверситета (теперь

город Тверь), и остался в моей памяти очень интересным, неординарным человеком.

Можно рассказывать о каждом из моих однокашников и дальше – все они этого заслуживают, но... пора и в Институт географии.

В конце 50-х – начале 60-х гг. молодежная жизнь в институте была довольно активной и разнообразной. Играли в настольный теннис под руководством известного литовского мастера Шешельгиса, в прошлом чемпиона СССР, устраивали капустники, елки в Новый год. И вот кому-то из нас (или соседям из Почвенного института) пришла идея просвещать зимой, на лыжах население ближнего Подмосковья. Вместе с почвоведом мы подготовили доклады и художественную самодеятельность, а потом в феврале 1958 года отправились в лыжный поход по живописным местам Клинско-Дмитровской гряды. К вечеру останавливались в селах на ночлег, и в сельском клубе сначала агитировали за «Советскую власть» (это я делал небольшой доклад о победах сил мира и демократии), а потом показывали свою незатейливую самодеятельность.

Иногда в хороший солнечный день днем делали большой привал и наслаждались жизнью, ведь все были так молоды и непосредственны. Секретарь партбюро Н. Ф. Леонтьев потом мягко выговаривал мне: «Вы не агитировать ездите, а на лыжах кататься». Но мы успевали и то, и другое. Нас везде очень приветливо встречали. Ведь в селах, расположенных всего в 40–50 км от Москвы, зимой ничего хорошего, кроме плохой водки, и не видели. И наше появление, без преувеличения, было событием: «Артисты приехали!» Разве мы зря катались на лыжах?

Летом же мы (конечно, в меньшем составе, в отпуск) поехали на байдарках по реке Угра (приток Оки), тогда еще сохранившей по своим живописным берегам первозданную природу. Грибов кругом – косой коси. Сравнительно быстрое течение реки тоже хорошо для байдарки. Там я

плыл в одной лодке со своей будущей женой, очаровательной Юлей Спиридоновой. Что сблизило нас? Мы шли, как и обычно, позади. А впереди – две байдарки, которые выбирали место для ночлега. Плеться сзади, мы поняли, что это процесс долгий. А есть хотелось давно и очень сильно. Но терпеливо ждали выбора места для ночлега. И вдруг наши руки встретились. И где? Вы думаете, на плече очаровательной Юлии? Вовсе нет! А в большой кастрюле со сливочным маслом. Ложки были рядом и мы «принялись за работу». Вот эта кастрюля с маслом все и решила...

На станции Дмитров. Перед агитпоходом и началом большого пути, продолжавшегося свыше 57 лет. Февраль. 1958 г.

Агитбригада у деревни Андрейково. Февраль. 1958 г.

Танцует Витя Таргульян

Витя Таргульян и Юра Мартынов на дистанции

Она подарила мне 57 лет счастливой жизни. Юля, как и я, окончила наш геофак, потом аспирантуру Института географии, где мы и встретились в начале 1958 года. Кандидат географических наук, Юля не стала большим климатологом. Зато состоялась как Личность – образованная, духовная и одаренная. Ей были не чужды и художественные интересы: в детстве Юля занималась музыкой, потом часто играла произведения Шопена, Бетховена и других классиков; в университете занималась художественной гимнастикой; регулярно посещала концерты классической музыки в Москве и в Берлине, хорошо рисовала и составляла колла-

жи, любила литературу, знала наизусть всего «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, всю «Анну Снегину» Сергея Есенина и т.д. Словом, была личностью разносторонней и интересной. А для нас она – икона, Божество, мы всегда Юлю любили, любим и сохраним о ней память до последних наших дней. Это и про Юлю более 100 лет назад образно сказал поэт, один из основателей Серебряного века Иннокентий Анненский (1855–1909):

Среди миров в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне на сердце тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света!

1909, Красное Село

В результате этих зимних походов географов с почвовед-ами и примкнувшими к ним всякими физиками и прочими мерзлотоведами сложился дружный коллектив по интересам; всем было около тридцати лет, многие стали к этому времени кандидатами, и будущее, как часто в эти годы, казалось «крайне светлым», хотя и не вполне ясным. Для многих, если не почти для всех. Исключением был Виктор Таргульян, который резко выделялся интеллектуальным потенциалом, и я уже тогда был уверен, что это в будущем – наш виднейший почвовед. Наверное, это и не трудно было предвидеть. Действительно, в 1967 году за кандидатскую диссертацию о почвообразовании в холодных гумидных областях ему была присуждена степень доктора географических наук. А в дальнейшем Виктор Таргульян стал одним из лидеров мирового почвоведения и одним из создателей оригинальной научной школы географов-почвоведов. Прав-

да, это не помешало ему переехать в 2015 в США, где у него две дочери с мужьями и внуками.

На Угрю! Байдарочный поход. Август. 1958 г.

На берегах Угры. Слева направо: Дина Аникст, Женя Страдомский, Сима Журавлёва, автор, Юлия Спиридонова. Август. 1958 г.

Состоялись как известные специалисты в своих областях и многие другие «ребята», составлявшие в свое время костяк нашей молодежной «сборной». Стали докторами наук Дмитрий Вахмистров (биолог), Феликс Козловский (почвовед-географ), Юрий Мартынов (физик), Яков Мотузов (почвовед), Илья Соколов (почвовед). Не отстали и наши девушки, которые, помимо создания домашнего очага, преуспели и в науке. Среди них гидролог Галя Мельникова (Зорина), географ-почвовед Нина Караваева, географ-мерзлотовед Нелла Шполянская. Душой наших трудовых и дружеских встреч всегда был экономгеограф Евгений Страдомский. Он прекрасно пел под гитару замечательные русские романсы, которые власти почему-то не очень любили (вернее авторов стихов). От Евгения я услышал многое впервые, в том числе «Среди миров...» на стихи Иннокентия Анненского, «Сероглазый король» Анны Ахматовой и другие. К сожалению, он очень рано (1969) покинул нас, открыв счет нашим потерям. Пожалуй, одной из последних встреч был «мальчишник» у Якова Мотузова в середине 90-х годов с участием Д. Вахмистрова, Ф. Козловского, В. Таргульяна, Г.Д. Гранина. Уже каждому из нас было по 60, а некоторым и с «хвостиком», но мы чувствовали себя, как и 30 лет назад.

Встречи нашего коллектива, возникшего на ниве народного просвещения и агитации населения Подмоскovie, были очень разнообразными: они включали лыжные и байдарочные походы, дружеские застолья по самым различным поводам и, наконец, повышение нашего политического уровня в «сети партийного просвещения». Очень интересный семинар по теме «Построение бесклассового общества в СССР» провела Галя Зорина (Мельникова), дочь зам. министра (кажется, внешней торговли СССР). Девушка компанейская, бесхитростная и тогда бездумная (она же знала, как и все мы, что у нас все равны и постепенно ликвидируются классы), Галя в порядке иллюстрации этого тезиса творче-

ского марксизма пригласила нашу группу летом 1958 года на выходной к себе на дачу. На большом, хорошо возделанном участке стоял «с иголки» большой двухэтажный дом, родители, конечно, были в отъезде, зато нас встретили садовник, домоправительница и еще кто-то. В спальне на втором этаже стояла кровать, на которой все мы могли разместиться, богатая мебель повсюду и т.д. Галя потом осталась на даче, а мы, едва покинув это поместье, стали с трудом приходить в себя, ругаясь, на чем свет стоит. Мы, в основном жившие тогда в коммуналках, просто не поняли, что скоро каждый из нас тоже получит по такой же даче. Даже самые выдержанные среди нас были просто травмированы, мы тогда еще не до конца понимали, что живем и будем долго жить в «империи лжи».

Родители потом ругали дочь за поломанные розы (кто-то из наших все-таки не выдержал) и легкомыслие. Другие подобные «дочки» (а в институте было несколько, имевших высокопоставленных родителей) проявляли большую осторожность: одевались как все, сидели тихо, не высывались, только иногда как-то загадочно улыбались. А Галя оставалась до поры простой и бесхитростной. Только вернувшись после длительного пребывания с мужем и дочкой (понятно, такие невесты не залеживаются) в Вене, она стала совсем другой – я увидел гранд-даму, уверенную в себе и понявшую, «кто is who». И когда некоторое время спустя Галя попросила у меня отзыв на докторскую (она была гидрологом), каюсь, по старой дружбе отказать не смог. Вот эта нехитрая история и о верности юношеским идеалам, и о великом равенстве и братстве, к которому мы все так стремились.

Еще в студенческие годы я был по путевке на Военно-Сухумской дороге, которая мне, конечно, очень понравилась. Порядка недели я отдыхал на турбазе в Теберде: крупные звезды над головой, интересные походы по Тебердинскому заповеднику, на тропе, не дай Бог, коснуться, не то

что сломать веточку (тогда еще нашим начальникам, несмотря на всю их строгость, не приходила в голову дикая мысль строить дворцы или проводить игрища в заповедных рощах). На перевале Клухори в тот год рано выпал снег, и нам пришлось переходить его по крутому снежному склону. Было непривычно страшно. А наш экскурсовод-проводник Отари, молодой, плотный, небольшого роста, шел впереди и кричал: «Ну, что, кацо, боишься, пошли!» И своими тяжелыми ботинками делал глубокие лунки в снегу, по которым мы с опаской шли.

У перевала Клухори.
С Сергеем Фёдоровым.
Октябрь. 1959 г.

А потом быстрый спуск в субтропики, к теплomu морю.

Вот я и решил в 1959 году повторить этот маршрут вдвоем с Юлей диким образом. В Северном приюте (так называлась турбаза перед перевалом) почти никого не было. Вместе с несколькими такими же туристами, как мы, легко прошли перевал, снег еще не выпал, а оттуда – в Сухуми, Новый Афон, Гагры. Останавливались на турбазах, которые – по молодости и бедности – нас вполне устраивали. Было здорово, и поэтому многое помнится до сих пор!

2. В отделе географии стран народной демократии

После окончания аспирантуры я был оставлен в отделе географии стран народной демократии. Тогда, конечно, я был рад, что наконец-то расстался с НРКЧ, но первые годы пребывания в институте, особенно как я это оцениваю теперь, не были успешными. Правда, я защитил диссертацию и написал несколько статей, но главное все-таки – не нашел

своей «песни» в весьма своеобразном и разношерстном отделе. (Меня «выручила» лишь его ликвидация в 1964 году).

Сама тематика этого сравнительно нового подразделения института была во многом случайна и не обеспечена соответствующими исполнителями. У меня почему-то понятие «народная» демократия тех лет теперь ассоциируется с «суверенной» демократией. Оба этих прилагательных найдены большими начальниками для обозначения того, чего на самом деле нет и не было. Они имеют одну и ту же цель – скрыть отсутствие этой самой демократии и тогда, и теперь. Например, в Чехословакии демократия закончилась уже в феврале 1948 года, когда ее сменила коммунистическая диктатура. Та же судьба в первые послевоенные годы постигла и остальные страны Восточной Европы, которые полностью вошли в сферу влияния «старшего брата».

Поэтому понятие «Восточная Европа» имело тогда, впрочем, как и сейчас, прежде всего геополитическое, военно-стратегическое и историческое толкование. В экономико-географическом плане эти страны, конечно, были очень разными. Не случайно в их изучении наиболее значительные результаты тех лет связаны со страноведением (Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии), а не со «сквозными» сюжетами по всей группе стран «народной демократии»¹. Зарубежное страноведение и вообще изучение зарубежных стран в Институте географии до войны отсутствовало. А поэтому и состав нового отдела в 50-х годах был во многом разным – и по уровню, и по опыту работы, и по отношению к делу. Все это, наряду с почти полным отсутствием матери-

¹Ведь это словосочетание с точки зрения этимологии (происхождения) не выдерживает критики. Демократия (с древнегреческого *demos* – народ + *kratos* – власть) означает дословно народовластие, так что не «народной» демократии просто не бывает. Надуманность этого словосочетания подтвердила сама жизнь: с развалом СССР оно быстро исчезло из научной и политической литературы, да и отдел географии стран народной демократии в Институте просуществовал недолго (1950–1964).

алов и статистики, сложностью публикации, жесткой цензурой в целях сокрытия многого из того, что там происходило, создавало объективные трудности в изучении этих стран. Субъективные причины, конечно, тоже были. Словом, как говорил в свое время на практике в Закарпатье В.А. Анучин: «Всем тяжело!»

Однако и в этих условиях на географическом факультете МГУ, имевшем какой-то опыт зарубежного страноведения, все-таки выходили упомянутые выше работы И.М. Маергойза, монографии Ю.В. Илинича, Э.Б. Валева, серьезные учебные пособия по этой группе стран¹.

Поэтому положение нового отдела института в конце 50-х годах было не из простых. Все старшие по возрасту и опыту работы сотрудники отдела раньше занимались экономической географией СССР. В 1950–1957 годах отделом заведовал Николай Фёдорович Яницкий, который являлся моим научным руководителем в аспирантуре. Это был деликатный, воспитанный и образованный, но закрытый человек, один из многих тогда поклонников и знатоков советской версии догматизированного марксизма. Он, как отмечалось, одним из первых в институте интересовался странами народной демократии, перед войной работал (до прихода в 1936 году в институт) во многих учреждениях, в том числе в 1931–1936 годах в Госплане РСФСР изучал Казахстан и Среднюю Азию. Его наиболее крупная работа была написана в 1915 году². Через 40 лет Николай Фёдорович защитил докторскую диссертацию, посвященную сдвигам в географии хозяйства стран народной демократии, на закрытом Ученом совете.

¹См., напр.: *Илинич Ю.В.* Польша: Экономико-географическая характеристика. М.: Мысль, 1966; *Валев Э.Б.* Болгария: Экономико-географическая описание. М.: Мысль, 1949.

²*Яницкий Николай.* Экономический кризис в Новгородской области XVI в. Киев, 1915 (Ученым советом Киевского университета удостоена Золотой медали).

В 1957–1964 годах отделом заведовал Владимир Тимофеевич Зайчиков, который работал в институте с 1939 года, участвовал в экспедициях в ряде районов Европейской части СССР и Урала, а после войны переключился на страны Восточной Азии. Он был очень приятным, уравновешенным, деликатным профессором, который никогда никого не ругал. Как человек умный, думаю, он понимал – кто может написать по «своей» стране, тот напишет, а кто не может (такие в отделе были), от того все равно ничего путного не жди. Сам Владимир Тимофеевич опубликовал большую монографию о Корее (два издания, 1947 и 1951 годов), ряд работ по Китаю, а уже после перехода в Институт народов Азии АН СССР (в 1964 году) – книгу о природных ресурсах и сельском хозяйстве Юго-Западной Азии.

Третий столп отдела – Михаил Матвеевич Жирмунский (1895–1973) также – до появления в институте в 1950 году – работал во многих экономических организациях, главным образом занимаясь внутренней и внешней торговлей. Был в длительной командировке в Германии (1928–1931). Руководил кафедрой организации внешней торговли в Академии внешней торговли, преподавал на кафедре страноведения в Военном институте иностранных языков (1946–1948). Человек неординарный, широко образованный, часто использовавший в устных и печатных выступлениях догматизированный марксизм, склонный к теоретизированию, Михаил Матвеевич был очень милым, добрым и приятным во всех отношениях старшим коллегой. Он единственный в 50-х годах, кто в отделе написал и опубликовал большую монографию о Германии. Она была коллективная, но руководил ею и написал основную часть Михаил Матвеевич. Работа была излишне политизирована и теоретизирована (злые языки в отделе даже в шутку ввели понятие «жирмунизация»), но ведь шутили лишь те из молодых, кто забыл, что для поколения наших родителей «лихие времена» были почти вчера.

В этой работе участвовали также две обаятельные молодые женщины – умная и язвительная «мама» Штуцер Нина Павловна и совершенно очаровательная Зара (Лучезара) Борисовна Игрицкая, а также весьма импозантный Азат Аркадьевич Засухин¹.

Из старожилов института в отделе работал также Дмитрий Александрович Чумичёв (1908–2002), долгожитель, очень добродушный и трудолюбивый. Он был специалистом по сельскому хозяйству Средней Азии и Казахстана, много работал там в экспедициях, опубликовал монографию о Таджикистане (1956), побывал также в Болгарии и участвовал в коллективной советско-болгарской монографии (География Болгарии. 1960). Дмитрий Александрович был прямым, открытым, спокойным собеседником, в нем чувствовалась «рабоче-крестьянская косточка», честное отношение к жизни, стремление всегда помочь и поддержать молодых. А из молодых тогда необходимо сказать об Игоре Николаевиче Олейникове (1935–?), человеке очень талантливым, но, к сожалению, рано окончившим свой жизненный путь. Он участвовал в подготовке советско-румынской монографии (1960), но основные, наиболее важные достижения были связаны с изучением Африки². Игорь был человеком глубокого ума, с тонким пониманием нашей жизни, с огромным чувством юмора, писал острые сатирические стихи. Его друзья и коллеги почти 20 лет ежегодно собирались у мамы Ирины Александровны (до самой ее кончины), женщины тоже незаурядной, стойко переносившей горе потерять единственного сына.

По ряду европейских стран и Китаю к началу 60-х годов сотрудниками отдела были опубликованы сборники и цик-

¹Жирмунский М.М., Засухин А.А., Игрицкая Л.Б., Штуцер Н.П. Германия. Экономическая география ГДР и ФРГ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 708 с.

²См., напр.: Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н. История открытия и исследования Африки. М.: Мысль, 1973. 457 с.; Дмитриевский Ю.Д., Олейников И.Н. Озера Африки. Л., 1967.

лы статей. Среди страноведческих монографий написана (в значительной части мною) коллективная работа по Чехословакии. Но к этому времени вышла фундаментальная работа профессора И. М. Маергойза по экономической географии Чехословакии, и наша рукопись благополучно была сдана в архив института. В итоге у меня складывалось положение незавидное. Можно сослаться на «потерю темпа» в НРКЧ, сочинение диссертации на рутинную тему, плохо обеспеченную материалами, своеобразие отдела стран народной демократии, но факт остается фактом: через 13 лет после окончания университета я был всего лишь автором средней диссертации и около десятка научных статей. Почти катастрофа!

И только волшебное море в Гаграх и Пицунде слегка уводило от всяких размышлений и давало силы для дальнейших свершений. Поэтому в начале 60-х годов в октябре («бархатный сезон») мы туда ездили регулярно. Общее очарование этих мест покрыла пелена времени, но несколько ярких эпизодов память сохранила. Вот два из них. В октябре 1962 года во время «Карибского кризиса» мы были снова в Гаграх. Там встретили Рубена Андреасяна (1929–1986), учившегося в свое время на курс позже (вместе с Минцем и Пуляркиным). Рубен был очень милым, добрым, неконфликтным товарищем, держался всегда просто и искренне, так что мы не чувствовали, хотя и знали, что его отец в то время был зам. министра (кажется, пищевой промышленности СССР). Помню, как во время Закарпатской практики (1950) он почти серьезно просил у меня (держателя общественных денег): «Ну дай хоть на 100 грамм колбаски, ну хотя бы на 50!» К сожалению, Рубен рано закончил свой жизненный путь, во время командировки, в Нью-Йорке. А тогда, после разрешения кризиса, он как-то рассказал, какую опасность пережил мир. Но мы все это «пропустили мимо ушей», Рубен был известен своими фантазиями. И только потом я по-

нял, как вовремя мы были в Гаграх, где не читали газет и ни о чем, кроме моря, не знали.

С Рубеном Андреасяном. Гагры. Октябрь. 1962 г.

Другое памятное событие: как-то довольно рано утром в 1964 году мы с женой шли по пустынному в это время берегу в Пицунде. Вдруг перед нами возник высокий брюнет со «Спидолой» на полную мощность. Скорее от неожиданности, спросил: «Что там?» – «Да ничего особенного, – был ответ. – Просто вожди развлекаются. Вот отсюда, – он показал рукой, где недалеко находилась правительственная резиденция, – увезли одного, а на его место посадили другого». Я не понял и переспросил, о чем он. А мне в ответ: «Один поцарствовал, теперь – другой». Так я узнал об еще одном государственном перевороте в истории страны – воцарении Л.И. Брежнева, при котором начался медленный дрейф в сторону старой мифологии «о любимом друге и вожде». В «стабильные нулевые» этот дрейф набрал скорость.

Когда я очутился в Пицунде в 1978 году, от рощи реликтовой сосны, да и от тихого приятного места для отдыха остались «рожки да ножки». Основную и лучшую часть уже давно занимала резиденция вождей, но и оставшаяся «для народа» – тоже испорчена. Построили два огромных многоэтажных здания пансионата, толпы отдыхающих, машины, шум. Пицунда кончилась.

Итоги почти за 15 лет существования и у отдела были не очень впечатляющими, да тут еще у В. Т. Зайчикова начались какие-то трения в дирекции. В результате отдел географии стран народной демократии в 1964 году был ликвидирован (путем его слияния с отделом экономической географии СССР), В.Т. Зайчиков перешел в Институт народов Азии АН СССР, а я очутился в отделе экономической географии СССР, который незадолго до этого возглавил А.А. Минц.

3. Отдел экономической географии СССР

В середине 60-х годов отдел, можно сказать, имел «звездный» состав, сложившийся при подготовке 20-томного издания экономико-географических характеристик крупных экономических районов СССР («Синяя серия» – по цвету обложки). Старшее поколение, доказавшее свои возможности доминирующим участием в этом многотомном издании, получило поддержку со стороны пришедших в отдел молодых кадров. Некоторые из них уже успели себя зарекомендовать заметными работами, а А.А. Минц в 34 года стал самым молодым руководителем отдела в институте. За неполное «десятилетие Минца» ему удалось, несмотря на сопротивление некоторых «аксакалов» и живучесть консервативных представлений, коренным образом изменить тематику отдела со страноведческой на проблемную. А.А. Минц обладал редким качеством – «проблемным зрением», то есть умением видеть, какие направления экономической географии в ближайшие годы будут наиболее востребованы. Поэтому при нем ведущим стало экономико-географическое ресур-

соведение, основателем которого был он сам, а затем и некоторые проблемы социальной географии (оценка условий жизни населения, изучение городского расселения). Каждый вторник проходили заседания отдела, на котором обсуждались работы сотрудников по плановым темам. И каждый раз мы слышали блистательные выступления А.А. Минца и И.В. Комара. Помню, с каким интересом и напряжением я слушал их. Будучи очень разными по темпераменту и стилистике, они всегда поражали большим кругозором, огромными знаниями, яркими сравнениями и умением кратко, точно и образно донести свою мысль. Как все это диссонировало с пустопорожней болтовней, которую раньше нередко приходилось слышать. Пожалуй, я воочию увидел, что такое научная работа в отличие от ее имитации, чем определяется «гамбургский счет», независимый от прошлых заслуг, званий, степеней и т.д. – словом, начались «вторые университеты», связанные во многом с именем А.А. Минца. За неполное десятилетие этот талантливый географ, верный друг, большой реалист, трудоголик и человек, который любил науку, а не себя в ней, дал мне очень много в самых разных отношениях. Несколько слов о других ведущих сотрудниках.

Игорь Валерьянович Комар был разносторонне образованным эрудитом, очень воспитанным, умеющим слушать собеседника. Он хорошо известен трудами по Уралу и разработкой теории ресурсных циклов. После защиты докторской диссертации (1959) Игорь Валерьянович получил, видимо, больше времени для обобщения огромной прочитанной им литературы, и это чувствовалось в его выступлениях и личных беседах (он был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации). В свое время Игорь Валерьянович не поддерживал переориентацию региональной тематики отдела на проблемную. Но потом сам показал, насколько это было правильным. Он начал изучать экономико-геогра-

фические аспекты оптимизации взаимодействия общества и природной среды. И в результате выдвинул и разработал теорию ресурсных циклов и показал их важность для рационального использования природных ресурсов (за эти работы был удостоен Золотой медали им. П.П. Семёнова Всесоюзного географического общества). Игорь Валерьянович выделялся высокой культурой, редкой эрудицией, он был блестящим оратором и опытным полемистом, любил науку и в отделе пользовался большим авторитетом и уважением. Но в дирекции его почему-то недооценивали. Когда же Игорь Валерьянович почувствовал, что ему трудно совмещать обязанности зам. главного редактора журнала «Известия АН СССР. Серия географическая» и ведущего сотрудника отдела (а ему было уже тогда под 70), на заседание отдела пришел сам И.П. Герасимов. Он не согласился с доводами Игоря Валерьяновича, и вскоре тот, несмотря на уговоры в отделе (особенно великовозрастных коллег), ушел на пенсию. В коридоре он мне как-то сказал: «Даже профессора дать не могли!» Ему было тогда 69 лет, он мог еще плодотворно работать, но зачем, если все равно не ценят (как потом оказалась, и на пенсии ему оставалось жить всего 9 лет). Я встречал потом Игоря Валерьяновича в академическом Доме отдыха в Мозжинке, он хорошо выглядел, шутил, но об институте никогда не спрашивал. А я в который раз думал, почему же у нас не ценят людей с большим потенциалом, профессионалов с огромным жизненным опытом, умеющих и любящих работать. Да ведь и сегодня это продолжается! Вот она – Россия, которая всего лишь немногим более 150 лет назад освободилась (да и то формально) от крепостного права, а в XX веке прошла через десятилетия уничтожения и унижения миллионов своих граждан.

Колоритной фигурой был Моисей Исаакович Помус (1899–1980) – один из заметных представителей эпохи становления и развития районной школы Н.Н. Баранского.

Главным в его разнообразной деятельности всю жизнь оставалась региональная география Сибири. Как и большинство его сверстников, Моисей Исаакович до поступления в институт проработал в самых разнообразных советских учреждениях (экономических, транспортных и др.). Они находились в Чите (где он родился) и в Улан-Удэ. В 1931 году переехал в Москву, а вскоре опубликовал капитальную монографию «Бурят-Монгольская АССР» (М.: Соцэкгиз, 1937. 396 с.). Ее высоко оценил Н.Н. Баранский, он увидел в авторе талантливого исследователя. В рецензии в редактируемом им журнале «География в школе» (1938. № 3) Н.Н. Баранский особо отметил, что почти третья часть книги посвящена порайонным различиям Бурятии, как и присутствие в ней значительного количества карт, показывающих размещение основных элементов природы и хозяйства.

С 1940 года Моисей Исаакович работал в Институте географии, где он создал своего рода географическую «Сибириаду», а также руководил многими научными экспедициями не только в Сибири, но и на Урале, и в Казахстане. Моисей Исаакович был тесно связан с сибирскими географами, стал их патриархом и одновременно «полпредом» в Москве, а для нас он оставался очень скромным, добрым, эмоциональным, немного чудаковатым мудрецом. Часто он начинал выступления традиционными для него словами: «Я, конечно, диссертацию (главы монографии, доклад и т.д.) не читал, но у меня есть некоторые соображения» (смех в зале).

И эти соображения, основанные на предшествующем обсуждении, очень часто были «по делу». Опубликовав ряд книг, каждая из которых «тянула» на докторскую, Моисей Исаакович защитил диссертацию аж в 66 лет. Он и из жизни ушел как-то незаметно. Мы узнали об этом только через несколько дней.

Еще один представитель районной школы – Олег Ростиславович Назаревский (1910–1991). Он родился в Оренбур-

ге, окончил геофак Пединститута в Алма-Ате и с 1939 года был сотрудником Казахского филиала АН СССР, в 1943 году защитил кандидатскую диссертацию по Джамбулской области. В Институте географии (с 1952 года) занимался изучением Казахстана и Средней Азии, проблемами географии населения. В 60-х годах Олег Ростиславович вместе с Еленой Бруновой Лопатиной (1912–1993) начал интересную работу по оценке природных условий жизни населения. Результатом совместных усилий стала монография¹. Пока над ней работали, все было хорошо. А потом, когда Олег Ростиславович собрался защищать докторскую диссертацию по этой работе, между авторами начались раздоры. Решение, может быть, не бесспорное, но возможное. Это подтвердил последний случай в институте. В 1991 году вышла хорошая работа О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиша «Центр и периферия в региональном развитии». Грицай быстренько защитила по этой работе докторскую, Иоффе рванул в США, а самый способный из них – Трейвиш остался ни с чем. Хотя, думаю, заметно опережал уже тогда и, тем более, сегодня своих соавторов по вкладу в отечественную географию. Но стал доктором всего... через 15 лет!

Олег Ростиславович был оригинальным, несколько экстравагантным человеком. С острым, слегка язвительным языком и нестандартным мышлением, обладал хорошей памятью и умением дать порой по незначительным деталям интересные обобщения. Однажды он рассказал о любимом всеми довоенными ребятами, в том числе и мною, народном акыне Джамбуле Джабаеве (помню, что у меня было до войны роскошное детское издание его творений), который пел о том, как нам всем хорошо живется «при великом кормчем», это в 1937 году: «Да бросьте, Юра! Никаких этих песен не было, просто Джамбул, играя на домре, что-то бубнил

¹Лопатина Е.Б., Назаревский О.Р. Оценка природных условий жизни населения. М.: Наука, 1972. 155 с.

себе под нос; а потом переводчик (кажется, это был известный Я. Козловский) сочинял то, что надо». Или вот подходит ко мне и огорченно-насмешливо вздыхает: «О, Юра, у Вас на макушке здорово поредело...» Я не мог видеть своей макушки, поэтому расстроился. Дома жена успокоила. Это все шутки, а по делу он выступал интересно, прямо, без прикрас, поэтому было что послушать и «намотать себе на ус».

Сергей Николаевич Рязанцев (1906–1980) был выдающимся мастером экономико-географических характеристик. Он стоял у истоков «синей серии». И как автор первой в этой серии монографии по Киргизии (1951) (она была переведена вскоре на немецкий язык); и как признанный мастер дробного экономического районирования – этой сквозной темы и всей «философии» книг «синей серии»; и как один из руководителей коллектива авторов (в 1954–1958 годах он был зав. отделом экономической географии СССР). Сергей Николаевич не изменил своим вкусам и, когда отдел переориентировался на другую тематику, в 1966 году перешел, к сожалению, в Московский пединститут на заведование кафедрой экономической географии.

Сергей Николаевич запечатлелся в памяти как основательный, рассудительный и степенный (он происходил из верхневолжских крестьян), надежный человек. Он был очень доброжелателен, расположен к людям, любил и уважал молодых, оставался всегда оптимистом и очень искренним во всех обстоятельствах, даже немного забавных. Помню, как на банкете в «Арагви» по случаю защиты его аспирантки Г.А. Приваловской, когда пиршество подходило к концу, он все ходил между столами и почти серьезно сокрушался: «Вы смотрите, сколько водки-то осталось!» Может быть, казалось крестьянское отношение к добру, во всяком случае, и это мне показалось достоинством Сергея Николаевича.

Значительную роль в формировании молодых сотрудников отдела, помимо столпов, играла Елена Бруновна Лопат-

тина. Главные ее достоинства, думаю, связаны с происхождением из дворян. Отсюда независимый, прямой, открытый характер, редкая тогда внутренняя свобода, правдивое отношение к жизни в империи лжи. Тогда о происхождении надо было помалкивать, можно было говорить лишь о своем деде Германе Лопатине (1845–1918), видном народнике, известном участнике революционного движения, члене Генсовета 1-го Интернационала, организаторе попытки побега Н.Г. Чернышевского из ссылки. Но говорилось тогда лишь о первом переводе на русский язык Г. Лопатиным «Капитала» Маркса, а не о том, что дед не принял Октябрьский переворот 1917 года.

Елена Бруновна в 1943 году поступила в аспирантуру института к Н.Н. Баранскому, защитила диссертацию по историко-географической характеристике Ленинграда-Петербурга, затем изучала проблемы формирования хозяйства Северо-Запада РСФСР и Ленинграда. Работала также над темой о развитии русской экономико-географической мысли в дореволюционной России, а потом по оценке природных условий жизни населения (опубликовала упомянутую выше монографию совместно с О.Р. Назаревским). Она проработала в институте 30 лет и обрела не только друзей, но и немало недоброжелателей. В 1973 году Елена Бруновна перешла в Российскую академию туризма, а последние годы активно занималась биографией Германа Лопатина и организацией его музея в Ставрополе. Помню, как я в окружении трех прелестных дам – Елены Бруновны, Генриетты Алексеевны Приваловской и Татьяны Ивановны Петряковой – ездили в 1973 году в Кишинёв на конференцию «Природа и научно-технический прогресс». Сколько интересного мы тогда услышали, как поучительно и приятно было общение с наследницей настоящей русской интеллигенции. Вот тоже Россия, которую мы потеряли.

4. А.А. Минц

На конец, по законам жанра, остается самое главное – яркая фигура зав. отделом в 1964–1973 годах А.А. Минца.

О научной деятельности А.А. Минца и его вкладе в переориентацию советской экономической географии с региональной тематики на новые перспективные направления исследований и разработку методологических проблем нашей науки написано немало¹.

Профессор Алексей Александрович Минц

Здесь же вспомним то, что сохранила память за 40–50 лет об Алексее как человеке, друге и коллеге.

¹См., напр.: Саушкин Ю.Г. Сорокалетние... // Ресурсы, среда, расселение. Сб. памяти А.А. Минца. М.: Наука, 1974; Пивоваров Ю.Л. Алексей Александрович Минц (1929–1973) // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение, 1987; Пуляркин В.А. Творческий путь А.А. Минца // Известия РАН. Сер. Географическая. 2000. № 5; Трейвиш А.И. А.А. Минц и прогноз регионального развития. Там же; // Ресурсы, среда, расселение. Сб. памяти А.А. Минца. М.: Наука, 1974. 272 с.; Канцеговская И.В., Приваловская Г.А., Рунова Т.Г. Алексей Александрович Минц (1929–1973) // В нашем доме на Старомонетном, на высылках и в поле. М., 2012. С. 533–538.

Он родился 9 декабря 1929 года в Ленинграде, в семье крупного инженера и ученого в области радиотехники и физики и был единственным ребенком в семье. Александр Львович (1895–1974) руководил созданием мощных радиовещательных станций, в том числе радиостанции им. Коминтерна (ее хорошо помнят до войны многие радиослушатели, и я в их числе), как положено, сидел, потом за участие в сооружении ряда ускорителей (в том числе в Серпухове) стал академиком, Героем Социалистического Труда, лауреатом двух Сталинских и Ленинской премий, был долгие годы директором Радиотехнического института АН СССР¹. Естественно, на геофаке МГУ и в Институте географии, где прошла вся его трудовая деятельность, Алексей выделялся культурой поведения, ответственностью, кругозором, аккуратностью, порой оптимизмом. Но никогда, даже небольшого пренебрежения или высокомерия к окружающим не было. Наоборот, он был скромным, порой стеснительным и снисходительным к сотрудникам отдела, став его заведующим. Его жена Зоя как-то мне со смехом сказала: «Вчера Алеша мне жаловался, что-то Юрка мной опять недоволен?»

В конце года обычно Алексей интересовался, что сотрудники сделали нового. И как-то мне со смехом говорит: «Знаешь, Евгений Петрович каждый раз показывает мне одни и те же пожелтевшие от времени странички о Северном Кавказе». Доктор географических наук Евгений Петрович Мас-

¹Минц Александр Львович родился в Ростове-на-Дону. После окончания университета в Новочеркасске в 1918 г. он оказался в так называемом «радиодивизионе» Первой Конной Армии. Разработал первую в СССР коротковолновую телефонную станцию. Начальник Научно-испытательного института связи Красной армии. В годы войны Александр Львович был начальником и научным руководителем Лаборатории радиолокации и радиотехники, которая в основном выполняла задания Генштаба Красной армии и органов разведки. Многие его открытия и изобретения связаны с атомными и космическими исследованиями. Похоронен на Ново-Девичьем кладбище в Москве. См. подробнее: *Маляр И.* Знаменитые евреи. 450 биографий в зеркале календаря. М.: АСТ. 2008. 478 с.

лов (1907–?) работал в институте в 1937–1970 годах. Этот признанный специалист и автор многих публикаций по Крыму и Кавказу всегда был немногословен и как-то мало замечен¹.

С Алексеем Минцем и его женой Зоей Мартиновой.
Светлогорск. 1966 г.

А сам заведующий отделом работал быстро и организованно. Продумав заранее, текст писал без черновиков на хорошей писчей бумаге, мелким ровным почерком, оставляя поля для правки текста. «Исписанные листы так и отлетают от Алеши», – говорила мне Зоя. Очень любил хорошие писчебумажные товары. Когда вернулся из Лондона в 1964 году с XX международного географического Конгресса, рассказывал не о Биг Бене и других достопримечательностях столицы древнего Альбиона, а с восхищением... о ластиках (резинки

¹Может, потому, что был сыном известного экономиста-аграрника П.П. Маслова (1867–1946), академика АН СССР (с 1929 года), и до 7 лет жил с отцом в Швейцарии.

для стирания ошибок). «Понимаешь, – говорил он смеясь, – их там в магазине до 500 видов различной конфигурации, размеров и цветов». И в этом Алексей тоже видел «качество жизни» англичан.

Он был трудоголиком и умел жестко организовать свое рабочее время; это позволяло сочетать большую творческую и организационную деятельность. Когда встал вопрос, вступить или не вступать – долго колебался: Александр Львович рассказывал ему, что если бы он был партийным, то из тюрьмы вряд ли бы вышел. А вот отдыхать не очень любил, да и не умел, быстро надоедало.

И в Светлогорске на Балтике, и в Гаграх видел, что ему скучновато, обычно больше двух недель он не выдерживал – «тянуло к столу».

Однажды Алексей, Валерий Пуляркин и я сидели у совсем другого стола на высокой веранде ресторана у берега моря в Гаграх, напротив живописнейшего ущелья Жозквара; а у той веранды – бассейн, в котором плещется форель. Укажешь официанту, какую, и вскоре он несет рыбку («Только слегка поварить, жарить нельзя, она теряет весь аромат», – пояснял нам «аграрник-марксист» Валерий). Запивали грузинским вином, было очень хорошо. Но как давно все это было! Вообще Алексей не делал из еды культ, пользовался очень скудным буфетом в Ленинской библиотеке, экономя время, но толк в еде понимал. Так, после его выступления в качестве содокладчика по теме «О новых направлениях в развитии советской экономической географии» на V съезде Географического общества СССР в Ленинграде (1970), мы тем же трио уселись на балюстрадах ресторана на Невском проспекте, и ему захотелось узнать, что же такое «юшка». Это был хороший суп из мелкой рыбешки со всякими приправами. Вкусно, но все же больше радовались тому, что на Балтике тогда еще сохранилась хоть мелкая, но все же рыба. Кстати, V съезд ВГО проходил в помпезном Таврическом

дворце, построенном Г.А. Потемкиным (в 1789 году) и являющемся выдающимся памятником архитектуры, тогда принадлежавшим Ленинградскому обкому КПСС. В нескольких больших его залах был роскошный буфет из «закозмов Родины» по низким до смешного ценам. Как-то к небольшой группе участников съезда (А.А. Минц, Ю.Г. Липец, я с женой) подошел профессор Н.А. Гвоздецкий и умильно говорит: «Какой замечательный буфет, как все хорошо устроено. А наше начальство в МГУ не додумается сделать такой же». Что же говорить о народе, если профессор лучшего университета страны «ни грана не понял в марксизме». И чтобы сделать тогда ситуацию еще смешнее, Юлий Григорьевич спросил у официанта: «А икра у вас из середины бочки? Если с ее краев, то у меня бывает изжога». На что тот гордо ответил: «От нашей икры у Вас изжоги не будет».

Где-то в конце 50-х – начале 60-х годов мы вместе со своими женами иногда встречались днем в кафе недавно открытого в Москве ресторана «Прага» на Арбате. Тогда там за 1 рубль с небольшим (!) можно было вкусно и чисто поесть. (Не верите? Я тоже не верил, когда в те времена читал, что до 1917 года можно было прилично поесть за 3–5 копеек!). Алексей был надежным товарищем, другом, он помогал советом одним, радовался успехам других. Помню, как после защиты докторской диссертации Валерием Пуляркиным (1972), дома у «именинника» Алексей весь сиял, обычная сдержанность тогда ему изменила, можно было подумать, что это он именинник.

Будучи зав. отделом, не боялся никакой работы, в том числе технической. Когда его спрашивал, зачем ты тратишь время на это, ведь у тебя целый отдел, он отвечал: «Да я же генерал без армии, мне легче сделать самому, чем объяснять и потом ждать, пока это сделают в отделе». За 20 лет после окончания геофака Алексей успел много сделать и вошел в историю советской экономической и социальной геогра-

фии 60-х – начала 70-х годов как талантливый ученый-новатор, оставивший яркий след в развитии науки. У него были большие планы. Но судьба очень зла: 19 февраля 1973 года он погиб при посадке на аэродроме в Праге. Помню, как я («знаток» Чехословакии) говорил Леониду Куницыну (они летели на конференцию в Оставу): «Зачем вам самолетом в Прагу, а затем 300 км из Праги в Оставу поездом обратно, когда есть прямой поезд из Москвы (правда, это около полутора суток)»? Но... Это была, видимо, первая из продолжающихся более 40 лет череды катастроф Ту-154 (он только вышел на линию гражданской авиации в 1972 году и был переделан из легкого бомбардировщика), закончившейся гибелью под Смоленском 10 апреля 2010 года президента Польши Леха Качиньского и всей правительственной делегации. Гибель Алексея Минца, а вместе с ним моего сокурсника Леонида Куницына, зам. директора института, была тяжелым ударом для всех нас¹. Валерий Алексеевич Пуляркин говорил тогда, что от этих потерь институт долго не оправится. Увы, это пророчество сбылось!

А что уж говорить об Александре Львовиче, который незадолго до того похоронил жену? Мы его не раз посещали, показывали план сборника, который решили выпустить в память об Алексее. Вступительную статью быстро и эмоционально написал профессор Ю.Г. Саушкин. Пришлось в темпе подготовить для печати не только две написанные статьи А.А. Минца, но и еще две его в соавторстве. В работе над сборником мне много помогала Инга Вениаминовна Канцеговская (1931–2011). «По звонку» я обратился к зам. директора издательства «Наука» Н.Е. Брусиловскому, который, будучи в курсе трагедии прославленного академика, старался ускорить издание книги. Александр Львович

¹И здесь судьба была очень зла. Ведь Леонид был 1921 года рождения, после войны из ста мужчин этого года уцелело 2–3 человека. И вот... нелепо погиб в 52 года.

очень хотел скорее увидеть сборник. И мы спешили. Но все-таки опоздали всего на две недели. 25 декабря Александр Львович умер, не дожив 10 дней до своего 80-летия, к которому уже шла подготовка в Радиотехническом институте АН СССР.

На похоронах Александра Львовича нас, небольшую группу географов, быстро оттеснили физики и радиофизики, и я мало что запомнил. Но поминки его сына, Алексея, мне запомнились очень хорошо. На столе, очевидно, было все, и, конечно, водка. Мне досталась широкая рюмка (видимо, для шампанского). И когда стали говорить об Алексее, о потере для науки и т.д. и т.п., я почувствовал, что слезы душат меня. Я сидел, склонившись над рюмкой и низко опустив голову, а слезы тихо капали и капали прямо в рюмку... Что еще?

Еще помню в конце, когда мы вышли на лестничную площадку (лифт брал только 6-8 человек), и нас провожал Александр Львович, в проеме соседней квартиры появился небольшого роста еврей лет 70. Это был сам прославленный академик Юлий Борисович Харитон¹.

5. В эпоху после А.А. Минца

После гибели А.А. Минца встал вопрос о нашем заведующем. Рассматривались две кандидатуры – Ю.В. Медведкова и Г.М. Лаппо; большинство сотрудников было за Медведкова, а назначили почему-то Лаппо. Теперь я думаю, знаю, почему. Позже, на вечере в отделе (тогда мы находились на Солянке), посвященном очередному юбилею нашего заведующего, Г.М. Лаппо, встав (вообще-то он пил мало), рас-

¹Харитон Ю.Б. (1904-1996) – научный руководитель создания советского ядерного и термоядерного оружия. Он был усыпан правительственными наградами: трижды Герой Социалистического Труда, 3 Сталинских премии, Ленинская премия и т.д. и т.п. А что получил резидент советской разведки в США и его коллеги, выкрывшие с помощью супругов Розенберг важные материалы по разработке атомной бомбы? Этого мы не узнаем никогда. Супруги Розенберг (после суда) были казнены на электрическом стуле.

сказал среди прочего, как трудно и ответственно ему было на самолете развозить спецпочту! Это дело доверялось не каждому, и мне все стало ясно – бывших чекистов не бывает. Кроме того, он отличался злопамятностью и мстительностью. Г.М. Лаппо заметно уступал Алексею Александровичу и в профессиональном, и в человеческом отношении. Г.М. Лаппо с его «бульдोजьей хваткой» (по выражению ряда сотрудников отдела) многим усложнил жизнь. А мне?

Со временем вторым начальником стала Г.А. Приваловская (1929–2012). Если у Минца была идея изучения территории как многофункционального ресурса, то у Лаппо и Приваловской никаких идей не было. Вернее, одна идея была – как можно дольше держаться за начальственное место. Только один пример. Когда Приваловская на 3–4 недели оказалась в больнице, и мы, и Дирекция об этом не знали. Знала только одна лаборантка, которая возила ей на подпись необходимые бумаги. А сотрудники поэтому занимались своими любимыми делами: один дописывал диссертацию, другой – книгу, третий – совокупность статей, боясь очередной переаттестации, четвертый просто бездельничал и т.д. Но хватает негатива. Рядом с нами работали талантливые и трудолюбивые сотрудники. Именно они и составляли основу отдела. Кратко расскажу о двух из них.

Гольц Григорий Абрамович (1933–2009), будучи по образованию инженером-экономистом, обладал гораздо более широким междисциплинарным мировидением. Но все-таки основным его «коньком» был транспорт. В Институт географии он пришел из Института комплексных транспортных проблем при Госплане СССР и быстро вписался в расселенческую тематику отдела. За 14 лет пребывания в нем (1975–1989) написал и опубликовал интересную работу, в которой обосновал принципы временного изоморфизма территориальной организации расселения¹. В 1989 г. Григорий Аб-

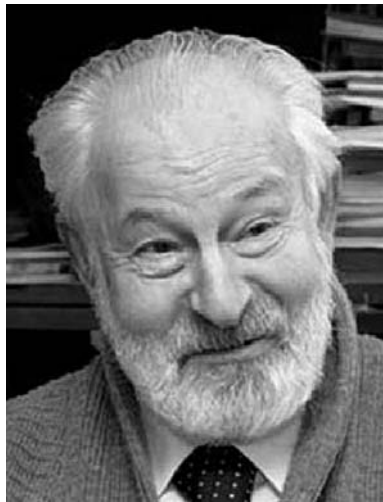
¹Гольц Г.А. Транспорт и расселение. М.: Наука, 1981. 284 с.

рамович перешел в Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, где искал динамическое равновесие между изучаемыми явлениями (местная транспортная сеть, транспортные системы, расселение, урбанизация и др.). По этим элементам Григорий Абрамович составил уникальную библиографию (38,5 тыс. карточек на русском языке и 16,5 тыс. – на иностранных языках). К сожалению, только небольшая ее часть была опубликована! В 2002 г. вышла самая большая и интересная работа Григория Абрамовича, которая содержит наиболее значительные результаты его исследований. Она одновременно представляет качественный прорыв в познании российского общества¹.

Среди других сюжетов в этой работе (как и в ряде предшествующих) значительное место занимает урбанизация.

В ее основе по Гольцу лежит представление об урбанизированной культуре. Расчеты Григория Абрамовича, выполненные на основе анализа огромного количества литературы, показывают, что на рубеже XIX и XX веков уровень урбанизации в России составлял всего лишь 2% по сравнению с официальными 14%, а в 1917 г. – соответственно 3% против 18%.

Становится очевидным, что в начало XX в. Россия вступила как крестьянская страна, не готовая ни к капитализму,

Профессор
Григорий Абрамович Гольц.
2008 г.

¹Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века (XVIII–XX). Т. 1. Менталитет, транспорт и информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002. 535 с.

ни к модернизации, ни к так называемой «руководящей роли рабочего класса». Тем более, нет никаких оснований говорить о «диктатуре пролетариата». Этот вопрос касается важных историко-политических сюжетов, которые специально не затрагивает автор¹.

Татьяна Ивановна Петрякова (1940–1996) появилась в отделе в 1966 г., вскоре после окончания геофака МГУ. На эту красивую блондинку «положил глаз» не один из мужчин нашего отдела. Но напрасно! Потому, что Таня была человеком совсем иного рода. Она с самого начала проявила себя как одаренный, высоко эрудированный научный работник высокого уровня. Таня много сделала для оценочных исследований территории как всеобщего многофункционального ресурса и улучшения его использования. С ней всегда было интересно поговорить не только по науке, но и «за жизнь». Поражал ее неординарный взгляд на мир и его окрестности. Запомнилась мне Таня и на семинаре молодых географов (тогда еще к этой категории, правда, с большой натяжкой относился и я) в Отепя (Эстония), где она много шутила и просто радовалась жизни, своей молодости и красоте, интересным докладам, особенно молодых эстонских коллег (думаю, что не случайно ныне Эстония – одна из наиболее благополучных стран в Восточной Европе). В памяти и еще одна картина: Кишинёв. На конференции «Природа и научно-технический прогресс» (1973 г.). В один из дней нам нужно было одним куда-то там ехать на автобусе. Е.Б. Лопатина, Г.А. Приваловская и я стоим в раздумье, как взять нам билеты. И вот видим, как Таня, растолкав мужиков и баб, пробирается к кассам и берет нам билеты. В ответ на наши восторги она скромно сказала: «Да ладно, чего уж там!» В этом тоже вся Таня.

¹См. также: Гольц Г.А. – географ // Ахиезер А.С. Труды. Т. 2 М.: Новый хронограф. 2008. С. 440–445.

Гольц Г.А. Очерк Тархова С.А. В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле. М., 2012. С. 327–330.

К сожалению, она лучше излагала свое видение проблемы устно, чем на бумаге. Поэтому научное наследие Татьяны Ивановны сравнительно невелико. Но ее вклад в оценочные исследования территории не так мал, а ее влияние на жизнь нашего отдела трудно переоценить¹.

В прекрасной книге «В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле» (М., 2012. 354 с. Редактор-составитель А.В. Дроздов) есть небольшой раздел (из 7 очерков) – «Они рано ушли от нас». Мне очень

Татьяна Ивановна Петрякова

хочется вспомнить, наряду с экономгеографами А.А. Минцем и Т.И. Петряковой, геоморфолога Василия Михайловича Муратова (1932–1986). Мы встречались с ним где-то в 60-х – 70-х годах, обычно на площадке у раздевалки, почти регулярно. И каждый раз Вася своим спокойным, тихим голосом спрашивал: «А знаешь ли ты, что...?». В большинстве случаев я не знал. А иногда не знал и он. Тогда мы обменивались мыслями, спорили... Мне Вася запомнился, как и Таня Петрякова, Личностью с большой буквы. Очень жаль, что они рано ушли от нас! (О Василии Михайловиче Муратове см. очерк Э.О. Фриденберг, С. 538–539). И Таня, и Вася принадлежали к настоящим семьям русских интеллигентов – этих «последних из могикан». Их аромат давно ушедших эпох стойкий, как у хороших духов, иногда овеивает нас своим волшебным дуновением среди миазмов реального социализма.

¹См. также очерк Руновой Т.Г. в книге «В нашем доме на Старомонетном, на выселках и в поле. М., 2012. С. 539–541.

6. В МИДе и зарубежных поездках

Все три приличные комнаты на 2-м этаже (помимо дирекции, зала для заседаний и библиотеки) занимали отдел картографии, бухгалтерия и иностранный отдел. Эта небольшая контора вершила большие дела: принимала зарубежных ученых и отправляла за рубеж своих. Когда я начал ездить «туда», заведовала отделом Елена Михайловна Шевченко, женщина приятная, скромная, благожелательная и разумная. Затем ее сменила Валентина Георгиевна Галина, дама приятная во всех отношениях: жена полковника КГБ, резидента то ли в Греции, то ли еще в какой-то солнечной республике Средиземноморья, пожившая там немалое время. Поэтому здесь ей было, по-видимому, скучно. Но что поделаешь? Иногда она развлекала «патриотическими» историями: вот скоро один наш кэгэбэшник, представляете, женится, конечно, по заданию Конторы, на дочке Онасиса, и тогда весь его огромный флот будет нашим. Вот здорово!

Важная работа иностранного отдела – прием зарубежных географов. Ответственные за прием того или иного иностранца должны были представить в отдел план пребывания с указанием, что планируется ежедневно; в случае поездки за город необходимо было указать время (поездки), фамилии, явки и т. д., как нас учат до сих пор. Чтобы нашу машину не останавливали посты милиции, номер машины им заранее сообщался. Конечно, особенно «бдели», когда приезжали географы с Запада. В 1965 году меня впервые приставили к такому немцу Каргеру, который немного знал русский язык. Вероятно, он был из судетских немцев, которых в 1945–1947 годах выселили из пограничных районов Чехословакии согласно Потсдамским и Ялтинским соглашениям. Я чувствовал себя «при исполнении». Помню поездку с Каргером на Курскую станцию института. Был май месяц, и заповедная Казацкая степь цвела всеми цветами радуги. Незабываемое зрелище помнится и через полвека! А кроме

того, перед глазами другая картина: техники-климатологи около низкой неудобной палатки рассказывают нам, как они днем и ночью самоотверженно измеряют температуру почвы, почти спасают Родину. И вдруг Каргер удивленно говорит им: «Зачем же это? Ведь есть приборы-самописцы?»

Другой важный иностранец – профессор Джексон из университета в Сиэтле (на севере Тихоокеанского побережья США), изучающий СССР и знающий русский язык, по-нашему был особо опасный американец-«советолог». Поэтому перед его приездом летом 1967 года меня инструктировал наш «ангел-хранитель» из КГБ (куратор, какие были чуть ли не в каждом уважающем себя учреждении). Маленький, невзрачный, похожий на одного вербовщика из Дрездена, он мне открыл глаза на все: враг не дремлет, надо «бдеть», Родина-мать зовет. И вот поехали мы с Джексоном в музей-усадьбу Архангельское под Москвой (имение князей Юсуповых). Гуляем по замечательному регулярному парку XVIII века, погода чудесная, и вдруг, случайно оглянувшись назад, вижу – сзади на расстоянии 30–40 м нас «ведут» два старших научных сотрудника, члены КПСС М.Е. Половицкая и К.В. Долгополов. Чуть не упал от неожиданности. Вот как мы бдели: я за Джексоном, они за мной и т.д. – каждый за каждым!

С географами из братских стран социализма было проще, с некоторыми из них я подружился¹. Профессор Миро-

¹Конечно, никакого социализма там не было. Но название «социалистические страны» в 60–80-х годах широко использовалась у нас для обозначения группы стран Восточной Европы, попавших в советскую сферу влияния после Второй мировой войны. Поэтому так называлась моя первая книга 1970 года и ряд статей (см. прилож. 2), в Москве был Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР, в ЦК КПСС – отдел социалистических стран (им длительное время руководил Ю.В. Андропов). Пользуясь терминологией тех лет, я тоже называю эти страны социалистическими без кавычек. После развала СССР, конечно, этот термин отовсюду быстро исчез, как и многое другое, надуманное агитпропом.

слав Блажек был у меня в гостях; потом он пригласил меня в Прагу. Помню, как мы гуляли с ним по Кремлю (его тогда только открыли для народа), а потом катались на речном трамвае по Москва-реке. Все было прекрасно до того, как гость решил зайти в туалет на пароходике. Он вышел совсем не такой, как вошел, и мрачно произнес: «Культура нации – это культура туалетов». С профессором Дьердем Энеди из Венгрии мы летали (1970) в Ташкент, Самарканд и Фергану. Весь Ташкент тогда дымился и благоухал запахами шашлыков, и стоили они всего 35 копеек. Потом Энеди, живя в гостинице «Академическая» (на Октябрьской площади), как-то пошутил: «У меня очень разнообразные завтраки: вчера две сосиски, сегодня – одна» (питание там действительно было безобразное). Профессор Д. Энеди написал, пожалуй, лучшую книгу по экономической географии социалистических стран Европы (она была переведена и на русский язык). Он рассматривал их не по странам, а по проблемам. Но и ему тогда не дано было сказать многое из того, что хотелось, хотя он сделал блестящую карьеру. Думаю, не случайно он был вице-президентом Венгерской АН, как человек талантливый, тактичный и умный.

Еще более важная работа отдела – оформление поездок сотрудников института за рубеж. Конечно, у нас все равны, но некоторые равнее. Ездили, особенно в 50–60-х годах, в основном начальство и еще постоянная группа нена начальства; последние ездили не по чину часто и в «хорошие» страны. Поэтому легко было вычислить, кто «помогал» органам следить за толпой не очень надежных. Даю собирательный образ такого «патриота». На тебя смотрит маска со снисходительной улыбкой на рябом лице: «Ходишь еще? Ну-ну». (Помните у Ильфа и Петрова – Ухудшанский: «Работаете? Ну-ну».) Говорит мало, цедит сквозь зубы. Невольно вспоминается Булат Окуджава: «Он мышей давно не ловит, ухмыляется в усы...».

Впервые я поехал за рубеж в 1967 году, в 38 лет, после 10 лет работы в Институте по географии зарубежных стран. В Будапеште была конференция по маятниковой миграции населения в странах Восточной Европы. Иностраннный отдел АН СССР отправил меня в Венгрию по-хамски. Ехал я один (профессор В.В. Покшишевский заболел перед отъездом) и толком не представлял, что такое 2000 или 3000 форинтов, которыми меня снабдили в Иностранном отделе (не помню, за счет обмена моих или выдачи казенных денег). Когда встречавший меня венгр поместил в номер приличной гостиницы и вскоре ушел, я стал распаковывать вещи, рассматривать довольно большую комнату (без душа и туалета) и вдруг на стене увидел табличку с его стоимостью – 1300 форинтов в сутки! В ужасе я побежал к портюе униженно просить другой номер, но тщетно. Всю ночь, конечно, не спал, уж очень обидно свой первый визит за рубежами Родины ограничить двумя днями. Утром болела голова, ничего не хотелось.

Венгерские географы-организаторы совещания, конечно, меня успокоили, начали по-очереди кормить обедами, а потом один из них по фамилии Катона одолжил приличную сумму, за что я должен был посылать ему по мере выхода 20-томную серию «Страны и народы». Конечно, от всего этого было не по себе, но Будапешт стоил мессы. В дальнейшем из-за мизерного обмена иностранной валюты, даже тогда не конвертируемой, приходилось идти на всякие ухищрения: жить у друзей и знакомых, возить с собой водку и икру и прочее. Вот уж действительно было стыдно за державу и за себя, конечно. Унижения для беспартийного еврея, не сексота (это выражение часто употребляла Е.Б. Лопатина, сначала я даже думал, что это что-то, связанное с сексом) были довольно разнообразны. Например, большая активистка Клавдия Гасова любила при мне обидно править характеристику для поездки в социалистическую страну. А однаж-

ды, когда я ехал на конференцию демографов социалистических стран (1978) в Восточный Берлин (ГДР), меня (тогда старшего научного сотрудника академического института) «экзаменовал» на предмет политической грамотности ареопаг партийных старцев при райкоме, они задавали дурацкие вопросы, забыв, что перед ними все-таки был не школьник младших классов. Это маразм не только большевиков-ветеранов, но и всей системы, за которую они боролись. Не случайно она так быстро развалилась через 10–15 лет.

Сейчас, конечно, этот цирк смешон, а тогда приходилось молчать или что-то мямлить. Ведь не понравился ареопагу – не поедешь! Все это был реальный социализм. В этой связи вспоминаю, как однажды мне довелось читать лекцию о Чехословакии (или Венгрии) в доме старых большевиков в Переделкино. После лекции меня пригласили на ужин. Я оказался за одним из довольно больших столов в окружении бывших министров и других деятелей Азербайджана. И сколько самодовольства пришлось мне наблюдать и услышать, вплоть до того (почти серьезно), что мы могли бы сейчас составить правительство Азербайджана. Они много говорили о марксизме (в их понимании), о равенстве и братстве, о других набивших оскомину партийных клише, не представляя, что все это – винегрет из марксизма, народничества и православия, не более того.

А когда мне дважды или трижды присылали приглашение и анкету для вступления в Европейский союз по изучению населения (Гаага), Валентина Георгиевна прямо сказала: «Так ведь это же капиталистическая страна, поэтому посылать им не следует». А кто же это решал, что в капиталистическую страну даже посылать документы, не только человека – нельзя? Кончилось тем, что знакомый чешский географ привез мне из Праги анкету Союза и почти насильно заставил ее заполнить. В целом поездки в социалистические страны – короткие по времени, редкие и, как пра-

вило, некомфортные (каждый раз казалось, что ты едешь в последний раз) носили в основном ознакомительный характер. В содержательном плане они давали немного (за исключением многократного посещения Польши, благодаря регулярной работе советско-польского семинара по урбанизации). И ведь по существу это была единственная форточка в зарубежный мир, который, как выяснилось потом, мы себе представляли очень и очень слабо. И наш МИД активно участвовал в культивировании нашего невежества, в том, чтобы мы не высовывались из-за «железного занавеса».

Для ознакомления с зарубежной географией определенное значение имел XXIII Международный конгресс МГС (Международного географического союза) в Москве в августе 1976 года. Конечно, при больших затратах времени и энергии сотрудников Института географии, Всесоюзного географического общества в Ленинграде и его филиалов на местах, географических факультетов МГУ и ряда других университетов – это обеспечило проведение первого в СССР конгресса МГС на хорошем уровне. Мы все-таки получили какое-то представление об основных географических школах, встречались с некоторыми зарубежными коллегами, познакомились с их трудами. Но Конгресс одновременно показал, что большинство наших географов или очень слабо представляют, или вообще не представляют, что творится в зарубежной науке по их узкой специальности. В этом в полной мере сказалась наша жизнь за «железным занавесом», полная изоляция большинства наших географов-профессионалов от того, что происходит в мире.

А коллегам в социалистических странах, особенно имевшим смелость не разделять официозные взгляды на превратности судьбы (например, на советскую оккупацию Чехословакии в 1968 году), приходилось иногда прибегать к нестандартным решениям. Поэтому, например, профессор Мирослав Блажек, который уже раньше (до 1968 года)

бывал в Москве, приехал на Конгресс МГС в 1976 году самостоятельно. И мы с женой имели удовольствие принять его у себя на время Конгресса и общаться с этим милым и обаятельным человеком, патриотом, но не манекеном.

После поездки в Будапешт (1967) я отчетливо понял, что даже в либеральном институте беспартийного еврея – не доносчика, не сексота, не придворного – часто выпускать за рубеж, даже в социалистические страны, не будут. И не ошибся: за 33 года работы при коммунистической диктатуре меня посылали за рубеж еще 6 раз (в среднем только раз в 5 лет; это научного работника, начинавшего трудиться по социалистическим странам). Поэтому и начал налаживать с географами из этих стран неформальные контакты.

На XXIII Международном географическом конгрессе. МГУ. 1976 г.

Именно таким образом я был в 1968 году по приглашению Д. Энеди две недели в Будапеште, где познакомился немного с работой отдела экономической географии Инсти-

тута географии Венгерской АН. На этот раз все было организовано очень хорошо: я жил в огромной 3-комнатной квартире в центре города, были интересные встречи и беседы, походил по очень красивому городу на берегах Дуная, любовался памятниками архитектуры. В общем, почувствовал ритм и жизнь города. Конечно, поразило обилие и разнообразие продуктов, одежды и обуви, но главное – раскованность свободных людей (по западным меркам – в несвободной стране). Везде чистота, на улице около рынка тротуары моют, как следует, с порошком, на всех – чистая новая обувь; очень разнообразная и оживленная толпа резко контрастировала с серой массой озабоченных людей, к которой я так привык. Передо мной были люди, а не рабы. Меня возили в Дебрецен, Кечкемет и редкой красоты Вышеград, у которого Дунай делает поворот с широтного течения на меридиональное.

Как-то в разговоре с выпускником геофака МГУ М.К. Бандманом, доктором экономических наук, профессором, человеком мудрым, деятельным и практичным, узнал, что, взяв билет (по приглашению), можно в пути (если маршрут круговой) делать остановки на несколько дней сколько угодно раз (он с женой так уже ездил). И в 1974 году мы с Юлей таким же образом посетили Будапешт и Братиславу, а в 1977 году – Прагу и Варшаву. В Венгрии, благодаря заботам Дьердя Энеди, Марка Матейки и Эдит Петри, мы, кроме Будапешта, побывали также в г. Эгер на севере страны у подножия вулканического хребта Матра с его известными виноградниками (отличные красные вина Egri bikover – бычья кровь) и в Кечкемете.

А в Словакии были в Братиславе, Малых Карпатах и на одной из ее вершин, где сходятся границы трех стран (Словакии, Венгрии и Австрии). Оттуда в хорошую погоду видна Вена. Много внимания уделял нам д-р Ян Ганзлик, сотрудник Географического института Словацкой АН. С ним же

мы побывали на даче у профессора Лукниша. Возвращались с Юлей через Варшаву, на Центральном вокзале нас встретил наш большой друг Марек Ерчинский, и пока поезд шел через Вислу на вокзал Варшава Восточная (примерно 20–25 минут) – немного поговорили о делах. Так приходилось «работать» в годы реального социализма.

По приглашению милого профессора Мирослава Блажека в 1977 году я и Юля посетили Чехословакию, а на обратном пути – Польшу. В Чехии мы гуляли по златоглавой Праге, побывали на даче у М. Блажека в Галанах, в Пльзене на знаменитом пивоваренном заводе, в г. Усти-на-Лабе, а затем в г. Брно – столице Моравии. Там тогда находился Географический институт Чехословацкой АН. Его директор-геоморфолог Яромир Демек очень интересно показал нам Моравию. Ездили в знаменитый Аустерлиц (по-чешски Славков), где есть музей Наполеона. В Брно – втором по величине городе Чехословакии – запомнились, пожалуй, больше всего два места – очень маленькая уютная центральная треугольная площадь и в городском саду памятник Грегора Менделя (1822–1884) – основоположника учения о наследственности. Там профессор Мирослав Блажек рассказал мне с улыбкой, как после 1968 года в Чехословакии всем служащим давали бланк с тремя вопросами (поддерживает ли он политику Чехословацкой компартии и другие в том же духе). И на все три он ответил честно – нет. И вынужден был искать работу – словом, и там стал реальным «наш» социализм.

В Варшаве мы были в Институте географии Польской АН и основательно осмотрели город, благодаря друзьям и сотрудникам института – Мареку Ерчиньскому и Анджею Гавришевскому. Обсуждали и профессиональные, и многие другие вопросы, работу советско-польского семинара по урбанизации, возможности сотрудничества. Естественно, что оба этих «круга» по социалистическим странам мы с Юлей проводили в отпускное время и на свои деньги.

На даче у профессора Лукниша.
 Слева направо: Юля, автор, проф. Лукниш, доцент Ян Ганзлик, коллега
 из Географического института Словацкой Академии наук.
 Под Братиславой. 1974 г.

С профессором
 Мирославом Блажеком в Праге.
 1977 г.

С Марекем Ерчиньским
 в парке Лазенки.
 Варшава. 1977 г.

И только в 90-х годах девушки в нашем МИДе начали поворачиваться более проворно, поэтому я побывал в эти годы за «железным занавесом» несколько раз, помимо многократного посещения Чехословакии и Польши. Пожалуй, для сюжета «наш человек за рубежом» очень характерна поездка в 1994 году в Прагу на Европейскую региональную конференцию МГС. Она проходила в выставочном павильоне, очень удобном для таких больших мероприятий, были географы со всей Европы, и не только. На первом этаже находился очень уютный ресторан, и всегда там было – и утром, и днем – много народу, не меньше, чем на заседаниях. И хорошо помню, как однажды утром, после моего доклада, я встретился в фойе на 1-м этаже с Юлием Григорьевичем Липецом и Сергеем Борисовичем Шлихтером. Надо обедать, но пойти в ресторан, как ходит вся Европа, мы не могли (не было денег). И вот три советских профессора по дороге к дому, где жил Юлий, купили несколько бутылок пива, и у него дома их выпили. Наверное, тогда мы все трое плохо работали, поэтому нам плохо платили (даже на обед не хватало).

Так пусть хоть теперь товарищи абрамовичи, потанины, дерипаски, тимченки, фридманы и прочие вексельберги откроют какие-нибудь курсы или даже университет. Чтобы научить новое поколение, как можно за несколько лет стахановским трудом заработать миллиарды и на эти деньги покупать первоклассные футбольные команды типа «Челси», по несколько яхт, больше похожих на дредноуты, недвижимость в Англии, Франции, Италии, далее везде.

Вот будет здорово!

VIII. ДОРОГАМИ ГЕОУРБАНИСТИКИ

Прелесть науки в том,
Что она, как и искусство,
Неисчерпаема и бесконечна.

Н.Ф. Глазовский¹

1. Начало пути

Оказавшись в новом отделе (непродолжительное время после ликвидации отдела географии стран народной демократии он назывался отделом географии социалистических стран) с высоким уровнем и богатым опытом работы его ведущих сотрудников, я стал думать, как вписаться тематически в общую работу. В начале 60-х годов кто-то сверху спустил в институт весьма звучную и абсолютно неподъемную тему «Население и продовольственные ресурсы». Еще будучи в отделе географии стран народной демократии, в рамках этой темы (кстати, вскоре потихоньку закрытой) я начал изучать население европейских социалистических стран. А.А. Минц способствовал моему переходу от промышленной и страноведческой тематики на материалах Чехословакии к географии населения в более широких географических рамках. Вскоре я начал писать книгу о населении зарубежных социалистических стран Европы и где-то в 1967 году ее закончил. И здесь я должен помянуть добрым словом зав. редакционно-издательским отделом института Наталью Ивановну Тюляеву (1907–?). Во время войны она

¹Член-корреспондент РАН, зам директора Института географии РАН Н.Ф. Глазовский (1946–2005) этими словами заключил выступление на заседании Ученого совета Института, посвященного 100-летию со дня рождения Д.Л. Арманды.

была переводчиком в полковой разведке, награждена орденом Красной Звезды, а в 1948–1984 годах работала в институте, «приводя в порядок» все рукописи, которые под институтским грифом шли в издательство «Наука». Всего таким образом она отредактировала более 370 (!) рукописей общим объемом свыше 6,5 тысячи авторских листов. Это был редактор Божьей милостью, человек по виду суровый, прошедший в стране Советов нелегкую школу жизни, но, по существу, добрый, коммуникабельный, принципиальный и прямой. Наталья Ивановна не только улучшала рукопись, добиваясь большей ясности и четкости изложения, внутренней логики текста, но и объясняла, почему так лучше. Если автор упорствовал, она уступала. Но я упорствовал редко. Иногда она спрашивала, с некоторым удивлением в голосе: «А что-то у Вас здесь, это совсем непонятно. Вот, наверное, как надо». Но при этом и к молодому автору относилась всегда уважительно. Для меня работа над рукописью с Натальей Ивановной была хорошей школой редактирования, которая потом очень пригодилась.

Из-за вторжения стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года верстка книги пролежала в издательстве почти полтора года. Меня «выручил» член-корреспондент АН СССР Тимон Васильевич Рябушкин (1914–1986), в то время бывший директором Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. Он подписал положительный отзыв на верстку, и вскоре книга вышла. До этого я не раз говорил Алексею, что мне пора стать старшим научным сотрудником, но он был, несмотря на дружбу, принципиален: «Вот выйдет книга, тогда сразу, а пока не могу». Но как только книга, наконец, вышла, он без напоминания сдержал слово. Эта книга получилась эклектичной, так как охватывала случайную совокупность очень различных стран Восточной Европы – от Болгарии до ГДР.

Одновременно я год или полтора «пробивал» договор в издательстве «Статистика» на книгу по урбанизации

в социалистических странах Европы. Но когда договор был, наконец, подписан, почувствовал, что эта тема меня больше не интересует. «Что делать?» – спросил я у Минца в растерянности. Он сразу, помню, сказал: «Если тема больше не интересует, то ничего и не напишешь». Я предложил издательству «Статистика» другую книгу – о современной урбанизации в более широком плане, а старый договор, которого так долго добивался, расторг.

Так или иначе, но с начала 70-х годов основной темой моих исканий на долгие года (думал, на 10–15 лет, а получилось – на полвека) стала урбанизация. Иногда мне приходилось задумываться, как же это так получилось, почему из огромного числа тем ты выбрал именно эту? И кто в этом «виноват»? Ответ пришел совсем из другой «оперы». Ясность в этот вопрос внесла филолог Н.М. Демурова: ты его выбираешь или он тебя? (Речь шла о Л. Кэрролле)¹.

Мне кажется (во всяком случае – в моем), – и то, и другое. Каково соотношение между, так сказать, этими внутренними и внешними факторами и причинами? Конечно, сколько авторов, столько и соотношений. Но как его определить? Если вообще это возможно определить!

Урбанизация (от лат. *urbanus*, англ. – *urban*, русск. – городизация) – это социально-экономический процесс, связанный с миграцией из села в город, переходом от сельского к городскому образу жизни как феномену культуры и современной цивилизации. В городе «нового» горожанина «встречают» более высокая зарплата, совсем другие возможности получения профессии, образования, качественной медицины, досуга² и т.д.!

¹Демурова Н.М. Льюис Кэрролл. М.: Молодая гвардия. 2013. С. 7.

²См. об этом подробнее: Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация: антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик, 2007. С. 24–27.

Термин «урбанизация» появился впервые в зарубежной литературе в 1867 г. в Испании, на русском языке – в 1957 г. (в переводе на русский язык «Доклада о мировом социальном положении» ООН). Более регулярно этот термин стал использоваться в советской научной литературе с конца 60-х гг., т.е. почти на столетие позже, да при этом часто само явление оценивалось негативно.

Повышение роли городов в жизни общества сопровождало человечество на протяжении всей его истории. Но только в XIX в. начинается заметная концентрация населения в городах. В начале XX в. она еще более усиливается, но особенно возрастают масштабы урбанизации вскоре после Второй мировой войны, когда, согласно Г. Чайлду, началась «городская революция».

Первая советская книга об урбанизации появилась лишь в 1976 году¹.

Из XXI века отчетливо видны основные ее недостатки, в чем-то даже наивность. Это и понятно – ведь прошло всего около полувека со дня выхода книги. Но, вместе с тем, общие черты урбанизации – глобальные масштабы, переломный характер в развитии расселения, образование новых форм и структур расселения, выход города из своих границ и т.д. – весьма характерны во многом и поныне. Не случайно, проф. Ю.Г. Саушкин высоко оценил книгу. И в письме на имя автора рекомендовал ее к защите в качестве докторской диссертации (1977 год!). Тем неожиданней была для меня реакция «дома». Как рассказал мне расстроенный Ученый секретарь отдела П.М. Ильин, наш начальник отдела был вне себя. Г.М. Лаппо, впервые увидев мою книгу, был в ярости, долго при Ильине, что называется, «рвал и метал», не мог прийти в себя. А через некоторое время он успокоился. И придумал, как говорят шахматисты, домаш-

¹Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. 191 с.

нюю заготовку в виде двухходовки. Сначала он объявил книгу плановой докторской диссертацией, хотя ни она, ни докторская диссертация вообще в планах даже отдела нигде не числились, а затем 12 лет (!) активно мешал защите, выдвигая все время нелепые предложения и затеи. Ведь за такие комбинации надо давать или звание «Мастер спорта СССР по шахматам», или... по морде.

Под руководством таких ученых и им подобных Отдел таял на глазах: за период с 1973 по 1996 годы ушло по разным причинам 12–14 человек. Имидж Отдела упал как внутри Института, так и в экономической и социальной географии страны.

Это ощущение появилось вскоре после гибели А.А. Минца, когда его заменил Георгий Михайлович Лаппо (р. 1923), а затем к нему присоединилась Генриетта Алексеевна Приваловская. Эти известные экономгеографы не нуждаются в представлении. Но оба, к сожалению, от души исповедовали советскую версию догматизированного марксизма, поэтому у нас было разное видение и восприятие «реального социализма». Не случайно, когда весной 2002 года я выступил в отделе с «прощальным» докладом об урбанизации, присутствовал весь отдел экономической географии от молодых лаборантов до зав. отдела С.С. Артоболевского. Не было только трех докторов – настоящих «патриотов» – Г.М. Лаппо, Г.А. Приваловской, Г.А. Аграната. Вот почему я все чаще обращал взоры к представителям смежных наук, незашоренных и во многом лишенных конформизма, начавших интересоваться урбанизацией всерьез.

В «десятилетие Минца» я спокойно получал командировки, даже иногда мне казалось, что он рад тому, что хоть кто-то чем-то в отделе интересуется (потом стало совсем иначе). Я несколько раз ездил в Ленинград, в Ленгинпрогор (и в Мариинский театр, одно было днем, второе вечером) и в Киев, в Гипроград (вечером в Киевский театр оперы и ба-

лета им. Т.Г. Шевченко). Но у проектировщиков-градостроителей ничего интересного для себя не нашел – уж слишком узкий, технический был там подход, без взгляда на сам процесс урбанизации и градостроительства. Поэтому пришлось искать дальше. Тогда я и обратился к тем немногим сравнительно молодым представителям смежных дисциплин, которые интересовались изучением города в контексте современного процесса урбанизации. Правда, географы, точнее профессор И.М. Маергойз здесь несколько опередили других. По инициативе И.М. Маергойза начал работать семинар по урбанизации при Московском филиале ГО СССР.

Помню организационное собрание в большой Коммунистической аудитории МГУ в 1969 году, посвященное его созданию. На нем с обоснованием важности такого семинара выступали И.М. Маергойз, Б.Ц. Урланис, В.В. Покшишевский, А.Г. Волков, А.С. Ахиезер и другие маститые и не очень – многие из которых впоследствии порадовали научное сообщество интересными работами по урбанизации.

На канале Волга-Дон среди впоследствии крупных российских ученых.
Слева направо: А.С. Ахиезер, Г.А. Гольц, А.Г. Вишневский. 1967 г.

Нередко знакомство с интересующимися урбанизацией, даже москвичами, проходило на совещаниях и конференциях вне Москвы. Для меня в этом отношении были наиболее важными встречи в конце 60 – начале 70-х годов, когда я только «входил в тему». Вспоминаю с большим пиететом межвузовское совещание по проблемам размещения и миграции населения и трудовых ресурсов в мае 1967 года в Ростове-на-Дону. Его прекрасно организовал Владимир Николаевич Чапек, доцент, впоследствии профессор Ростовского института народного хозяйства (РИНХ). Помню, как по обе стороны железнодорожного полотна, ближе к Ростову, буйно цвели большие деревья акации, а в городе была ужасная жара (до $+37^{\circ}$) и духота. Так что очень вовремя была интересная экскурсия по каналу Волга–Дон до Волгограда и обратно. Но главное, помимо ряда интересных докладов, познакомился с некоторыми «смежниками», которые впоследствии внесли весомый вклад в изучение урбанизации – А.С. Ахиезером, А.Г. Вишневым, Г.А. Гольцем, В.И. Козловым (все москвичи).

В конце мая – начале июня 1968 года я был во Львове оппонентом на защите кандидатской диссертации по промышленности стран-членов СЭВ М.И. Гонаком, преподавателем Львовского университета. После защиты на несколько дней поехал в г. Мукачево, где мы были на практике 18 лет назад. Это второй после Ужгорода город Закарпатской Украины, которая не зря отошла от Чехословакии в 1945 году к СССР. Это был стратегический плацдарм по ту (западную) сторону Карпат уже после перевалов: в 1968 году этот плацдарм оказался востребованным при вторжении советских войск в Чехословакию. Однажды в кафе я познакомился с пехотным капитаном. Пили вместе кофе и болтали «за жизнь». Вдруг он спросил: «А что ты тут делаешь?» Я ответил, а он, понизив голос почти до шепота, сказал: «Уезжай скорее, здесь окружающие леса шевелятся от огромного ко-

личества солдат. Я не знаю что, но что-то будет». Тем не менее в самом начале августа всей семьей мы поехали в Светлогорск на Балтийское море: до Калининграда самолетом, а там около 30 км – на такси. Ехали быстро, обгоняя многочисленные колонны войск с танками, орудиями, тягачами. И водитель говорит: «Да куда вы едете, здесь войной пахнет. Сами видите, что на шоссе творится». Но мы очень хорошо отдохнули на море и на обратном пути заехали 21 августа к знакомым географам – литовцам (по предварительному приглашению, разумеется). И у них узнали, почему шевелились леса под Мукачево и были забиты военной техникой дороги под Калининградом. По решению кремлевского ареопага 21 августа началось вторжение Советской армии (официально войск стран Варшавского договора) в Чехословакию, для подавления «Пражской весны». Узнав об этом вечером, мы почти до утра просидели вместе с хозяевами, ловя по старенькому приемнику разные голоса. Мы с женой были очень взволнованы и возмущены, с трудом ловили сообщения и сдерживали свои эмоции. И эта ночь по-настоящему нас сдружила, потому что все прибалты всегда считали всех русских оккупантами, и даже хорошим знакомым не очень доверяли. Потом мы несколько раз посещали прекрасный Вильнюс. Однажды Ирена, мама двух дочерей, рассказала нам такую историю. Одна из ее девочек (тогда ей было около 10 лет) написала на уроке записку своей подруге в классе: «Началась война, и скоро мы будем свободными». Учительница перехватила записку и вызвала маму в школу. «Дети Бог знает где набираются всякой всячины, – сказала учительница маме. – Я, конечно, понимаю, что в семье вы таких разговоров не ведете. Но, пожалуйста, будьте осторожнее, поговорите с дочкой». Вот что значит сплочение народа против оккупантов, одинаково характерное и для взрослых, и для детей.

Осенью я участвовал во Всесоюзной конференции по проблемам населения Закавказья в Ереване. Помимо ин-

тересных докладов и людей, осмотра одного из старейших городов СССР, нас возили к памятнику геноцида армян в 1915 году и по другим памятным местам Армении. Но самыми интересными были все-таки темпераментные вечерние споры до полуночи в одном из номеров гостиницы, в которых участвовали А.Г. Волков, Л.Е. Дарский, А.Я. Кваша, В.И. Козлов, Г.А. Павлов.

Первая конференция, посвященная непосредственно изучению урбанизации, была организована О.Н. Яницким (сыном моего научного руководителя) в 1970 году в Институте международного рабочего движения АН СССР (конечно, название нелепое – нет такого предмета в науке, но был Тимур Тимофеевич Тимофеев, под этим именем жил в Москве сын одного из руководителей Компартии США, кажется, Денниса; ему надо было где-то директорствовать, и вот создали для этого институт, а вскоре (1966) он стал членом-корреспондентом АН СССР. Потом этот Институт стал Институтом сравнительной политологии, затем волился в Институт социологии).

Конференция «Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции» собрала представителей различных общественных наук, начавших работать по интересующей меня тематике, на ней можно было установить полезные контакты, наладить обмен информацией, наконец, познакомиться с единомышленниками. В общем, внимание к этому многогранному процессу стало проявлять относительно молодое тогда поколение сотрудников различных академических институтов, да и «аксакалы» не дремали. Но нужен был для начала штурм научным сообществом многообещающей темы своего рода «залп Авроры». Им и стало появление в начале 1969 года статьи А.С. Ахиезера, Л.Б. Когана, О.Н. Яницкого в «Вопросах философии». В ней были намечены важные направления научного поиска по этой комплексной междисциплинарной проблеме для ряда наук,

в том числе и для географии¹. Таковыми стали выявление географической сущности урбанизации, ее пространственной основы, изучение закономерностей и особенностей урбанизации в странах разного типа, сочетание глобального, регионального и локального при конкретном анализе².

В результате обозначилось новое направление моих научных интересов – географические аспекты современной урбанизации. С таким докладом я выступил на научной конференции в Паланге в июне 1969 г.³, а затем пытался уяснить и углубить содержание этой темы в ряде работ начала 70-х годов⁴. Наиболее логично и развернуто, пожалуй, мне удалось это в статье «Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения», открывавшей сборник «Проблемы современной урбанизации» (1972) с предисловием академика И.П. Герасимова и под моей редакцией; сборник был подготовлен к XXII Международному географическому конгрессу в Монреале (Канада). В статье предлагались некоторые подходы к изучению урбанизации как комплексной междисциплинарной проблемы, отмечалась неправомочность абсолютизации архитектурно-планировочных решений и недооценки социальных факторов, роли культуры, хотя до антропокультурного подхода к процессу урбанизации тогда было еще далеко.

Сборник ставил целью рассмотреть отдельные стороны урбанизации теми представителями смежных с географией наук, которые были способны противопоставить старым подходам новые для того времени взгляды. Поэтому были

¹Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2.

²Пивоваров Ю.Л. Современная урбанизация: Основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976. С. 12–13.

³Пивоваров Ю.Л. Географические аспекты современной урбанизации // Использование трудовых ресурсов в народном хозяйстве. Материалы конференции. Вильнюс, 1970. Т. 1. С. 8–10.

⁴См.: Библиография трудов в прилож. 2.

приглашены. наряду с географами, сравнительно молодые тогда авторы, которые довольно скоро состоялись как профессионалы высокого класса, хорошо известные у нас и за рубежом: А.С. Ахиезер, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, Г.А. Гольц, В.И. Козлов, Ю.Г. Липец, В.И. Переведенцев, О.Н. Яницкий¹. Видимо они неплохо справились с поставленными задачами, потому что сборник сразу попал под обстрел со стороны «зубров» старых представлений².

Стремление к новому пониманию современной урбанизации и задач ее изучения представителями разных наук, важность объединения их усилий для комплексного исследования этого процесса буквально витало в воздухе. Не случайно появление почти одновременно (1970–1972) еще ряда междисциплинарных сборников, почти в каждом из них мне довелось участвовать³.

Весь дальнейший путь в геоурбанистике характеризует стремление, во-первых, максимально сосредоточиться на поисках новых нетривиальных подходов для углубления понимания процесса урбанизации, а во-вторых, отойти от официозной советской науки, «теоретиков» советского градостроительства, которые своими измышлениями и непрофессионализмом во многом способствовали кризису российского города. Эти попытки сойти с хорошо накатанной десятилетиями урбанистической колеи, по которой направлялось и мышление казенных профессоров-«патриотов»,

¹См.: Проблемы современной урбанизации / Предисловие И.П. Герасимова / Под ред. Ю.Л. Пивоварова. М.: Статистика, 1972. 238 с.

²См. мгновенно появившуюся и весьма характерную в этом отношении рецензию В.В. Покшишевского (Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1972. № 6). Ее Вадиму Вячеславовичу предложил написать А.А. Минц. И вдруг он вскоре мне с удивлением говорит: «Ты посмотри, что он написал!»

³См., напр., сборники: Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970; Географические аспекты урбанизации. М., 1971; Проблемы урбанизации в СССР. М., 1971; Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. М., 1972.

и деятельность большинства градостроителей в советский период, сразу встретили резкое, порой далеко выходящее за рамки научных дискуссий неприятие. Сказанное затрудняло работу в 70–80-х годах. Насколько это мешало, я смог понять только в 90-х, когда прекратился идеологический пресс, и как-то сразу демагогия и спекулятивные домыслы в георбанистике исчезли как дурной сон.

Золотым семилетием в Институте географии АН СССР стали годы 1973–1979, а серебряным восьмилетием – 1994–2001 годы в Институте географии и в Московском городском педагогическом университете (с 1996 года).

В 1973–1979 годах в основном сложилось и было широко освещено в печати (в том числе и в зарубежной) нетривиальное понимание сущности, закономерностей, особенностей и перспектив урбанизации в мире и в СССР, заметно расходившееся с официальным и догматизированным марксистским. Оно было изложено в монографии «Современная урбанизация» и в трех десятках статей (см. прилож. II). Одновременно при моем участии в качестве редактора и соредактора вышел ряд сборников и книг, среди них «Урбанизация мира» (Вопросы географии. Сб. 96. 1974), «Ресурсы, среда, расселение» (памяти А.А. Минца, 1974), «География населения» Анджея Ягельского (пер. с польского, 1980), которые также отчасти «работали» на трактовку урбанизации, отличную от привычной. Недовольство всем этим росло, и появилась критика, для того времени очень неприятная, вроде такой: «В последнее время появились отдельные высказывания, будто бы у нас осуществляется «курс на сдерживание роста крупных городов, а не на их ограничение» (Ю.Л. Пивоваров). Этим самым ставится под сомнение эффективность всей предыдущей ограничительной политики. Названный курс представляет собой прямое извращение ясных и точных формулировок на этот счет, имеющихся в Директивах XXIII и XXIV съездов КПСС, и ничего общего

с научной постановкой проблемы не имеет»¹. Сегодня все это не может вызвать ничего, кроме улыбки, но даже импонирует автору, а тогда было совсем не до смеха. По-моему, это – классический пример софистики, потому что различия между понятиями «сдерживание» и «ограничение» не столь велики, чтобы метать молнии². Бороться с такими «учеными» аргументами было трудно, но все-таки оказалось возможным. Когда появилась очередная статья трех авторов против «ультраурбанистов» и «аглоцентристов»³ (под ними подразумевались Г.М. Лаппо, Ю.Л. Пивоваров, П.М. Полян), нас поддержало научное сообщество. Обсуждение статьи состоялось 30 марта 1983 года в Московском филиале Географического общества СССР на совместном заседании семинара по урбанизации МФ ГО СССР и Центральной секции социологии городского и регионального развития Советской социологической ассоциации (присутствовало необычайно много – 120 человек). Большинство из 14 выступавших подчеркнули свое неприятие этой статьи – научное, политическое, этическое и осудили подмену научной дискуссии навешиванием ярлыков. Особенно резко высказались против таких приемов А.С. Ахизер, А.Г. Вишневский, В.В. Владимиров, Л.Б. Коган, А.В. Кочетков, О.С. Пчелинцев, О.И. Шкаратан⁴. Главный итог обсуждения – нападки сразу прекратились, да и приближалась эпоха «перестройки».

После ознакомления с «Современной урбанизацией» Ю.Г. Саушкин, повторим еще раз, в письме меня очень поддержал и высказал мнение, что это – докторская диссертация

¹Хорев Б.С. Проблемы городов. М.: Мысль, 1975. С. 17.

²См. Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1969. С. 305, 483.

³Агафонов Н.Т., Лавров С.Б., Хорев Б.С. О некоторых ошибочных концепциях в урбанистике // Известия Всесоюзного географического общества. 1982. № 6.

⁴См. подробнее: Лола А.М. Актуальные проблемы урбанизации и расселения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1984. № 3. С. 107–114.

ция, надо только добавить раздел об управлении процессом урбанизации. Но так думали, конечно, не все и не только недоброжелатели вне, но и внутри института. Начался весьма затянувшийся процесс «доработки», «хождения по мукам». Г.М. Лаппо сначала заставил меня отказаться от гонорара за книгу как плановую докторскую диссертацию (и тем самым практически расстроил мое сотрудничество с издательством «Статистика», где за десятилетие у меня вышли 3 книги). Помню удивленное выражение лица зам. директора профессора С.В. Зона (1896–2002), когда вынужден был у него подписать письмо о том, что книга «Современная урбанизация» плановая, а поэтому гонорар автору не выплачивается. А потом всячески стремился задержать и саму защиту. Для этого придумывались смехотворные варианты «доработки», вроде дополнения диссертации анализом интеграции систем расселения СССР и других социалистических стран (что заведомо было невозможно, поскольку этот процесс реально был выражен крайне слабо). Прошло почти десятилетие (!), меня выручили нужные люди, которые выстроились в очередь защищать диссертации без диссертации («по совокупности»). Держать готовую работу даже большим умельцам стало трудно; так только в 1988 году, под 60, защитил докторскую, посвященную пространственной эволюции урбанизации в социалистических странах Европы. Такова была «железная Лаппа» реального социализма!

Отмечу два отрадных явления на дорогах геоурбанистики в 70–80-х годах. Первое – это семинар по урбанизации МФ ГО СССР (1969–1995), который возник по инициативе и под руководством И. М. Маергойза; после его кончины (1975) семинаром руководил Г.М. Лаппо (до 1986 года), а затем я. С самого начала семинар приобрел комплексный междисциплинарный характер и много дал мне (как, думаю, и другим его постоянным участникам) для работы. Широко привлекая социологов, демографов, градостроителей и

представителей других дисциплин, мы пытались выделить собственное поле географического изучения урбанизации, прежде всего закономерности и особенности ее развития на глобальном, региональном и локальном уровнях и в странах разного типа. Члены семинара широко участвовали во многих научных конференциях у нас и за рубежом, регулярно публиковали результаты исследований. К сожалению, в 90-х годах работа семинара закончилась. Последнее заседание (1995), как и первое, было тесно связано с именем И.М. Маергойза. Оно было посвящено 20-летию

Профессор
Казимеж Дзевоньский

со дня его кончины. Я вел это заседание, во вступительном слове напомнил основные направления творчества Учителя, тепло вспоминали его ученики разных поколений. Заседание прошло в торжественно-траурной, незабываемой атмосфере¹.

Другое событие – это советско-польский семинар по географическим проблемам урбанизации (1971–1989). Он попеременно собирался в СССР и в Польше, обычно через 2–3 года, и позволил ближе познакомиться с одной из наиболее интересных географических школ по изучению города, расселения и урбанизации во главе с крупным ученым и очаровательным человеком профессором К. Дзевоньским

¹См. подробнее: *Пивоваров Ю.Л.* Творчество ученого и современные проблемы экономической географии // Известия РАН. Сер. Географическая. 1995. № 6.

(1910, г. Иваново – 1994, г. Варшава). Регулярное участие в научных встречах дало возможность, помимо многократного посещения Польши, опубликовать там свои работы и обрести друзей, таких как Марек Ерчиньский, Анджей Гавришевский, Анджей Ягельский.

Всего за 18 лет состоялось семь советско-польских семинаров по урбанизации. Первый из них проходил в мае-июле 1971 года в Варшаве и заложил основы для многолетнего сотрудничества (его прервали события политического характера – развал СССР и др.). На семинарах заслушивались и обсуждались тексты докладов, которые обычно предварительно издавались в виде сборников. Непременными были географические экскурсии, имевшие целью ознакомление с интересными городами и районами СССР и Польши.

Второй состоялся в Москве и Ленинграде с поездками в Пушкино и Новгород (1974), третий – в Торуне (1977) с посещением Гданьска, четвертый – в Киеве с экскурсиями в Черновцы и Львов (1979). Все семинары были очень содержательными и впечатляющими. Но, пожалуй, больше всего запомнились три последние: в Неборове, в поместье Радзивиллов недалеко от Варшавы с поездкой в Лодзь и Краков (1982), в Тбилиси с посещением Алазанской долины (1986) и в Карпаче, в предгорьях Судет (южнее Вроцлава) осенью 1989 года.

Правда, иногда мне казалось, что польские коллеги не до конца с нами искренни. А как могло быть иначе? Ведь весь мир знал о расстреле в 1940 г. НКВД СССР (в Катыне под Смоленском) цвета польского общества, несмотря на то, что Советское правительство всеми силами отрицало тогда этот факт. А как-то гуляя с нами (моей женой и мною) по городу, после моей лекции на геофаке, Михаил Юрьевич – тоже выпускник геофака МГУ, только значительно моложе меня, сказал, глядя на мрачное здание в центре Смоленска: «В его подвалах в 1940 г. расстреливали польских офицеров». Что еще можно сказать?!

В целом же 80-е годы были для меня периодом спада. Много времени и сил ушло зря на «улучшение» (об этом уже упоминалось) и защиту диссертации. И тогда нередко казалось, что мои научные результаты близки к завершению. Особенно в самом начале 90-х годов, когда вслед за распадом СССР начался развал всего и вся, и жизнь, как потом выяснилось, надолго стала трудной и тревожной.

Но это было совсем не так!

2. «Второе дыхание»

В преддверье и после распада СССР положение в стране стало неустойчивым и неопределенным. В огне начавшихся реформ сгорели основные сбережения населения, каждый из нас (в виде насмешки) получил сертификат на 25 рублей от раздела многомиллиардной государственной собственности, полки магазинов были пусты, инфляция – очень высокой. Когда понадобилось жене слегка подремонтировать зубы, это обошлось всего в 3 млн рублей. Нередко от общего хаоса и всяких мелких неожиданностей, например, расстрела Белого дома в октябре 1993 года, становилось страшно. И теперь видно, что эти страхи были не напрасны. «Поднималась с колен» не Россия, а силы еще более грозные, чем коммунисты.

Правда, последнее десятилетие XX века было в чем-то и обнадеживающим. Довольно скоро стало проявляться облегчение от завершения затянувшегося более чем на 70 лет большого социального эксперимента (иногда теперь известного как «Советский проект») и развала тоталитарной системы. В конце 1991 года впервые (это в 62 года!) мне удалось наконец-то преодолеть «железный занавес». За несколько лет я побывал в Люксембурге, Франции, Бельгии, Германии (помимо Чехии, Словакии, Польши) на крупных международных конференциях и с лекциями в университетах Парижа, Гавра, Праги, Братиславы, Торуня. В эти сложные годы большую поддержку (не только финансовую, но и

моральную, мировоззренческую) оказал мне Фонд Сороса. Когда родное государство нас буквально «кинуло», Джордж Сорос протянул руку помощи и поднял на ноги: несколько его грантов позволили продолжать заниматься делом, а не бегать за гроши для заработка¹. Но главное – пришло ни с чем не сравнимое ощущение свободы творчества, о которой все мы еще совсем недавно и не подозревали, что такое может быть. Как-то само собой вся эта софистика для сведения личных счетов или защита незрелых домыслов (называемая почему-то марксизмом) канули в Лету. Можно было писать книги и читать лекции так, как ты представляешь то или иное явление – ведь пустые «теоретические» упражнения, вся эта демагогия «марксистов» как-то сразу ушли в небытие, как и страна, где все это было возможно. Вдруг оказалось, что свобода думать, не оглядываясь по сторонам, также реальна, как Париж или Люксембург. Совсем недавно они представлялись только пунсонами на географических картах или в лучшем случае – художественным вымыслом Э. Хемингуэя, который, как теперь выяснилось, сумел очень точно передать образ Парижа: праздник, который всегда с тобой!

Именно с раскрепощением мысли, думаю, надо связывать наиболее интересный и плодотворный период продвижения по дорогам геоурбанистики. Иногда мне кажется, что за 6–8 лет, начавшихся с 65-летнего рубежа (из Парижа я вернулся 9 апреля 1994 года), после которого профессор на Западе уходит на пенсию (и вообще-то это правильно), я в научном плане сделал не меньше, чем за предшествующие 40 с лишним советских лет! Можно лишь пожалеть себя,

¹Правда, к концу 90-х годов чиновники просто «прогнали» Д. Сороса из России как «чуждого интересам страны». Просто увидев, что его деньги в значительной мере воруют чиновники Фонда, Д. Сорос стал переводить их непосредственно на имя стипендиатов. Помню, как в середине 90-х годов получил довольно значительную для меня тогда сумму, отправленную из Нью-Йорка на мое имя в один из банков Москвы.

а заодно и родное государство, которое во всем так расточительно.

После Парижа весной и летом 1994 года у меня как-то быстро и четко оформились две долго бродившие в ходе многолетнего изучения урбанизации идеи: о первостепенной важности антропокультурной основы этого многогранного процесса (в противовес материально-производственной базе, согласно ортодоксальному марксизму) и о сжати во второй половине XX века «экономической ойкумены» СССР (вопреки длительным и безуспешным попыткам более равномерного освоения огромных просторов). С реализацией этих двух идей связаны основные публикации с 1995 года (см. прилож. 2).

Эти идеи позволили во многом по-новому оценить итоги урбанизации России в XX веке, приблизить широко бытовавшие длительное время «патриотические» представления к суровой реальности. Главное здесь сводится к тому, что за минувшее столетие урбанизации в России не удалось преодолеть сопротивление ни пространства, ни времени¹. В этом отношении осуществлен определенный прорыв в осмыслении и трактовке реального развития урбанизации в нашей стране. Нам удалось несколько иначе, чем ранее в советской литературе, осмыслить урбанизацию СССР/России как антропокультурный процесс. Этот подход, может и под другим названием, давно использовался за «железным занавесом». Мы же, получая синяки и шишки, вынуждены были «воевать» с географами-почвенниками, любителями догматизированного марксизма и прочими «патриотами», чтобы доказать, что Земля поката и в России.

Мысль о сжати «экономической ойкумены», по иронии судьбы, пришла как раз тогда, когда начало меняться направ-

¹См. подробнее: *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность.* 2001. № 6.

ление территориального развития России. В советский период отчетливо продолжалась, несмотря на неоднократные правительственные запреты, концентрация капиталовложений в Европейской части СССР. Но в постсоветский период положение изменилось. Развитие «дикого капитализма» резко усилило эксплуатацию природных ресурсов, особенно нефтегазового сырья. Доля государственных инвестиций в освоение территории значительно уменьшилась, а долгосрочные капиталовложения в разработку сырья, в первую очередь месторождений нефти и газа, пошли из других (отечественных и зарубежных) источников. И концепция «сжатия» пространства в новых условиях потеряла свою актуальность¹. Однако потом эта концепция вновь оказалась на слуху. Например, альтернативе масштабной иммиграции населения в Россию может стать сжатие ее населенного пространства до юго-запада Европейской части страны².

Интересным было участие в ежегодных сессиях Совета по региональным системам РАН (потом он изменил свое название на более модное: экономико-географическая секция Международной академии регионального развития и сотрудничества). Его организовал еще в 1983 году профессор, доктор экономических наук Марк Константинович Бандман, выпускник геофака 1949 года, профессионал очень высокого класса, прекрасный организатор и очень милый человек. Пока О.А. Кибальчич и Г.М. Лаппо определяли, кто из москвичей поедет на очередную сессию (в Нальчик, Ашхабад, Иркутск, Сыктывкар и др.), участвовать в работе Совета мне не довелось. И только когда подготовку ежегодных сессий

¹Это вовремя отметил со свойственной ему деликатностью Ю.Г. Липец. См.: Экология науки (вместо послесловия) // Вторые Сократические чтения (Плѣс, 26–29 мая 2001 г.). Сборник докладов / Под ред. В.А. Шупера. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 121–122.

²Зайончковская Ж.А. Россия: масштабная иммиграция неизбежна // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. С. 687.

взял на себя Ю.Г. Липец, я начал регулярно бывать на них. Первой для меня стала сессия в г. Валдай весной 1994 года, затем – в Ярославле, Воронеже, Смоленске, Рязани, Одессе.

На Оке у Касимова (во время работы Совета по региональным системам).
Слева направо: М.П. Крылов, В.А. Пуляркин, А.И. Чистобаев,
В.Н. Бугроменко, Ю.Л. Пивоваров. Рязань. 2000 г.

В противостоянии с ближайшим начальством приходилось иногда сыграть жестко, не по правилам. Так, осенью 1983 года Ж.А. Зайончковская и П.М. Полян собирались на две недели в экспедицию в Дагестан и приглашали меня. Г.М. Лаппо отсутствовал, а я его замещал (и не был уверен, что мне он командировку подпишет). По совету умной Жанны я сам послал себя в командировку (потом начальник, конечно, ворчал). И увидел г. Махачкалу, Каспийское море, дикие горы Дагестана, совсем лишенные растительности, аул Гуниб, связанный с именем Шамиля и многолетней Кавказской войной в XIX веке, г. Дербент. Вот так приходилось жить в реальном социализме. Но опять-таки Дагестан стоил мессы...

После Парижа с его свежим, бодрящим воздухом, какой-то особой аурой, действительно появилось «второе дыхание», хотелось еще что-то сделать. Конечно, активность населения, его культура и образование давно стали наиболее важными факторами развития. Об этом писал еще в 1861 году английский географ и социолог Генри Бокль. А у нас «осмелился» одним из первых Ю.А. Левада со своими сотрудниками 100 лет спустя¹.

А в конце XX века А. С. Ахиезер создал первую немарксистскую концепцию, основанную на анализе огромного фактического материала и подтверждающую увеличение роли человека и его деятельности в историческом процессе (об этом подробнее см. ниже).

Но географы-конформисты и ортодоксы, конечно, придерживались другого мнения. Ведь по качеству населения Россия не выдерживает никакого сравнения с развитыми странами. Ее рейтинг в мире позорно низкий по многим основным индексам. Так, по широко используемому, разработанному экспертами ООН индексу развития человеческого потенциала Россия занимала в 1999 году только 74-е место (из 174 стран), уступая Ливии, Таиланду, Румынии, Ливану и немного опережая Эквадор, Македонию и Латвию. А по качеству жизни населения (2004) – 105-е место (из 111 стран)².

По складу характера я всегда предпочитал трудиться самостоятельно, не приемлю коллективные, «колхозные» методы в научной работе (где равнение направлено на отстающего, как говорил в свое время А.А. Минц). Вместе с тем, довольно давно обнаружил склонность и интерес к научному редактированию тематических сборников и книг. На-

¹См.: Долгий В.М., Левада Ю.А., Левинсон Д.Г. Урбанизация как социокультурный процесс // Урбанизация мира (Вопросы географии № 96). М.: Мысль, 1974. С. 19–31.

²См.: Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация. Нальчик, 2007. С. 54–55.

ибо более удачными работами в этом жанре считаю сборники первой половины 70-х годов: «Проблемы современной урбанизации» (1972), «Урбанизация мира» (1974), «Ресурсы, среда, расселение» (1974) и переводов на русский язык книг известных польских географов А. Марианьского «Современные миграции населения» (1969) и А. Ягельского «География населения» (1980). Все эти издания почти «укладываются» в золотое семилетие и готовились к публикации по моей инициативе, иногда с участием коллег. А «плановые» институтские коллективные работы получались у меня заметно хуже, поэтому я их избегал.

В этом, очевидно, сказывалась нелюбовь к официальной науке, казенным профессорам, многочисленным чиновникам и начальникам, которые густо облепили академическую (не говоря уже об отраслевой) науку, нанося ей огромный вред. И всегда не любил пустые, длинные обсуждения коллективных работ, обычно неискренние и бесполезные, обеспечивающие иногда коллективную безопасность безделью и крайне слабому уровню сочинительства (как это было в отделе стран народной демократии). Всегда в этом плане у меня вызывали усмешку потуги казенных профессоров поддерживать заведомо несостоятельные и вредные для страны (но политически «звучные») затеи вроде Генеральной схемы расселения на территории СССР, Единой системы расселения и т.д. И потому что в свое время не было должной оценки этим дорогостоящим упражнениям группы чиновников и иже с ними, опять сочинялась очередная Генеральная схема расселения на территории России. Это все как было с освоением целины или со строительством БАМа и многими другими широковещательными программами: чиновники получали чины и деньги, а страна – огромные убытки.

Иные нравы появились и в институте. Постепенно, особенно с 80-х годов, усиливается замещение высоких нрав-

ственных ориентиров, меняется сама аура, ощущение комфортности, которые были в эпоху отцов-основателей. Видимо, в институте в миниатюре, как в осуществлении космических программ, биологические возможности человека не поспевали за прогрессом техники, создаваемой в пост-индустриальную эпоху. Отсюда катастрофы.

Лаборатории и экспедиции стали гораздо лучше оснащаться. Сама география экспедиций теперь была совсем иной (чего стоят исследования Антарктиды и Мирового океана). Увеличились востребованность географических исследований, возможности издавать их результаты, пользоваться различными финансовыми фондами, огромной (по сравнению с недавним прошлым) информационной базой, Интернетом. А человек нового поколения сначала растерялся перед открывшимися еще в конце эпохи реального социализма новыми возможностями, а потом принял их, кто как мог, использовать. Тут уж многим (но не всем, конечно!) было не до политеса, звало дело, перераставшее иногда в делячество, невиданные ранее коммерческие дали завораживали. Поэтому не появлялись новые Дон-Кихоты науки, ее романтики, такие как Дмитрий Викторович Панфилов, автор ряда оригинальных теорий и нового направления в биогеографии – географии экосистем¹. В общем, климат в институте менялся, но не в сторону потепления, как на нашей планете. Развелось много докторов, «человек» начинался с заведующего чем-нибудь, его профессиональные качества становились его личным делом. Это как давно уже на геофаке МГУ, где «человек» начинался с профессора.

А иначе как объяснить, например, этот эпизод? Весной 1991 года стою на 2-м этаже у доски приказов. Отхожу от нее и рядом вижу двух докторов, фронтовиков с несколько-

¹См.: Последний романтик науки Д.В. Панфилов (1923–1995): Естественный философ и натурфилософ / Ред.-сост. А.А. Тишков, В.Ю. Масляков. М., 1998. 120 с.

ми ранениями, хорошо известных авторов – оба в возбужденном недоумении. Спрашиваю, в чем дело. Оказывается, только сейчас они увидели на доске объявлений приказ о своем увольнении из института. Никто с ними даже не говорил до этого. А ведь можно было не только поговорить в дирекции, но хотя бы объявить благодарность, а то еще больше – чем-то наградить! Ведь Георгий Николаевич Витвицкий (1917–1995) проработал в институте 42 года, был уникальным специалистом по климатам зарубежных стран, зональности климата Земли. А Борис Иванович Втюрин проработал в институте только 22 года, но даже был последние годы зав. лабораторией. Однако все это, как и участие в двух экспедициях в Антарктику, успешные исследования подземных льдов, 3 ордена, не спасло от черствости дирекции. «Человека забыли!» – писал в свое время о сути экономической географии Н.Н. Баранский. Тогда он, конечно, не мог и предполагать, что в будущем это может относиться и к дирекции Института географии АН СССР. Но человека в институте еще как забыли!

Вот к этой же теме. Татьяна Григорьевна Рунова – русская, партийная (была членом партбюро института), ее фото все время – на Доске почета (лучшие люди института), пусть и находилась эта доска в опасной близости от туалета. Татьяна Григорьевна – из вологодских – не только с окающим акцентом, но женщина твердая, принципиальная, честная, прямая. Опытный, состоявшийся специалист по оценке и использованию природных ресурсов, автор трех монографий, трех учебных пособий для университета. Она сформировала научные основы географии природопользования, много лет участвовала и координировала международные исследования по оценке природных ресурсов в рамках обширной программы Совета экономической взаимопомощи. Татьяна не только очаровательная женщина в своей северной красе, но и заботливая жена, мать и бабушка. Одним словом – все

при ней. И вдруг, в 58 лет, полная сил, покидает наш институт не по своей воле. Даже не решился спросить у нее, что случилось. И потом Татьяна Григорьевна успешно работала еще целых 15 лет доцентом Московского государственного индустриального университета. Почему такое «бережное» отношение к сотрудникам с большим творческим потенциалом? Это при толпе пустомель и «кипучих бездельников».

А вот Юрий Владимирович Медведков (р. 1928) – один из наиболее видных экономгеографов нашего поколения и инициатор математизации социально-экономической географии в нашей стране. Возглавив в 1970 году Лабораторию экологии Всемирной организации здравоохранения в Женеве, объездил полмира, был Генеральным секретарем XXIII Международного географического конгресса в Москве (1976). В 1975 году Юрий Владимирович организовал лабораторию экологии человека в институте, занявшуюся изучением взаимоотношения человека с городской средой. Работа с Ю.В. Медведковым была праздником науки, а еженедельные семинары – наиболее массовыми мероприятиями этого праздника¹. В начале 80-х годов, после подачи заявления на выезд в США, Юрий Владимирович подвергся остракизму, а лаборатория была закрыта. КГБ начало делать ему всякие «мелкие» пакости. На остановке его толкнул «искусствовед в штатском». Получив сдачу, он подозревал милиционера (который уже стоял наготове), и за «хулиганство» Юрий Владимирович получил 15 суток (Вам это ничего не напоминает спустя 30 лет? Как же, Борис Немцов 31 декабря 2010 года!). А сотрудников отдела, как стадо баранов, погнали в советский суд, чтобы мы еще раз убедились, что среди нас долгие годы работал «злостный хулиган». Это надо знать, какой Юрий Владимирович интеллигентный человек, мягкий

¹Так оценивают работу лаборатории ее бывшие сотрудники. См.: Веденин Ю.А., Шупер В.А. Лаборатория экологии человека // Институт географии и его люди. М., 2008. С. 511–512.

и деликатный, чтобы придумать такое! Вот он – реальный социализм. Другой раз Медведковы ехали на своих «Жигулях» по Ленинскому проспекту. Вдруг отлетело одно колесо. За рулем была жена, она сумела удержать руль. А мимо пронеслись знакомые кэзбэшники, ежедневно дежурившие у их дома, смеясь: «Следующий раз сделаем все как надо!» Но это бойцы «невидимого фронта». Понятно.

Но ведь элита советской науки, сосредоточенная в Академии наук, должна все-таки чем-то отличаться от тайной полиции? Ан нет! Поэтому зав. отделом возмущенно вещала, что «они мне разлагают отдел», и перенесла посещение Медведковых на те дни, когда по графику в отделе почти никого не было. А нормальные сотрудники отдела, как всегда, пили чай с Ольгой Медведковой и иногда дивились ее рассказам о свободном мире. Так «патриоты» до мозга костей, которые еще начинали работать в эпоху расцвета института, забывали постепенно и про рыцарей светлого образа, и про последних романтиков, да и просто о своем реноме. Хотя они еще застали в институте героев Сервантеса и Байрона, их теперь тянуло больше к единомыслию казармы (мне даже вспомнились любимые персонажи НРКЧ начала 50-х годов).

Все это вело к деградации «тяжеловесов», появлению «новых ученых», замене нравственных норм отцов-основателей института элементарным делячеством, коммерциализацией науки. Ширятся ряды «организаторов» науки, эффективных менеджеров, а то и откровенных коммерсантов. Конечно, это отражает общее одичание социума в «стабильные нулевые». И снова становится не по себе!

3. Бег времени и связь времен

Время скоротечно, и ничего с этим поделать нельзя! Оно уходит вместе с нами, с возрастом – все быстрее. А картины жизни стремительно сменяются.

Вот еще «позавчера» нас выстраивали в небольшом дворике напротив новой школы № 43 (1936 г.). В нашем классе

училась первая в моей жизни девочка, которая нравилась (Нина Цагикян), ее двоюродный брат, уже тогда серьезный Юра Газарян, веселый всегда Эдик Шлифер, почти лысая (?) Марина Лебедева. А самым неразлучным товарищем был Юра Ефимов, впоследствии видный адвокат. Затем – из объятой Гражданской войной Испании к нам приехала испанская детвора (у нас на геофаке МГУ тоже были эти испанские «дети»); а за ними – вкусные испанские мандарины, каждый обернут в красивую бумажку. И как мы радовались каждому из них (много лет спустя, в Берлине, наоборот, меня обидело, когда в подарок к Новому году от фирмы мне дали два прыщавых мандарина и еще что-то в этом же духе). А наш тихий московский дворик, где мы играли в лапту? Сарай в нем были аж двухэтажные, мы любили греться на солнышке, на лестнице, ведущей на второй этаж. Однажды весной 1940 года, во двор, улыбаясь, вошел папа и позвал: «Юра, иди скорей! На родительском собрании мне для тебя за хорошую успеваемость дали очень интересную книгу.». И показал мне ее – «Синопа – маленький индеец» с интересными картинками. В наш дворик часто заходили старьевщики, точильщики с огромными колесами на плечах, молочницы. Словом, жизнь в нем кипела.

А затем эвакуация - голодные и холодные годы, когда мы жались к печке где-то в глубине Сибири, а сегодня находимся, как писали в далеком 1945 г., в «логове фашистского зверя», в чистом, зеленом и красивом европейском городе.

И, пожалуй, среди немногого, что помогает замедлить бег времени – осознание связи поколений, связи опыта и идей предшественников с современным и будущим развитием. С этой точки зрения представляют интерес не только живые свидетельства, как работали и шли по дорогам жизни предшественники особенно в нашей профессии, но и сумма основных идей и гипотез, которые они разрабатывали.

В советской экономической географии следует прежде всего выделить три школы, которые определили главные

вехи ее развития: районная школа Н.Н. Баранского, школа И.А. Витвера по изучению зарубежных стран и школа И.М. Маергойза по исследованию прежде всего географического положения и территориальных структур стран и районов современного мира. Эти школы характеризуют наибольшие достижения советской экономической географии, ее особенность, искания и результаты. Вместе с тем, они показывают «связь времен» – этой тяжелой цепью, которую несли на своих плечах такие гиганты науки – Н.Н. Баранский, И.А. Витвер, И.М. Маергойз. Эти школы дают множество примеров связи времен. Возьмем только один, нам наиболее близкий, пример. Изучение городов и урбанизации характерно для всех советских школ. А они в этом опирались на достижения предшественников, таких, как Д.Н. Анучин и В.П. Семенов-Тянь-Шанский¹.

Можно привести тысячи примеров этой связи времен, характерных и для наиболее заметных исследований в социальной географии.

Хорошо известна публикация Н. Зубаревич о так называемой центрo-периферийной модели в современной России. В соответствии с этой концепцией Россия распадается на четыре России, каждая из которых имеет свой уровень и свою скорость социальной модернизации:

1) города-миллионеры и города с населением свыше 500 тысяч с наиболее активным, модернизированным населением; в них преобладают ценности постиндустриального общества;

2) полупериферия и менее крупные и средние города, где преобладают «советские» ценности;

¹См. подробнее: Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. М., 1980; Лаппо Г.М., Петров Н.В. Геоурбанистика в СССР: основные достижения, направления исследований. Препринт. М., 1986; Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация. Нальчик, 2007.

3) периферия – малые города и сельская местность – с традиционалистским, пассивным, склонным к патернализму населением;

4) население республик Северного Кавказа, Тывы и Алтая, для которых характерна высокая степень традиционализма и архаики¹.

Эта интересная концепция содержит многие вопросы развития нашей страны в период системного кризиса и серьезного замедления развития. Но они выходят за рамки нашего анализа. Для нас важно другое – концепция указывает на связь того, что еще предстоит изучать, с тем, что изучалось ранее. Конечно, раньше, в рамках возможного, изучалось во многом то же самое². Только сейчас эти возможности заметно увеличились. Ведь при коммунистической диктатуре исповедовали по сути «единую и неделимую Русь», страна пестрела лозунгами типа «Единство партии и народа – источник силы СССР», «Да здравствует единый СССР – оплот мира» и еще Бог знает что. Конечно, писать тогда о четырех Россиях никому и в голову не могло прийти, хотя все хорошо знали, что жизнь, система предпочтений, уровень жизни и т.д. в больших и малых городах весьма различны. Единственное, о чем можно было писать – это о городах разных типов, о связи города с окружением («города выходят из своих границ») и о характеристике отдельных городов. И независимо от того, осознанно или нет, автор концепции четырех России безусловно опирался на большую географическую и градостроительную литературу недавнего прошлого. Такова в данном случае связь времен. И может быть, она замедляет бег времени. Кто это знает?

¹См. подробнее: Новая газета. 2014. № 144, 22 дек. С. 12–13; № 145, 24 дек. С. 7–8.

²См., например: Саушкин Ю.Г. Москва. Географическая характеристика. М.: Географгиз, 1964; Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города. М.: Статистика, 1968; Пути развития малых и средних городов Центральных экономических районов СССР. М.: Наука, 1967.

4. Некоторые размышления (вместо итогов)

В молодости, среднем возрасте, а иногда и позже мы все амбициозны, и это мешает объективной оценке того, что можно было сделать и что сделано. Сделано, увы, не так много, как казалось раньше, особенно в годы критики моих сочинений, порой жесткой, о которой частично говорилось выше.

Не будем анализировать и причины сказанного. Только еще раз напомним, что все мы работали в условиях «второй реальности», а в действительности испытывали жесткий идеологический пресс, трудности с поиском актуальной тематики и т. д. Талантливые, но не укладывающиеся в рамки советской версии марксизма-ленинизма работы, часто не только скрывались от зоркого глаза КГБ, но и сжигались авторами из-за боязни кары. Конечно, все жили в одинаковых условиях, а результаты разные, потому что способности и сложившиеся условия жизни у всех свои. Но, думаю, реальные результаты каждого были меньшими в условиях коммунистической диктатуры, чем могли бы быть в нормальной стране.

В свое время в Географгизе издавался Географический календарь «Земля и люди», и в 1960 году по просьбе редакции я написал для него заметку о сотрудничестве социалистических стран. На стадии верстки увидел, что в небольшую по объему заметку редактор вставил две огромные цитаты Н.С. Хрущева. Я возмутился, а мне спокойно в ответ: «Иначе статья не пойдет!» Или, например, Центр народонаселения экономического факультета МГУ в поисках актуальной тематики изобрел, как я уже упоминал, мифический «социалистический закон народонаселения» и долго этим пробавлялся, громил Мальтуса, который в модифицированной форме еще в 1802 году предвидел проблемы, связанные с быстрым ростом населения планеты (в 1826 году он был не зря избран иностранным почетным членом Петербургской академии

наук). Центр занимался и рядом других «актуальных» тем, образованных путем «скрещивания» демографии с политэкономией социализма. Но этим его тематика, конечно, не исчерпывалась. Были и интересные результаты.

Но особенно нельзя не сказать об истории подготовки Александром Самойловичем Ахиезером фундаментальной монографии, содержащей разработку научной теории общественного развития России (о ней будет еще ниже). В 1982 году произошла катастрофа. В результате обыска у одного из знакомых был изъят полный машинописный экземпляр его рукописи (более 1000 страниц через один интервал) с изложением огромного фактического материала для обоснования этой теории. Безумные ночь и день ходил по городу с сохранившимся экземпляром и не знал, у кого спрятать. Боясь кары, автор рукописи сжег ее – сгорело все, и самое страшное – весь огромный справочный аппарат, указание на сотни источников, страниц, все сноски. Учитывая размеры рукописи – потеря, которую, несмотря на последующий каторжный труд, до конца восполнить так и не удалось. А все-таки книга, посвященная критике исторического опыта России, анализу и осмыслению специфики развития российского общества, вышла¹.

Вот какой был климат в то время, когда на меня стали появляться, мягко говоря, критические рецензии (а не мягко – доносы) с навешиванием ярлыков, как об этом упоминалось. И вот теперь, по прошествии многих десятилетий, думаю о том времени, естественно, иначе, чем тогда. Конечно, это, как говорят в футболе, была «грязная» игра, но все-таки в мяч, а не в игрока, не «в кость». Главное – ноги остались целы, и потом некоторые авторы, как стало извес-

¹См. подробнее: *Матвеева С.Я.* Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // А.С. Ахиезер. Россия: критика исторического опыта. 2-е изд., перер. и доп. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 5–41.

тно, жалели о своих нападках. А возвращаясь в конце 80-х годов из Вильнюса после очередной конференции, мы оказались в одном двухместном купе с Борисом Сергеевичем Хоревым (1932–2006), выпускником геофака 1955 года. Давно не виделись. Сначала пожаловались друг другу на крепкий кофе, которым нас везде и всюду поили литовцы, оба чувствовали высокое давление (оба гипертоники). А потом как-то вспомнили Фазиля Искандера:

Товарищ бывалый,
Ты жив? Это чудо!
Содвинем бокалы!
Расширим сосуды!

Я достал бутылку коньяка, и, хотя закуски не было никакой (даже у проводника), мы содержательно обсудили разные разности. Потом Борис достал большую бутылку немецкого шнапса, которую ему кто-то презентовал из ГДР, и мы продолжали беседу почти до утра, столько накопилось интересных тем за эти годы. Вопрос «разночтений» в изучении города и урбанизации был исчерпан.

Но были и другие игроки, которые били не по мячу, а по ногам, в науке таких умельцев «костоломов», как и в футболе, немало. Они держали и не пущали, любили демагогию, партийные лозунги – в общем, настоящие члены... между ног.

Я был единственным, который и после защиты докторской диссертации не вошел в специализированный совет по присуждению ученых степеней по экономической географии. Меня никогда не брали до распада СССР и пока орудовала КПСС на интересные конференции даже в стране, не говоря о загранице (исключение – Польша, где проходили семинары по урбанизации, о которых я уже упоминал).

За 50 лет (1951–2001) мною опубликовано 250 работ, в том числе 8 книг (см. прилож. 2). В количественном отношении

это, наверное, близко к обычной норме и свидетельствует и о моем усердии, и об отношении к бумаготворчеству золотого медалиста выпуска 1946 года. Но, оглядываясь назад, думаю, что и при моем уровне способностей и подготовленности можно было бы сделать больше по существу. Этому помешал ряд обстоятельств. Очень важным для роста любого профессионала являются первые 5–7 лет после вуза, и то, что я эти годы находился фактически вне научной среды, сыграло свою роль. Сказалась, конечно, оторванность от мировой литературы из-за слабого знания английского и других иностранных языков (кроме чешского, но он был редко востребован). Также слишком поздно начались, да при том были редкими и короткими поездки за рубеж. В капиталистические страны я впервые попал в 62 года (на 4 дня на конференцию в Люксембурге), а в социалистические – когда уже фактически перестал ими заниматься (в 70–80-е годы) и тоже на неделю – две максимум).

Таким образом, как и большинство моих коллег, я вынужден был изучать зарубежные страны в полной изоляции от мировых научных процессов: информации, литературы, наконец, научной среды с разнообразием опыта коллег. А финансирование? Когда я уже в 1994 году был во Франции, то за месяц (норма профессора – 18 часов) получил 3500 долларов (а не 300–400 рублей). Ведь весь бюджет огромной Российской академии наук примерно равен бюджету одного среднего западного университета!¹ А эта академия объединяет около 300 научных учреждений.

Кроме того, я потерял много времени неразумно. Например, обосновывая понимание урбанизации как городского образа жизни, городского поведения. Это встретило в свое время не только сопротивление со стороны ряда урбанистов, но и прямое обвинение в отходе от марксизма (а что

¹Львовский А. Мы расшифруем все эти переплетения головного мозга // Новая газета. 2011. № 78. 22 июля. С. 19.

могло быть страшнее в те годы?). И это еще больше заставляло тратить время на доказательства шарообразности Земли.

А потом «вдруг» выяснилось, что на Западе это все давным-давно открыто. И даже попало в словарь общегеографических терминов (под ред. Л.Д. Стампа), вышедший в переводе на русский язык еще в 1975 году. То же самое было и при подготовке докторской диссертации: много времени ушло не на улучшение работы, а на преодоление упорства коллеги с бульдожьей хваткой. В результате написано восемь (!) вариантов автореферата, и я не уверен, что первый был хуже последнего. Все эти «развлечения» были возможны, конечно, только в условиях агонии коммунистической диктатуры.

На дорогах геоурбанистики в последние три десятилетия XX века мы, конечно, продвинулись вперед, но, увы, не достигли хотя бы первой, наиболее близкой, вершины. Ею, как представляется, была бы разработка географических основ учения об урбанизации. Мне удалось только обозначить некоторые пути их решения¹. Но разработать хотя бы в первом приближении учение об урбанизации, скажем мягко, не успел (а может быть, и не смог). И конечно, жаль, что мои многочисленные публикации по урбанизации (более 100 работ) не привели к осязаемому прорыву в этой области знания.

Видимо, неправильно было «примерять» напрямую к СССР представления о сущности и формах урбанизации, которые в свое время предложил американский географ французского происхождения Жан Готман (1961). Он выделил крупные мегалополисы на материалах Северо-Восточного побережья США, а потом и других ее районов. Его

¹Пивоваров Ю.Л. Географические основы учения об урбанизации: основные положения, поиски, пути решения // Известия РАН. Сер. Географическая. 1994. № 2. С. 62–73.

идеи были поддержаны рядом авторитетных урбанистов Запада, в том числе международным Центром экистики в Афинах в рамках программы «Город будущего» под руководством К. Доксиадиса и Д. Папаиоанну. Эти широко известные специалисты предполагали, что в XXI веке мегалополисы станут одной из основных форм расселения на земном шаре. Вслед за ними мы искали и «находили» аналоги американских мегалополисов в СССР, затем в других социалистических странах. Но к концу XX века «сошли со сцены» отцы-основатели концепции мегалополисов Ж. Готман и К. Доксиадис и поддерживавшие их крупные урбанисты. Они оставили многие вопросы перспектив расселения в мире следующему поколению, которое их пока не решило.

Мегалополисы не стали к концу XX века преобладающей формой расселения в мире, как предполагали Ж. Готман, К. Доксиадис и их многочисленные последователи. Поэтому взоры западных урбанистов (а за ними и наших исследователей) вновь обратились к крупным городам, только уже не как к центрам концентрации населения и производства, а как в первую очередь к резиденциям ведущих компаний деловых услуг (мировые или глобальные города).

Учитывая наш отрицательный опыт (а он, как известно, тоже результат), следует предостеречь новое поколение российских географов «наступать на те же грабли». Они снова идут вслед за западными учеными (Дж. Фридман, С. Сассен, П. Тейлор и др.), предлагающими мировые города, затем глобальные города и т.д. Примеряют эти «мундиры» к России. И не ждет ли следующее поколение урбанистов, с энтузиазмом и подробно пересказывающих сочинения Дж. Фридмана или С. Сассен, такое же разочарование, какое было у их предшественников, «поверивших» Ж. Готману и К. Доксиадису? Тем более что обе эти эмпирии – выделение глобальных городов или крупных мегало-

полисов (агломераций) – во многом ведь совпадают, особенно на верхних этажах (Нью-Йорк, Токио, Лондон и т.д.). А где же нечто большее, что не успели предшественники?

Если неудачный опыт с мегалополисами для СССР иногда объясняли формационными особенностями (капитализм-социализм), то теперь и в России капитализм. Однако, видимо, западные мерки и теперь вряд ли подойдут напрямую. Потому что очень велики не формационные, а цивилизационные различия. Россия сегодня никак не Запад, но она и не Восток. Видимо, Россия, как мы уже отмечали, согласно моему однофамильцу академику Ю.С. Пивоварову – Север. И поэтому надо учитывать ее цивилизационные особенности. Кроме того, урбанизация – это не рост городов (так учат в школе). Урбанизация – это, прежде всего, другой образ жизни, другая система ценностей и предпочтений, другие поведенческие стереотипы, разнообразие всего и вся в городе, а в более широком плане – другой взгляд на окружающий мир. И, думаю, все-таки долго придется ждать, даже отдавая должное прыти Абрамовича и К°, пока в Анадыре, на Колыме или даже в Якутске появятся резиденции ведущих транснациональных компаний.

Остается надеяться, что следующему поколению урбанистов-географов все-таки удастся разрешить многие вопросы из числа тех, на которые их предшественники не сумели или не успели дать ответа.

Изучение перспектив расселения идет очевидно по двум основным направлениям:

- развитие представлений о глобальном городе;
- развитие концепции эволюции систем расселения (город – агломерация – мегаполис – урбанизированная зона).

Оба эти направления весьма интересны. А, может быть, одно дополняет другое? И мы очень надеемся на молодое поколение, что вы узнаете все это. Знание тайн расселения потребует больших затрат времени и сил.

Об этих прописных истинах меня заставляет говорить еще раз ознакомление с работой Р.В. Дмитриева¹. Негоже вчерашнему студенту «проставлять отметки» географам и градостроителям, потратившим по полвека на изучение систем расселения и опорного каркаса расселения. А также выдавать по сути обзор (хороший, хотя далеко не полный) за теорию и методологию ОКР. Ведь еще Н.Н. Баранский более 70 лет назад учил нас, что методология должна давать новое знание. А что содержат экзерсисы Дмитриева? Да ничего! И вызывает удивление, что такие опытные рецензенты, как проф. Сдасюк Г.В. и проф. Слука Н.А. не заметили столь неприятных ошибок молодого «доцента».

Мы очень надеемся на следующие поколения урбанистов, и не ставьте, пожалуйста, эти надежды под сомнение с самого начала.

¹*Дмитриев Р.В.* Опорный каркас расселения и хозяйства современной Индии. М., 2014. 156 с.

IX. ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.

В. А. Жуковский

И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Белла Ахмадулина

В нашей быстротекущей жизни, с ее радостями и невзгодами, в скользящем «между пальцев» времени, уходящем вместе с нами, мне посчастливилось дружить и регулярно общаться с людьми с большой буквы, географами и не-географами. Таких людей всегда и везде немного. Они делают жизнь более интересной и осмысленной. Они помогают одним своим присутствием, а их видение мира, понимание и твоих проблем, и того, что творится вокруг, их советы «в минуту жизни трудную» дорогого стоят.

О самых-самых из них...

В Институте географии немало оставалось настоящих ученых и научных работников, несмотря на всю его печальную эволюцию в последней четверти прошлого и в начале XXI века. Старт их профессионального творческого пути приходился на золотую пору института, а сами они относились, по существу, к поколению «детей XX съезда», к «шестидесятникам», пусть на своем уровне, но также не прием-

лющим наследие сталинизма и сказки о коммунистическом рае.

К этому поколению относились и Алексей Минц, и Валерий Пуляркин, и Юлий Липец. Каждый из них сделал многое для развития научной географии в нашей стране, для института, хотя институт сделал для них гораздо меньше. Они были по-настоящему интеллигентными, мягкими, неконфликтными коллегами с хорошим чувством юмора, обладали интеллектуальной самостоятельностью, поэтому не стремились к встречам с начальством, не рвались «в генералы», но умели держать удар, живя в реальном мире. Общаться с ними всегда было, без преувеличения, большим удовольствием, а дружить – и большая честь, и вечная отрада, как бы сказал классик – «именины сердца».

И Юлий, и Валерий, и Алексей, уверен, являются недостаточно оцененными при жизни учеными. Их идеи и труды уже востребованы и будут и дальше использоваться следующими поколениями и как исходные позиции для движения вперед, и как памятники ушедшей эпохи.

В свое время один из крупных советских географов Владимир Сергеевич Преображенский (1918–1998) в связи с разработкой теоретических основ рекреационной географии неоднократно отмечал, что в междисциплинарных исследованиях географы нередко получают больше поддержки и помощи от представителей смежных дисциплин, чем от своих коллег по цеху. Сказанное полностью относится к изучению мной урбанизации. Много, особенно в начале изучения этой междисциплинарной темы, дало мне профессиональное общение с социологами, демографами, архитекторами, градостроителями, этнографами.

Среди представителей смежных наук мне хотелось бы вспомнить философа Александра Самойловича Ахиезера и демографа Андрея Гавриловича Волкова. Оба были выдающимися в нашем поколении и профессионалами, и людьми,

несмотря на непростой путь каждого из них по дорогам реального социализма. Начнем все-таки с географов.

1. А.А. Минц

Яркая и короткая жизнь профессора, доктора географических наук А.А. Минца закончилась при авиакатастрофе в Рузине под Прагой 19 февраля 1973 года.

За 20 с небольшим лет А.А. Минц много сделал для становления отечественной географии, в т.ч. географии природных ресурсов. С его именем связан переход от преобладания региональной тематики к разработке методологических и методических проблем. Исследовал региональные особенности страны, географию населения и трудовых ресурсов, вопросы взаимодействия природы и общества, заложил научные основы оценки природных ресурсов и их рационального использования в территориальных сочетаниях. Научно-методические проблемы экономической оценки ресурсов были рассмотрены в его докторской диссертации. Анализировал теоретические и методические вопросы науки, одним из первых применил системный подход в географии. В последние месяцы жизни Алексей Александрович разрабатывал новую концепцию освоения природного потенциала Русской равнины.

Труды Алексея Александровича Минца отличаются четкостью в постановке проблемы, логичностью изложения, редким даром интуитивного ощущения перспективных идей и направлений в исследованиях. Алексей Александрович обладал замечательной остротой научного «зрения». Поражало его высокое профессиональное мастерство в самых разных жанрах – от новаторских теоретических работ до ярких научно-популярных книг и статей. Многие работы ученого актуальны и сегодня.

Дальнейшую информацию о жизни и деятельности А.А. Минца см. в настоящей книге, а также в других многочисленных источниках.

2. В.А. Пуляркин

Мне довелось видеть стремительный взлет Валерия Алексеевича, когда вчерашний мальчик «Арбатского двора» и серьезный, вдумчивый студент становится крупным ученым и «законодателем мод» в социально-экономической географии. Он оставил богатое научное наследство с очень разнообразной тематикой. «Коньком» его были страноведение и агрогеография.

Основная особенность работ Валерия Алексеевича – их высокий уровень и качество публикаций. Им присущи нестандартность видения проблем, глубина анализа, нетривиальность выводов, основанных на обобщении интересной и достоверной информации, прекрасная литературная форма. Думаю, что Валерий Алексеевич был очень цельным человеком. Он определил для себя ряд основных жизненных принципов, которым неизменно следовал как в науке, так и в обыденной жизни.

Валерий Алексеевич родился 28 апреля 1930 года в Москве, в семье врача. В 1952 году окончил с отличием географический факультет МГУ по кафедре профессора И.А. Витвера и по его рекомендации поступил в Институт географии АН СССР в отдел географии зарубежных стран, который возглавлял профессор Константин Михайлович Попов (1900–1982). В этом отделе он проработал ровно 51 год и стал выдающимся ученым, одним из крупнейших российских географов, заслужившим признание и уважение своих коллег далеко за пределами института.

Валерий очень быстро поднимался по обычной лестнице академического института. Через три года, которых обычно не хватает аспиранту, он защитил диссертацию. В следующем году вышла первая его монография о Кашмире (заvistники и хохмачи говорили: «Кошмар!»). А дальше как из рога изобилия последовали каждые два (!) года монографии о Цейлоне, Западном Пакистане, Афганистане. Уже тогда

Валерий стал одним из признанных специалистов по странам Южной Азии. Довольно рано по меркам того времени, в 42 года (1972), защитил докторскую диссертацию. Она была опубликована в 1976 году и стала его самой крупной, значительной работой – «Экономико-географические процессы в сельском хозяйстве развивающихся стран». В ней Валерий разрабатывает «процессуальный» подход в экономико-географических исследованиях, что было в свое время замечено и оценено среди других и мной¹. Это «географическое процессоведение» перекликается, с одной стороны, с научной концепцией основателя Института географии академика А.А. Григорьева и, с другой – с работами по эволюционной экономической географии западных ученых.

Валерием написано 5 солидных монографий и еще 7 сборников, где он был руководителем авторского коллектива и основным исполнителем, а всего 230 печатных работ. В них отражены широта творческих исканий автора, глубина научного анализа, наконец, оригинальная разработка философских и методологических проблем географии².

С Валерием я познакомился в 1947 году, он только пришел на географический факультет (я был на 2-м курсе), а более основательно – весной 1948 года. Тогда первокурсник всех удивил зрелым не по годам докладом (о текстильной промышленности Индии) на открытии секции зарубежных стран Научного студенческого общества (НСО). Мы со студенткой IV курса Таней Гальцевой, организовывая эту секцию, искали первого докладчика среди старшекурсников, но все отказывались. И вдруг Валерий сам предложил

¹Пивоваров Ю.Л. Основы георбанистики. М.: Владос, 1999. С. 214.

²Публикации, отражающие важнейшие научные результаты за последние 50 лет его жизни, см. в книге: Пуляркин В.А. Локальные цивилизации во времени и пространстве (взгляд географа) / Сост. и научная редакция Л.П. Ночёвкиной. М.: Эслан, 2005. 536 с.

Памяти Валерия Алексеевича Пуляркина посвящен специальный сборник: Вестник исторической географии. Вып. 3. М., 2005. 334 с.

Профессор
Валерий Алексеевич Пуляркин

сделать доклад. За неимением лучшего, пришлось согласиться. А он и оказался лучшим – на долгие годы и во многих отношениях. Первой это поняла его сокурсница Ляля Ночёвкина, с которой он вскоре подружился, а перед окончанием университета и женился на ней. Валерий всегда отличался своим видением мира, даже в мелочах, в смешных ситуациях. Например, однажды на комсомольском собрании физзорг Лёва Зорин сокрушался о нашей плохой в целом физподготовке: «Вот, Пуляркин, например, купается в двух

трусах, боится простудиться», – говорил он под смех собравшихся. На этот выпад Валерий пояснил: «Так ведь они же у меня были рваные!» (гомерический смех в аудитории).

В 1950 году студенты III и IV курсов зарубежной кафедры вместе проходили, как я уже отмечал, практику в Закарпатье. Все мы были потрясены – после послевоенной Москвы – чистотой и порядком на улицах Ужгорода, Мукачева, Хуста и других городов, достатком и степенностью их жителей и вообще благополучием западной жизни. Один из руководителей летней практики Всеволод Александрович Анучин учил нас многому полезному: когда ходили по Карпатам – через каждые 50 минут надо делать 10-минутные перерывы, сушить носки, поднимать ноги, лежа вверх (у дерева или, кто может, без него); когда идешь на рынок за местным очень неплохим и дешевым вином – ничего не покупать, а только пробовать, ведь крестьяне при этом наливают полстакана, и

С Валерием Пуляркиным (справа). Гагры. Начало 60-х годов

бесплатно можно так напробаваться (мы так и делали), что дальше некуда. Всеволод Александрович любил шутку, был большой жизнелюб, а на все наши замечания (что переходы слишком большие, что для этого нет соответствующей обуви, что есть хочется, а денег было мало) всегда отвечал с загадочной улыбкой: «Всем тяжело!».

Обычно в Ужгороде (там была наша база) мы ходили «стадом», а потом Валерий и Ляля стали отставать. Как примерный комсомолец, я их обвинял «в отрыве от коллектива» (потом мы много раз вспоминали со смехом, как крепко нас приучили к идиотским штампам). А темпераментный Рубен Андреасян мне говорил: «И чего Валерка в ней нашел, ведь посмотреть не на что!» (А Ляля после голодной Кинешмы на Волге и впрямь была очень изящной.) А Валерий и здесь понимал. Они прожили с Лялей на редкость очень хорошо 51 год, их разлучила только злая судьба...

Первые годы после университета молодожены жили довольно трудно, снимали комнату, денег не хватало. Ели рыбу,

мясо было слишком дорого и т. д. Потом потихоньку жизнь стала налаживаться. В 60-х годах все мы стали переезжать в кооперативные квартиры. Новый год встречали у меня, день рождения Валерия, естественно, у него, а после гибели Алексея Минца 19 февраля собирались ежегодно у его жены Зои. Валерия очень любили все женщины: Зоя, Авина (жена его школьного товарища), Ира (жена известного философа и писателя Ю. Карякина), Нина Чертко и даже моя жена – видно, они особенно чувствовали очарование личности Валерия, его ум, доброту, чувство юмора, уважительное отношение, наконец, его магнетические свойства характера. А мне он не раз говорил: «Ах, не туда пошел! Будь я доктором, понимаешь, вот я иду быстро по коридору, а за мной толпа молодых медсестричек. Вот было бы здорово!» – улыбался он. Но и мужчины, особенно таджики, узбеки, якуты и прочие в нем души не чаяли – за доброту, глубокое понимание азиатского характера, быта, особенностей и уважительное отношение к их обычаям. А коллеги любили Валерия за талант, огромную работоспособность, человеческое отношение к сотрудникам в эпоху одичания советского социума и колоссального падения его интеллектуального и нравственного уровня. Несмотря ни на что, Пуляркин работал и работал, засыпал всех своими монографиями и классическими статьями.

Но это и ему давалось нелегко. Помню, как он говорил: «Вот вчера кончил главу (книги). Знаешь, даже спина была мокрая от напряжения. Потом выпил водки, стало немного легче, но устал...»

Он никогда не упивался написанным, не показывал, тем более не зачитывал фрагментов. Работал над текстом очень тщательно. Однажды пожаловался (на себя): «Кончил статью, а потом много времени потратил еще – просмотрел всю, чтобы на каждой странице (!) одно и то же слово не повторялось дважды». Вот так! Даже поучительные вещи рассказывал спокойно. Вот однажды я темпераментно, возмущенно

говорил что-то (видимо, о власти), он слушал, не возражал, а потом только рассказал один случай (а может быть, просто байку): «Один очень хороший, карьерный работник вдруг неожиданно для всех был уволен. Все недоумевали. Только один знающий человек укоризненно сказал: разговаривал много...» В этом весь Валерий!

Вообще любил незлую шутку. Когда мы отдыхали в 60-х годах в Гаграх (ах, какой это тогда был райский уголок!), к нам подошел неожиданно Александр Моисеевич Грин. Он стал лить восторги (так как был впервые в Гаграх). А когда Саша отошел, Валерий с улыбкой сказал: «Вот видишь, что экономгеографы знали давно, гидрологи узнают только теперь!»

Еще об одном виде деятельности Валерия мало известно: о его бескорыстной помощи географам Среднеазиатских республик СССР, не только профессиональной, но и чисто человеческой. Аспиранты, соискатели и всякие другие диссертанты из далекого Таджикистана и Узбекистана получали от Валерия не только большую консультационную помощь, но некоторые из них даже жили у него, брали деньги взаймы (всегда отдавали), то есть были своими людьми в семье. Он интересовался их судьбой и после защиты, переживал, так как в солнечных республиках уже тогда (с опережением России на 30–40 лет) сажали не по закону, а по понятиям. И он рассказывал с большой тревогой, как один из его способных учеников не за что получил срок в результате таких клановых разборок, а другой с трудом остался на свободе. Благотворительность Валерия достигла аж Якутска. Он выступал соавтором и заведующего кафедрой Якутского университета, и учеников из Средней Азии, и сотрудников своего отдела, помогая им в покорении высот науки (во всяком случае – очередной переаттестации). Будучи реалистом, Валерий организовал, ближе к XXI веку, дуумвират, благодаря которому появились две последние его монографии. Этот дуумвират был построен (как и современный) на разделении

функций: Валерий в основном писал, Иван Данилович Егоров главным образом обеспечивал издание книг в Якутске. (Об этом я знал не от Валерия, а после ознакомления с текстом). Валерий несколько статей написал вместе со своим учителем А.Н. Ракитниковым, к которому всегда относился с большим пиететом. Таким образом, несмотря на всю сосредоточенность, научный «эгоцентризм», Валерий не был «одиноким волком»: значительную часть работ он написал в соавторстве с коллегами очень разного уровня.

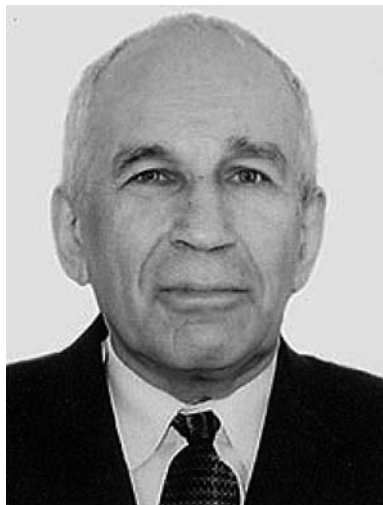
А врагов у Валерия никогда не было. И вдруг появился страшный враг – болезнь. По «наследству» от дяди у него заболела так же правая почка. Операция, строгая диета, химиотерапия. Мне он говорил: «Хотя бы чемпионат мира по футболу (2002) посмотреть, а уж чемпионат Европы (2004)...» Нет, не увидел он его, увы! До последних дней к нему ходил Юлик (Юлий Григорьевич Липец). Накануне они обсуждали довольно горячо планы на будущее.

А на завтра – 13 августа 2003 года – все... Я уже не был в Москве. И, может быть, это и лучше. Потому что помогает помнить только веселого, благодушного, ироничного жизнелюба Валерия, каким я его видел ровно 55 лет. В начале сентября 2002 года (перед моим отъездом в Германию) в вестибюле станции «Новокузнецкая» без больших слов мы вяло... простились навсегда.

3. Ю.Г. Липец

Сейчас, когда прошло уже около 15 лет после ухода из жизни Юлия Григорьевича, каждый из нас, его друзей или коллег, видимо, по-своему вспоминает об этом исключительном человеке. Но я уверен, что во многом оценки его личности и ученого совпадут. В моей памяти Юлий Григорьевич остался как человек редкой души, добрый, мягкий, духовный, щедрый, всегда готовый помочь. И как выдающийся ученый, много сделавший для развития социально-экономической географии в нашей стране.

Юлий Григорьевич родился 17 сентября 1931 года в Москве в семье врача. С детства увлекался шахматами, к окончанию школы был уже кандидатом в мастера СССР по шахматам. Судьба дважды сделала подарок географии. Первый раз, когда в 10-м классе Юлий, играя в квалификационном турнире, не добрал всего полочка до нормы, дающей право на получение звания «Мастер спорта СССР по шахматам». Он говорил, что если бы тогда стал мастером, то, очевидно, пошел бы по пути профессионального шахматиста. А второй раз, когда сдавал экзамены на географический факультет МГУ в 1950 году и получил полупроходной балл. Только благодаря упорству 20-летнего юноши, ему через заочное отделение удалось все-таки стать студентом геофака, а географии – получить настоящего ученого, обаятельного и скромного.

Профессор
Юлий Григорьевич Липец

Юлий много сделал в изучении географии мирового хозяйства и мирового развития, африканистики, теоретической и математической географии, научной информации, а также для появления капитальных переводных работ, на которых училось и учится не одно поколение географов.

Уже в студенческие годы проявились оригинальность личности Юлия и некоторые черты его характера. Он как-то раньше многих других понял скоротечность жизни, поэтому никогда не утруждал себя пустяками или тем, что не нравилось. Не усердствовал в учебе (позволяли способности), не очень старался на географической практике (особенно

в Хибинах), потому что не любил долго ходить, но много играл в шахматы, интересовался математикой, умел дружить и вращался в кругу интеллектуалов и интересных людей.

С семьей Ю.Г. Липеца – Валерией Константиновной и Таней.
Светлогорск. 1968 г.

Юлий спокойно, в отличие от некоторых сверстников, относился к суровой советской действительности и, может быть, поэтому лучше их справлялся со всякого рода трудностями. Он с толком использовал время в Государственном издательстве географической литературы (1954–1960) для первого периода научной деятельности как африканиста, стал членом Союза журналистов СССР, что, в частности, позволяло водить друзей в хороший и сравнительно недорогой ресторан Дома журналистов на Никитском бульваре. После окончания аспирантуры в Институте географии защитил кандидатскую диссертацию (1965) по странам Юго-Восточной Африки и опубликовал на ее основе боль-

шую монографию¹. В 1966–1980 годах работал в Центральном экономико-математическом институте АН СССР, где занимался системным моделированием, и о его применении в экономической географии опубликовал книгу (1987). А с 1980 года до конца жизни, более четверти века, трудился в Институте географии.

Это почти формальная канва академической карьеры Юлия не передает всего многообразия 52-летней напряженной исследовательской деятельности и его масштаба как талантливого и опытного организатора науки. Всегда без излишнего шума, спокойно, иногда даже подчеркнуто медлительно он успевал очень многое: участвовал в организации и проведении семинара по новым методам исследований в экономической географии в МФ ГО СССР, вел огромную работу в Институте научной информации АН СССР (ВИНИТИ), участвовал в организации с 1983 года ежегодных сессий Совета АН СССР по региональным системам, в переводе классических работ У. Изарда, П. Хагета. Одновременно вел собственную исследовательскую работу по африканистике, теоретической и математической географии, мировому хозяйству². Длительное время был также зам. главного редактора журнала «Известия АН СССР/РАН», серия географическая.

Особенно сложными, видимо, были последние 18 лет, когда в 1988 году он возглавил лабораторию географии мирового хозяйства (потом мирового развития), и ему пришлось взвалить на себя еще и эту тяжелую ношу. А тяжелую потому, что, во-первых, лаборатория при нем потеряла четырех докторов наук: трое ушли из жизни – Б.Н. Зимин (1929–1995), Я.Г. Машбиц (1928–1997), В.А. Пуляркин (1930–2003),

¹Липец Ю.Г. Страны Юго-Восточной Африки. М.: Мысль, 1968. 389 с.

²Более подробно о творчестве Ю.Г. Липеца см.: Шупер В.А. Памяти Юлия Григорьевича Липеца // Известия РАН. Сер. Географическая. 2007. № 2.

а С.Б. Шлихтер (1931–2010) уехал в Германию; а во-вторых, дирекция неоднократно хотела (еще во времена В.М. Гохмана) ликвидировать это подразделение. С трудом можно себе представить, чего стоило тогда сохранять лабораторию в течение стольких лет. Тем не менее и здесь Юлий оказался на высоте. Он вдохнул жизнь в ее незаметное бытие, разработав феномен географии мирового развития. Ю.Г. Липец сформулировал основные направления новой дисциплины – географии мирового развития как синтеза проблем страноведения, георурбанистики и географии мирового хозяйства, и дал ее определение. А затем выпустил под своей редакцией (вместе с сотрудниками и друзьями В.А. Пуляркиным и С.Б. Шлихтером) коллективную, во многом новаторскую монографию¹. Новое направление экономико-географических исследований привлекло к себе внимание географического сообщества². Уже после кончины Юлия Григорьевича работы в этом направлении были продолжены³.

Юлий никогда не был, как некоторые заведующие, только импресарио; он оставался и отличным солистом, и чутким участником трио, как в указанной выше работе или в большой монографии по истории открытия и исследования Африки, написанной в соавторстве с М.Б. Горнунгом и И.Н. Олейниковым⁴.

¹Экономическая география мирового развития. XX век / Общ. ред. Ю.Г. Липеца, В.А. Пуляркина, С.Б. Шлихтера. СПб.: Алетей, 2003. 397 с.

²См. напр.: *Трейвиш А.И.* География мирового развития: насущная потребность, мода или утопия? // Четвертые Сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. М.: Эслан, 2004.

³См., напр.: География мирового развития. Сборник научных трудов / Под. ред. Л.М. Синцера. Вып. 1. М.: Институт географии РАН, 2009. 606 с.; Вып. 2. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 496 с.; Выпуск 3. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 486 с.

⁴*Горнунг М.Б., Липец Ю.Г., Олейников И.Н.* История открытия и исследования Африки. М.: Мысль, 1973. 454 с. (Отмечена Почетным дипломом ВГО).

Симпозиум в Нальчике. А.Н. Гуня (слева), Ю.Г. Липец. 2005 г.

Юлий любил удивить коллег «изюминкой» в нашей небогатой событиями жизни, в этом тоже сказывалась неординарность его личности. Например, уж и не знаю как, устроил в Московском филиале Географического общества встречу с Львом Николаевичем Гумилёвым (1912–1992), выдающимся мыслителем, кстати, доктором географических (как и исторических) наук. Это был подарок географическому сообществу столицы, незадолго до кончины ученого с мировым именем. По нему хорошенько прошла «железная лапа» реального социализма¹. К сожалению, один из известных сотрудников института, который был по крайней мере «выездным» (мне не хочется называть его имени), в свое время был в числе авторов разнузданной рецензии на труды

¹См. очень содержательную книгу в серии «Жизнь замечательных людей»: Дёмин В.Н. Лев Гумилёв. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 310 с.

Л.Н. Гумилёва в «Известиях ВГО». Может, эта встреча была своего рода извинением московских географов?

Даже и не знаю, с кого в институте в «счастливые нулевые» начинается «человек». Уже и не с каждого заведующего. К сожалению, директор (кстати, однокурсник Юлия) при решении возникающих вопросов только кричал на него. Тогда Юлий придумал шахматную двухходовку: все вопросы, требующие решения директора, передавал ему через секретаршу, и от нее же получал указания директора (об этом Юлий сам рассказывал мне по телефону в последний год жизни). Но это можно было пережить, такова была отмеченная выше «эволюция»...

Гораздо хуже другое. Еще в 90-е годы Юлий говорил, что от высокого давления ему помогает горький шоколад. Но, конечно, это не лечение, а только облегчение. Врачи считали нужным бы сделать «чистку» сосудов с последующим вживлением биостимулятора. Об этом он рассказывал несколько раз, но на этом все и кончалось, а тут еще начался развал советской медицины. В 2005 году Юлий был в Берлине, чувствовал себя вполне прилично; как раньше, очень быстро «схватил» план города, нашел все его достопримечательности. В этом у него был особый дар (как я наблюдал в Воронеже, Смоленске, Рязани и других городах). Когда я пожаловался на скуку в Берлине, отсутствие профессиональной среды, он, как всегда, быстро нашел ответ: «Представь себе, что ты, как американцы – кончив работать, поехал во Флориду». Ладно, пытался, да не всегда получалось.

Без операции, необходимость которой в Германии не объясняют, а сразу делают, сосуды «засорились», и 20 декабря 2006 года произошел обширный инфаркт... Все это не только трагично, но и обидно. Ведь через пару лет аналогичную операцию в берлинском центре по лечению сердца (Herzzentrum) моей жене, также его сокурснице, сделали за 3 дня! О чем после этого говорить?

Берегите географов!

4. А.С. Ахиезер

Александр Самойлович (29 сентября 1929 года – 12 октября 2007 года) был, наверное, единственным философом, с которым мне довелось встречаться за долгие годы жизни. Но какой! Может быть, им был и академик Павел Фёдорович Юдин (1899–1968), лекции которого я слушал студентом. Сейчас мне оценить это трудно, но уж, во всяком случае, философами и близко к ним не были «проповедники» типа Зои Петровны Игумновой, в 50-х годах прошлого века густо облепившие Московский университет, чтобы парить мозги студентам.

Александр Самойлович Ахиезер (остряки, правда, говорили, что это не фамилия, а национальность) родился в Москве. Столичный житель, сын интеллигентных родителей (отец окончил Киевский университет как юрист, работал в Германии, затем в редакции «Правды», владел одиннадцатью языками) жил в страшной бедности. Детство и юность провел, как и большинство его сверстников-москвичей, в знаменитых комму-

Профессор
Александр Самойлович Ахиезер

налках с их пестрым населением и фантастическим бытом. Потом эвакуация, по возвращении – учеба в Московском экономическом институте на факультете экономики сельского хозяйства, который окончил в 1953 году. Трудовую деятельность начал председателем плановой комиссии Заокского райисполкома Тульской области. Затем работа в нескольких НИИ в Москве, с 1969 года более 20 лет в Институте международного рабочего движения АН СССР, а с 1991 года

до конца жизни – в Центре демографии и экологии человека, который до 1993 года входил в состав Института занятости, а потом – в Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Единственное, что связывало с философией в образовании, – это аспирантура по специальности «философия», которую он окончил в 1967 году и защитил диссертацию (работая в 1962–1968 годах в НИИ истории и теории градостроительства Академии строительства и архитектуры СССР).

Таким образом, Александр Самойлович и по образованию, и по опыту работы не был философом. А был философом от Бога. И трудоголиком – всю сознательную жизнь и даже раньше, начиная с детства во времена эвакуации в колхоз на Урале¹. А стал истинным мыслителем, теоретиком и методологом, который внес большой вклад в концептуальное понимание социологии, истории и культуры России, совсем иное (а в чем-то, может быть, и противоположное), чем до него.

В советский период Александр Самойлович был известен главным образом как автор по урбанизации и миграции населения. Однако его реальный научный потенциал выявился лишь в многолетних работах, начатых в середине 70-х годов и опубликованных после окончания идеологического диктата КПСС. Он вывез в день августовского путча 1991 года со склада издательства тираж своей монографии, посвященной анализу динамики российского общества за весь период государственной жизни². Второе издание, расширенное и дополненное, вышло в 1997–1998 годах³.

¹О последнем см. подробнее: Ахиезер А.С. Труды. М., 2008. Т. 2. С. 7–10.

²Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. М., 1991.

³Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). 2-е изд. Перераб. и дополн. Новосибирск: Сибирский хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему, 1997. 804 с.; Т. 2. Теория и методология. Словарь, 1998. 594 с.

Выход этих книг был значительным событием в общественной жизни нашей страны на пороге XXI века. Автору удалось осуществить важный прорыв в науке благодаря разработке социокультурной теории и методологии анализа общественного развития России¹.

Александр Самойлович создал первую немарксистскую концепцию, нашедшую горячих сторонников в постсоветский период. На ее основе он пытался раскрыть тайну советского общества, демифологизировать его культуру и социальные отношения. Эта изящная концепция человека как субъекта культурного и социального творчества подтверждает невозможность принятия экономического материализма в качестве основы для объяснения исторического процесса. На первый план выходит, в противовес догматизированному марксизму, анализ культуры, а следовательно, культурологические, социокультурные основания исторического процесса. Иными словами, все с точностью до наоборот тому, что мы долго, усердно и принудительно изучали под видом «творческого марксизма», а на самом деле типичной лженауки XX века. Поэтому отношение к концепции и книгам А. С. Ахиезера стало своего рода демаркационной линией между учеными, которые рассматривают науку как высочайшую нравственную ценность, и проповедниками «сталинского разлива».

Эффективность любой теории определяется возможностью на ее основе давать прогноз. Опираясь на свою теорию глобальных циклов, Александр Самойлович предположил, что постсоветский период позволяет ожидать следующую «в истории России национальную катастрофу»². На перехо-

¹См. подробнее блестящее предисловие С.Я. Матвеевой к 1 тому 2-го издания книги А.С. Ахиезера (Новосибирск, 1997. С. 3–41). Оно использовано нами в настоящих заметках.

²Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 703; Там же. М., 1991. Т. 2. С. 301.

де от первого постсоветского этапа, когда в противоположность советскому периоду «частная инициатива достигнет значительных масштабов», возможны серьезные трудности при проведении реформ¹. Иначе говоря, на первом этапе постсоветского периода прогнозировалась негативная массовая реакция на неизбежные либеральные реформы, которые откроют путь авторитаризму². Оправдался прогноз не только краха советского периода и наступления этапа либеральных реформ, но и нарастания негативного отношения общества к ним. Прогноз последующего перехода общества к авторитаризму сегодня не теряет своей актуальности³. Увы! Он становится печальной реальностью. Отметим, что эти поразительно точные прогнозы даны еще в конце 80 – начале 90-х годов прошлого столетия.

Александр Самойлович и в жизни был философом, понимал, конечно, скоротечность жизни и тщету суеты, ценил время, которого ему вечно не хватало. С ним я познакомился в 1967 году в Ростове-на-Дону во время конференции по миграции населения (о которой уже упоминал). Он был скромным, мягким, тактичным, простым и легким в общении. Никогда не старался привлекать к себе внимание, не позволял себе даже намека на то, что на порядок выше окружающих, хотя, конечно, знал себе цену. Александр Самойлович обладал какой-то притягательной силой, каким-то особенным ахиезеровским стилем речи и видения окружающей действительности. Так, однажды при нем я возликовал в связи с роспуском КПСС. А он тут же сказал: «Наверное, зря ты так радуешься, ведь партия была стропилами, кото-

¹Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 732; Там же. М., 1991. Т. 2. С. 329.

²Там же.

³Кондаков И.В., Пивоваров Ю.Л., Яркова Е.Н. Прорыв в общественной науке? (Размышления над трудами А.С. Ахиезера) // Философские науки. 2001. № 3. С. 147–155; Они же. Предисловие // А.С. Ахиезер. Труды. Т. 1. М., 2006. С. 10–20.

рые держали всю эту крышу!» И действительно, тот бардак, который мы наблюдаем уже много лет, не позволяет особенно радоваться (хотя все равно «хорошо, что нет Варвары, без Варвары веселей»). Наряду с участием и выступлениями на различных конференциях и совещаниях, важное в жизни Александра Самойловича было связано с неформальной наукой. Ведь и главная книга его жизни – «Россия: критика исторического опыта» (М., 1991) – пришла к нам из мира неформальной подпольной науки¹.

Александр Самойлович мало ценил научные степени и звания, должности и карьеру. К 65 годам, когда на Западе профессор обязательно уходит на пенсию, он, автор эпохальных для философии, социологии, истории работ, оставался всего только кандидатом наук. На достаточно частое удивление – почему не защищаешь докторскую? – отвечал одинаково: «Нет времени». Когда же все-таки в 69 лет (1998 год!) защищался, тоже особенно не интересовался ВАКовскими затеями и был на редкость спокоен на защите. Примерно за неделю до защиты я спросил, сколько отзывов у него на автореферат. «Каких отзывов? Ничего нет». Пришлось объяснять, что для ВАКа нужно хотя бы 4–5 отзывов на автореферат. И сама защита в Институте культуры (он находился в Замоскворечье в здании бывшей церкви, напротив фабрики «Большевик» и кинотеатра «Ударник») совсем не походила на то, что я видел десятки раз. Заседание Ученого совета в основном вел не его председатель, а Александр Самойлович, и это выглядело почти логично (но никак не нахальством со стороны диссертанта), так как он был на порядок выше в понимании предмета, как всегда, логичен и абсолютно спокоен. Он и сидел у края председательского стола, правда, в сравнительно небольшом зале было

¹Матвеева С.Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // А.С. Ахиезер. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 3–41.

очень тесно. Диссертант ощущал себя так же, как на Независимом теоретическом семинаре «Социокультурная методология анализа российского общества». Его он организовал и всегда очень интересно вел в опрятном здании фонда (не то «Дружба», не то как-то еще) на Красной Пресне по личной договоренности с его Председателем Александром Николаевичем Яковлевым (идеологом «перестройки»). Вообще, было на защите не только, что послушать, но и посмотреть! В этом же зале вскоре пили за именинника, а потом пошли небольшой группой через Каменный мост. Некоторые радовались больше, чем новый доктор наук.

Что запомнилось еще – так это то, что Александр Самойлович никогда не брал реальный социализм и его порядки и нравы. Думаю, потому, что для него все это было, прежде всего, объектом исследования, а остальное и так понятно. Его интересовала не колбаса, а особенности данного этапа с точки зрения его теории циклов социокультурной динамики России. Александр Самойлович был бессеребренником. И будучи уже признанным ученым, неоднократно говорил мне: «Не могу покупать необходимые книги – нет денег, очень много уходит на ремонт компьютера».

Одна из последних работ, помещенных во втором томе трудов (том был подписан к печати через два месяца после кончины автора), – «Недостаточно оцененные ученые-гуманитарии», содержит его статьи и рецензии на труды пяти ученых¹. Вот он сам и был также одним из таких ученых, существенно недооцененных научным сообществом, особенно той все еще его значительной частью философов, которая исповедует до сих пор советскую версию догматизированного марксизма. А как же иначе? Ведь труды его ставят крест на многолетних усилиях философов-марксистов, которых тучи. Куда же им деваться?

¹Ахизер А.С. Труды. М., 2008. С. 385–450.

И то, что Александр Самойлович писал о своих коллегах, в полной мере можно отнести к нему самому: «Оценка выдающихся работ в сфере гуманитарных наук часто неадекватна, так как они обычно опережают свое время. Эти труды часто вызывают неприязнь, так как разрушают комфортные привычные представления о содержании гуманитарной науки... Современникам подчас трудно судить о работах, выходящих за привычные рамки»¹.

Но и поклонникам трудов А. С. Ахиезера есть, над чем работать, используя и его методологию для исследования исторического развития России, и новые концепции, и новые идеи. Прежде всего, раскол российского общества, нравственные идеалы как основа его динамики, человек как субъект социокультурного прогресса общества.

Идеи Александра Самойловича более чем актуальны для сегодняшней России. Потому что, как отмечает руководитель группы «Меркатор» Института географии РАН Дмитрий Орешкин, известный ныне политолог, а ранее одно время секретарь партбюро института, «модель государства, выстроенная Лениным и Сталиным и мягко возрожденная Путиным, изначально порочна. Она построена для вождей и люмпенов, которым можно задурить голову сказками про коллективизм, общенародную собственность, светлое будущее и могучую державу. На одном конце модели пассивная и неспособная к сопротивлению масса, которой легко парить мозг. На другом – вожди и их прихлебатели...»².

Как поднять отупевшую от демагогии и трудной борьбы за выживание массу до осознания высоких нравственных идеалов – вот в чем вопрос для России XXI века. И труды А.С. Ахиезера при решении этого трудного вопроса весьма важны не только для теории.

¹Ахиезер А.С. Труды. М., 2008. С. 387.

²Цит. по: Европа-Экспресс. 2011. № 12. С. 4.

Из Берлина я регулярно звонил ему, мы обсуждали разные вопросы, Александр Самойлович настоятельно убеждал меня довести рукопись книги до издания, невзирая на трудности. Но однажды его телефон перестал отвечать. И я понял...

5. А.Г. Волков

Андрей Гаврилович (11 мая 1931 года – 14 августа 2009 года) был крупным демографом и статистиком, также много сделавшим для совершенствования статистического учета и организации переписей населения¹. А для меня, прежде всего, человеком необыкновенно обаятельным, интеллигентным, притягивавшим своим, «волковским» дружелюбием, благородством и каким-то особым теплом. Он – из того редкого вида людей, которые в эпоху одичания социума исчезают просто на глазах и скоро останутся только в воспоминаниях современников и в трудах этих «последних из могикан».

Андрей – а так называли его не только друзья, но и многие коллеги, и хорошие знакомые – с первой встречи поража́л необыкновенным расположением, естественностью, легкой усмешкой к окружающему нас лживому миру. Он обладал умением слушать и слышать, хорошими манерами и редким ныне безупречным русским языком. А если к этому прибавить осанку, прямую спину, хороший рост, голубые глаза, то станет понятным его обаяние. Мне он казался всегда немного сдержанным, немногословным, кратко и четко задающим вопросы и так же на них отвечающим. Таким он остался и в 71 год, когда мы виделись последний раз, в мае 2002 года.

¹О его разнообразной деятельности см. обстоятельную статью А.Г. Вишневого «Андрей Гаврилович Волков. Штрихи биографии» – в Демоскопе» (www.demoscope.ru/weekly/2009/0325/nauka01.php), использованную в наших заметках.

А встретились мы где-то в середине 60-х годов, вскоре после того, как Андрей в 1964 году возглавил сектор демографии и трудовых ресурсов (с 1965 года отдел демографии) НИИ ЦСУ СССР. Он уже тогда рассматривал демографию как междисциплинарную науку и поэтому искал представителей смежных дисциплин, интересующихся демографией, – историков,

Профессор
Андрей Гаврилович Волков

социологов, социогеографов, этнографов. А я тоже начал интересоваться урбанизацией как междисциплинарной проблемой. Кроме того, в это время я довольно регулярно бывал в издательстве «Статистика» на 4-м этаже дома ЦСУ СССР, построенном по проекту Ле Корбюзье до войны на ул. Кирова, 39. Там готовилась к печати под моей редакцией перевод книги Анджея Марианьского «Современные миграции населения». После издательства я обычно заходил на 1-й этаж к Андрею: посмотреть новые статистические издания, книги и просто поговорить «за жизнь».

Памятна Всесоюзная конференция по проблемам населения Закавказья в Ереване (1968), куда из Москвы прилетело довольно много общих знакомых. Когда мы только вышли из гостиницы для первого осмотра города – Андрей, Виктор Иванович Козлов, известный этнодемограф, и я, – нас на площади окружила небольшая группа молодых армян. Они пристально присматривались ко мне, а потом спросили: «Ты кто?» – «Еврей, – сказал я, и подумал: – Сейчас бить будут!» Андрей и Виктор с двух сторон подошли ко мне поближе. И вдруг раздались крики приветствий и объятия, предложения выпить вместе – в общем, совсем не то, к чему мы уже привыкли. А по вечерам собирались в каком-нибудь номере

гостиницы и до позднего вечера обсуждали различные проблемы изучения населения, как мы их тогда представляли.

В 1975 году вышел сборник переводных работ «Урбанизация и расселение» (под моей редакцией), один из 17 сборников в серии «Новое в зарубежной демографии». ее задумал и блестяще осуществил Андрей в 1962–1983 годах. Эти сборники позволили советским демографам, практически не имевшим доступа к зарубежной литературе, быть в курсе многих новейших веяний в демографии.

Андрей рано начал выступать на ответственных конференциях и совещаниях, обычно он говорил логично, свободно, без тени волнения. Помню, как он хорошо смотрелся на организационном собрании междисциплинарного семинара по урбанизации в Московском филиале Географического общества СССР в 1969 году на фоне поколения наших учителей – И. М. Маергойза, Б. Ц. Урланиса, В. В. Покшишевского, В. Г. Давидовича. Уникальный преподаватель игры на скрипке Петр Соломонович Столярский (среди его учеников были Давид Ойстрах и много других первоклассных скрипачей) учил своих питомцев не бояться сцены, а любить ее и охотно выступать. Вот мне и кажется, что, хотя Андрея никто этому не учил, он любил в неторопливой, сдержанной манере выступать, поскольку ему было что сказать. И несколько десятилетий было трудно себе представить всесоюзную или общероссийскую научную конференцию по демографии или смежным дисциплинам, где бы Андрей не выступал с пленарным докладом, где бы не было возглавляемой им секции, которая неизменно оказывалась в числе наиболее интересных.

На протяжении многих лет он был заместителем председателя Научного совета по проблемам демографии и трудовых ресурсов АН СССР/РАН, которые обычно очень интересно проходили в Научно-исследовательском институте экономики Госплана СССР, а также в Пскове, Оренбурге,

Львовые и других городах страны. После кончины Б.Ц. Урланиса Андрей четверть века – председатель демографической секции московского Дома ученых. При нем на секции продолжали проходить интересные заседания разного плана. Помню хорошо, как очень трогательно и печально прошло заседание, посвященное памяти Леонида Евсеевича Дарского (он скончался в Израиле) – одного из участников звездного коллектива отдела демографии НИИ ЦСУ и многолетнего активного члена демографической секции. Андрей всегда был принципиальным и требовательным, он четко представлял рамки демографии как науки и неуклонно выступал против ее расширительной трактовки (за счет «марксистско-ленинской науки о народонаселении», математизации, привлечении излишних материалов смежных наук). Поэтому, когда на демографической секции я делал свой «прощальный» доклад об урбанизации в СССР, Андрей в своем выступлении указал – маловато демографии. И был, конечно, прав. Но только трудно географу, с другой стороны, учить профессиональных демографов чистой демографии. Потом мы возвращались домой втроем вместе с его многолетней сотрудницей Галиной Алексеевной Боднарской. Вспоминаю те далекие годы. Андрей выглядел обычно, бодро и, как всегда, чуть насмешливо, и тогда в голову не приходило, что ему ведь уже идет восьмой десяток (быть может, потому, что мы «взрослели» вместе). Тут я сказал, что скоро уезжаю в Германию. На Кропоткинской улице, совсем близко от дома на Остоженке, 4 (бывшей Метростроевской), где я прожил первые 35 лет своей жизни, мы простились, понимая, что навсегда.

Не совсем!

Уже после кончины Андрея Гавриловича я узнал первую половину его биографии из упомянутой статьи А.Г. Вишневого. Ее было жутко читать. Передо мной был другой человек. И дело не только в том, что ее было страшно чи-

тать, ведь таких биографий в эпоху «реального социализма» – миллионы, мы уже были наслышаны о преступлениях сталинского режима. Но мне было трудно сложить вместе эти две половины жизни – ту, о которой я прочел, и ту, которую знал и помнил. Ведь Андрей всегда был такой спокойный, сдержанный, даже чуточку медлительный, благожелательный и благополучный, правда, закрытый и немного загадочный. И даже то, что я слышал давным-давно от нашей общей очаровательной знакомой (как молодой Андрей рыдал, узнав о гибели отца), как-то редко вспоминалось.

Андрей родился в Москве, в интеллигентной семье; и отец, и мать были литературоведами, специалистами по изучению творчества Л.Н. Толстого. Отец, Гавриил Андреевич, происходил из вологодских крестьян, мать, Татьяна Николаевна, из известной московской семьи. Она была дочерью знаменитого адвоката и общественного деятеля Николая Константиновича Муравьева, который, будучи знаком с Л.Н. Толстым, по его просьбе не раз защищал «толстовцев». Толстой поручил ему составление своего духовного завещания. Видимо, не случайно дух Толстого царил в семье родителей Андрея Гавриловича. Татьяна Николаевна с 1929 года работала в Главной редакции полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. Там она встретила и в 1930 году вышла замуж за Г.А. Волкова, одного из редакторов «Полного собрания сочинений» писателя. В 1931 году у них родился сын Андрей, в 1935-м – сын Иван.

В 1941 году Гавриил Андреевич был арестован, не признал себя виновным, но был приговорен к 10 годам лагерей. Скончался в июне 1943 года, видимо, от истощения в возрасте 41 года.

В 1956 году был, конечно, реабилитирован. А в 1948 году была арестована и Татьяна Николаевна – по сфабрикованному «органами» делу Даниила Андреева (сына писателя

Леонида Андреева), которого она знала с детства. Татьяну Николаевну приговорили к 10 годам заключения в лагере особого режима в Инте (Коми АССР). К счастью, рябой людоед умер раньше, чем истекли эти 10 лет, в 1955 году ее освободили, а в 1956-м реабилитировали.

В момент ареста матери (15 июня 1948 года) Андрей сдавал экзамены на аттестат зрелости, оставался один экзамен. Ему пришлось прервать экзамены, и он был принудительно направлен в г. Торжок (Калининская область) в индустриальный техникум (а его младший брат помещен в детский дом и определен в ремесленное училище в Калининградской области). Конечно, все эти события были страшным шоком для 17-летнего Андрея, от которого он, очевидно, не оправился никогда.

Через год он заново сдал экзамены на аттестат зрелости и в 1949 году поступил в Московский экономико-статистический институт (МЭСИ), который окончил с отличием в 1953 году. Затем работал в отделе труда и зарплаты завода им. Владимира Ильича (б. Михельсона, где в 1918 году стреляли в вождя революции), окончил аспирантуру при кафедре демографии МЭСИ (1959), а потом работал недолго в ЦСУ РСФСР, НИИ труда, и, наконец, в 1964 году перешел в новый тогда НИИ ЦСУ СССР, возглавив там – на 40 лет – Отдел демографии.

Вот там мы и познакомились. И только теперь – спустя почти 50 лет – я узнал эту историю одной отдельно взятой семьи в эпоху «реального социализма». Ведь все знали и любили Андрея как респектабельного, состоявшегося демографа, бескорыстного и готового всегда помочь, как-то по старомодному вежливого и всегда внимательного. И как же ему удалось сложить эти две такие разные половины жизни в одну? Наверное, потому, что Андрей Гаврилович сумел выдержать страшный удар судьбы, не озлобиться, не замкнуться, не отгородиться от такого несправедливого мира

и стать, чем он стал – видным демографом и статистиком, а главное, выдающимся из общего ряда человеком, сохранившим чувство собственного достоинства и сумевшим все-таки переломить судьбу в «империи зла».

И вспоминая трагедию всей семьи Андрея Гавриловича, а ведь таких семей, как я уже говорил, были миллионы, даже не знаешь, что сказать. Можно лишь привести высказывание Уинстона Черчилля: «В мире нет ничего ниже преступного коммунистического класса».

А меня, когда я перечитываю эти страницы биографии Андрея Гавриловича, каждый раз берет оторопь.

Х. МИХАЛЁВО (НАУЧНАЯ ЭЛИТА) И ПЛЁС

Пусть шутка не минет
Холмы и долины,
Пусть хохот откинёт
Согбенные спины.

Фазиль Искандер

На Тишковском водохранилище, примерно в 20 км севернее Москвы, в 80-х годах прошлого века сохранился сравнительно большой полуостров, омываемый с трех сторон тихими водами. Чуть выше, на косогоре, с четвертой стороны – деревня Михалёво, а за ней леса и болота. Когда до войны строили канал Москва–Волга, нижняя часть деревни оказалась под водами водохранилища, осталось всего 20–25 домов, одна улица, поросшая травой-муравой, и звенящая сельская тишина. Правда, в хорошую погоду отчетливо было видно, как Москву плотно прикрывает «шапка» промышленных отходов. Тем ценнее был покой и свежесть окружающих вод, лесов, болот. В те времена Михалёво было расположено практически на «острове», доступным только со стороны водохранилища.

Еще до войны сюда приезжали немногие дачники. Небольшой теплоход шел от Речного вокзала в Химках около 4 часов. А когда после войны пустили «Ракету» – каких-то 35–40 минут. В Михалёво была открыта небольшая база отдыха московского Дома ученых на пустыре между домами.

В начале 30-х годов на строительство Днепрогэса среди прочих иностранных специалистов был приглашен немецкий инженер Хельмут Ланге. Там он познакомился с очаровательной Эммой, врачом, которая тоже приехала по-

могать легендарной тогда стройке. Вскоре у них родилась дочь Элла, а затем Хельмута, как «шпиона», арестовали и вскоре расстреляли. После войны Элла окончила исторический факультет МГУ, и ее распределили в Музей Революции на улице Горького, недалеко от Пушкинской площади (до 1917 года там находился Английский клуб). Что могло быть менее подходящим, чем просвещать народные массы о прелестях власти рабочих и крестьян, для человека мыслящего, деятельного и энергичного, да к тому же потерявшего отца и знавшего не понаслышке, что такое реальный социализм? Поэтому Элла при первой возможности из музея ушла и какое-то время занималась еще чем-то (уже теперь и не припомню).

Но когда Михалёво и Элла пересеклись, дело закипело. База отдыха была значительно расширена, а главное, заработала совсем в ином режиме, с «человеческим лицом». Можно было приезжать по путевке московского Дома ученых, а можно было и просто заплатить 5 рублей в день с человека, и живи – сколько хочешь. Можно было приехать и днем, и вечером – словом, тебя ждали всегда. Где еще было тогда такое? Помню, как зимой по письму от института я получал неоднократно путевки в хозяйственном управлении Совета Министров РСФСР. Как-то я имел неосторожность спросить, нельзя ли на больший срок. В ответ мне злобно прошипели: «Нет!» А в другой раз в Доме отдыха им. П.И. Чайковского того же СМ РСФСР зимой, когда он был пуст, мы с Виктором Таргульяном пошли к директору просить продлить пребывание на несколько дней. Он сразу отказал. И пытался со счетами в руках объяснить нам, почему выгоднее, чтобы места пустовали, чем продать их не «основному контингенту», как у них было принято называть нас. (А «основным» были уборщицы, шофера, парикмахеры из хозяйственного управления, потому что начальство отдыхало совсем в других местах.) И тогда я еще раз понял, что в стране, где я ро-

дился, вырос и даже стал профессором, я всегда был и буду не «основным контингентом».

А у Эллы всем были рады и устраивали мгновенно, даже в период наибольшего наплыва в конце июля – начале августа. Питание было домашним, без изыска, но до отвала – а после купания и лодочной прогулки ели много. Жили в основном в палатках, «аристократы» снимали углы в деревенских домах. Оборудование базы, конечно, было примитивным, на уровне студенческого туризма тех лет. Зато народ...

Это были те научные работники (а среди них немало докторов наук, профессоров и попадались даже академики), которые, прежде всего, ценили природу и покой. Для них главное – общение, доброжелательная, культурная, духовная среда, человеческое (а не советское) отношение к окружающим, умение себя занять и другим рассказать что-нибудь интересное. Словом, здесь я впервые почувствовал, что это мой контингент, хотя в стране, наверное, он тоже – не «основной».

Как-то в середине 80-х годов аспирант Института географии, у которого отец был управляющим делами ЦК Компартии Грузии, достал нам путевки в любимые Гагры, в цеховский санаторий «Тбилиси». Все там, конечно, было «на уровне». Да Гагры уже были не те, что 20 лет назад, и общество толстых партийных чиновников, пивших без конца хорошие грузинские вина, утомляло. В Михалёво – лучше.

Естественно, состав отдыхающих каждый год менялся (хотя «аборигены» обычно составляли основную часть отдыхающих), но не менялось самое главное – необыкновенное сообщество интеллигентных, дружелюбных, грамотных и интересных людей, то есть научная элита, так сказать, среднего класса (высшая отдыхала на собственных дачах в охраняемых уже тогда поселках типа Николиной Горы или Дарьино).

На базе всегда царила неповторимая атмосфера дружелюбия, внимания и поддержки, какая-то особая аура, пиршество души и духа, а иногда и чего-нибудь покрепче – на фоне теплого летнего вечера и милых лиц. Словом, чуть ли не впервые на отдыхе я почувствовал себя «основным контингентом». Жизнь на базе была спокойной и интересной, прекрасно организованной Эллой Ланге. У нее в голове, видно, была маленькая ЭВМ, потому что решение всегда принимались быстро и, как нас учили, единственно правильное. Даже помогать в доставке продуктов было многим интересно. Когда в этом нужна была помощь, желающих всегда было больше, чем требовалось. Продукты обычно привозились с подмосковных баз и сгружались на другом берегу довольно широкого залива, против пристани. Дальше их перевозили в лодке через залив, а потом на тачках – на кухню. Особенно весело это было делать под дождем, да еще и некоторые палатки начинали протекать. Но всем, тем не менее, было хорошо...

Выяснились и некоторые склонности интеллигенции среднего возраста (50–80 лет): один очень любил колоть дрова для кухни, другой – чинить колодец, третий – косить луговину, на которой стояли палатки, кто-то писал научный труд, сидя на бревне. В общем, жили разнообразно и свободно, и в этом отношении Михалёво было островом, островом Радости в стране Советов.

Вечерами нередко проходили замечательные лекции-беседы литературоведа Льва Алексеевича Шилова о поэзии Блока и других, менее известных поэтов, например, о творчестве Марии Сергеевны Петровых (1908–1979). О ней я узнал только в Михалёво, ведь ее прекрасные лирические стихи почти не издавались при жизни, а они входят в сокровищницу русской поэзии XX века в одном ряду с лирикой А. Ахматовой и Б. Пастернака. Вот послушайте:

Нет, не поеду я туда,
Давно уже зарок положен.
Я знала Коктебель тогда,
Когда еще в нем жил Волошин.
А что там было? Синь, полынь
Да море. Небо и пустыня.
Там и теперь все та же синь,
Но нет пустыни, нет полыни.
Стеклом блистают корпуса,
Тесня волошинскую дачу,
И первобытная краса
Исчезла. Все теперь иначе.
Туда на бархатный сезон
Литературная элита
Съезжается, держа фасон...
Исчез мой давний дивный сон,
Но все, что было, не забыто.

Или «парижская бабушка» темпераментно рассказывала о вчерашнем Париже с фото и всякими иллюстрациями (она жила там постоянно с семьей дочери, но каждое лето приезжала с внучкой в Михалёво), а «английская бабушка» – о Лондоне.

И даже была бабушка, рассказывавшая о далекой Австралии. Кстати, эти рассказы повышали не только общекультурный уровень аудитории. Когда вскоре начался массовый отъезд весьма однородных в национальном отношении «аборигенов Михалёво», эти рассказы способствовали расширению самой географии эмиграции: наряду с США, Израилем, Германией она достигла аж Австралии.

Главное в воспоминаниях о Михалёво второй половины 80-х – начала 90-х годов прошлого века заключается вот в чем. Его неповторимая благодатная атмосфера, необыкновенный климат, интеллигентные, доброжелательные и вни-

мательные люди возвращают меня в добрую ауру Института географии конца 50-х – начала 60-х годов, о которой помнят и другие молодые тогда сотрудники института.

Увы, время, отпущенное для такого Михалёво, было очень коротким. В 1991 году кончился Советский Союз, началась новая для нас небывалая инфляция, и я теперь не помню, что можно было купить за 5 рублей. Летом 1992 года еще ездили туда, как и несколько других энтузиастов, самостоятельно. И больше никогда. Не хотелось разрушать воспоминаний.

Как мы потом слышали, там построили через леса и болота дорогу, началась застройка «новыми русскими».

И оставалось только вернуться к строкам М. Петровых:
Нет, не поеду я туда.

* * *

В Плёс мы попали почти случайно, в конце 90-х годов. До этого, каждый раз проплывая мимо небольшого городка, тесно связанного с именем Исаака Ильича Левитана (1860–1900), думали: «Хорошо бы здесь побывать!».

С Анной Александровной Гайдамак. Окрестности Плёса. 2000 г.

И вот в самом конце прошлого столетия мы решили неделю – другую провести в Плесе. Нам повезло, мы познакомились с Анной Александровной Гайдамак, сотрудницей Музея И. И. Левитана. Эта миловидная женщина устроила нас в небольшом, комфортабельном домике с участком. А кругом цвели вишни, благоухали кусты шиповника непривычного белого (а не розового) цвета, все подметено, а людей не видно.

В общем, после Михалёво мы снова очутились в раю, только с другим ландшафтом, да еще в благоустроенном жилище. Поэтому каждое лето (а их оставалось всего-то четыре до отъезда в Германию) мы посещали Плес, то прямым автобусом из Москвы, то теплоходом почти от дома до дома.

Плес (3,5 тысячи жителей) расположен на правом берегу Волги, ниже Костромы. Это климатический курорт с живописными окрестностями. Поселение здесь возникло еще в начале XV века, но известность к нему пришла только в конце XIX века и связана с именем И.И. Левитана. Великий художник-передвижник, создатель «пейзажа настроений» с присущим ему богатством поэтических красок, бывал здесь несколько раз. В Плесе он создал несколько шедевров, которым присуща скорбная одухотворенность, среди них «Над вечным покоем» (1894) с Воскресенской церковью начала XIX века.

Плес и к концу XX века сохранил притягательность красотой высоких холмов над Волгой, тишиной, сельской нерасторопностью жителей. И даже советская запущенность всего и вся, разрушенные в свое время церкви и Успенский собор (XVIII век), подпруженная водами Горьковского водохранилища Волга не мешают ощущению покоя этого уголка дальнего Подмосквья.

Заключительное заседание II Сократических чтений по географии.
Слева направо: первый ряд – Л.П. Ночёвкина, Ю.В. Спиридонова;
 второй ряд – А.Д. Арманд, В.Н. Порус, В.А. Шупер, Б.Б. Родоман,
 Д.А. Тимофеев, В.А. Пуляркин, Ю.Л. Пивоваров, Ю.Г. Липец.
 Плёс. Май. 2001 г.

Слева направо: Л.П. Ночёвкина, В.Н. Порус, Ю.Л. Пивоваров,
 В.А. Пуляркин, А.Д. Арманд, Д.А. Тимофеев, Ю.В. Спиридонова.
 Плёс. Май. 2001 г.

Поэтому, когда Слава Шупер (а теперь профессор Вячеслав Александрович) искал место для проведения Вторых Сократических чтений по географии, я порекомендовал ему Плёс¹. Сократические чтения – плодотворная попытка географов в союзе с философами обсуждать актуальные проблемы методологии науки в эпоху усиления интеграционных тенденций и междисциплинарных подходов к развитию научного знания. При этом основной принцип Сократических чтений, по мысли В. А. Шупера, говорить не о познанном, не столько о достижениях, сколько о нерешенных проблемах.

Чтения в конце мая 2001 года прошли нестандартно, в интересных дискуссиях, которые часто продолжались и после заседаний на фоне очаровательной природы левитановских мест.

В следующем году, буквально за два месяца до отъезда мы побывали в Плесе, и это был последний уголок России, который посетили перед эмиграцией.

¹Первые Сократические чтения состоялись в 1993 году в Ростове (Ярославском), и только через 8 лет стали проходить более регулярно – благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

XI. НАШИ ВСТРЕЧИ

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился.

А.С. Пушкин

Мы всегда были рады встречаться на различных совещаниях и конференциях со своими однокашниками. Но особенно запомнились наши общекурсовые сборища, которых на моей памяти было четыре.

Впервые мы собрались всем курсом (пришло более 70 «ребят») в 1976 году, через четверть века после окончания. Встреча проходила в ресторане «Волга» в большом зале на втором этаже Северного Речного вокзала. Однокашники, конечно, возмужали, даже самым молодым было уже под 50. Тем не менее наши девушки выглядели просто замечательно, лучше, чем много лет назад, в первые послевоенные годы: немножко отъелись, наконец, появилась какая-то парфюмерия, украшения. Только одна Галя Громова (кого-то там «дочка»), прилично опоздав, провела с нами рассеянно полчаса и отбыла. Остальные веселились чуть ли не полдня, выходили на балюстраду Речного вокзала, откуда открывалась днем прекрасная панорама Химкинского водохранилища – голубое небо и темно-синяя вода со снующими по ней теплоходами. Не хотелось расходиться, но поздним вечером пришлось. Жалко, что тогда мы не догадались пригласить фотографа.

Второй раз мы собрались в ресторане «Прага» в 1981 году. Нас было уже около 50, но все равно! Было и шумно, и радостно видеть всех, особенно тех, кого давно не встречали. На сей раз пригласили профессионального фотографа, так что о той встрече осталось много фотографий. Прошло уже 30 лет со дня окончания геофака, однако мы были все те же, когда встретились вновь – ведь все старели вместе.

В ресторане «Прага». 30 лет после окончания геофака. Слева направо: первый ряд – Лена Зиман (Райх), Яша Машбиц, Валя Чернецова (Бутузова), Алла Бушейкина (Петухова); второй ряд – Рена Васильева, Борис Шапалин, Юрий Пивоваров, Окмир Лившиц, Зара Фрейдина, Коля Никаноров, Володя Петухов, Дима Головкин. 1981 г.

В ресторане «Новые Черемушки». 35 лет после окончания геофака. Слева направо: Люда Бай, Валя Чернецова (Бутузова), Юрий Пивоваров, Рена Васильева, Ира Гаврилова, Дима Тимофеев. 1986 г.

У нас на Фестивальной. Слева направо: Яша Машбиц, Ира Гаврилова, Борис Шапалин, Ося Битерман, Алла Бушейкина (Петухова), Юрий Пивоваров. 1996 г.

На даче у Бутузовых. Слева направо: Валя Чернецова (Бутузова), Юлия Спиридонова, Юрий Пивоваров, Алла Бушейкина (Петухова), Дима Тимофеев, Люда Бай, Ося Битерман. Сходня, 1997 г.

Спустя 5 лет мы собрались вновь – лютым декабрем в ресторане «Новые Черемушки». Некоторые приехали из Ленинграда, Калинина (Твери), Рязани. Самым молодым уж было под 60. Чувствовали, что в таком большом составе мы встречаемся последний раз. С нами уже не было Юры Клейнера, Димы Головкина. Вот тогда-то к нам и обратился с тостом Юра Щербаков: «Дорогие братья и сестры!» (Почти как товарищ Сталин в июле 1941 года, когда настало время отвечать за свои «художества»). И столько было в его тосте и искренности, и «радости со слезами на глазах», и тоски, понимая все... Только его тост и запомнился из всех многих, что было на трех бурных веселых общих встречах.

А летом 2001 года, по прошествии 50 лет после окончания университета, примерно 20 человек собрались у Лены Стефанович. Она жила одна в большой трехкомнатной квартире, ее дети и внуки давно были во Флориде (США). Лена ежегодно к ним ездила, но жить там не хотела («Ничего там нет хорошего»). Тогда уже и самым молодым было свыше 70. А что говорить о фронтовиках? Алексей Ионин стал еще более молчаливым, только Джафар Ибрагимов с красивой густой, седой шевелюрой, как всегда, загадочно улыбался, рассказывая о жизни, о своих детях и внуках. А Ира Яблонская и в свои 73 года удивляла молодостью и гладким лицом, почти как 50 лет назад. «Каким кремом и с каких пор ты начала им пользоваться?» – спросил я. (Ведь Шарон Стоун, голливудская звезда, начала по совету матери следить за своей внешностью уже с 12 лет.) «Да никаким и никогда! Это у меня наследственное, такой же была мама», – ответила она. И еще много чего мы обсуждали, зная наверняка, что уж теперь-то вряд ли еще когда встретимся.

Были многочисленные и локальные встречи (до 10–12 человек) в 80–90-х годах. Сначала ежегодно у Аллы Петуховой, а потом по очереди то у Иры Гавриловой, то у Оси Битермана, то у нас. А летом, правда, в несколько ином составе, ез-

дили на дачу к Вале и Славе Бутузовым под Сходней, очень милой и доброй, на редкость приятной паре. Валя Чернецова на последних курсах вышла замуж за молодого лейтенанта Славу Бутузова. Вскоре его отправили в Пермь, и там Валя родила сначала Лену (она тоже окончила геофак, и я был руководителем ее дипломной работы), а потом еще сразу тройню! Все ее ребята – очень хорошие дети, сумевшие устроиться в этой жизни. А уже сын Лены (внук Вали) подарил маме машину BMW, на которой та лихо и много ездила. Валя всегда была честной и прямой. На прощанье она мне сказала: «Ехать вообще-то не очень... Но раз сын в Германии, то, безусловно, и вам надо быть с ним».

Теперь часто вспоминаю своих однокашников, и все, что осталось в памяти, спешу запечатлеть на бумаге.

На даче у Бутузовых. Слева направо: Юлия Спиридонова, Слава и Валя Бутузовы, Юрий Пивоваров, Наташа Данилова, Люда Бай.
Сходня. 2001 г.

ХІІ. ПЕРЕД ЗАХОДОМ СОЛНЦА: НА ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (МГПУ)

В нашей жизни мало радости. Но бывает. Для меня таким островом Радости был географический факультет МГПУ, где я работал всего-то пять последних лет перед отъездом в Германию. Там я уже почти 20 лет, но когда жизнь монотонна, она пробегает быстро и особо вспомнить нечего. И наоборот, где хорошо, комфортно, где много разных событий, пусть не таких больших, зато интересных, – это в воспоминаниях предстает достаточно протяженным во времени, а главное – значительным по существу. Поэтому мне и кажется сейчас, что я был на геофаке МГПУ много лет, во всяком случае, не меньше, чем в Германии.

Пришел я на факультет, имея значительный опыт изучения экономической географии, а вот в преподавании, в ее методике опыт был минимальный. Но все-таки был.

1. Преподавательская деятельность (до МГПУ)

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров в воспоминаниях о работе в Арзамасе-16 отмечал, что он с самого начала требовал от своих сотрудников параллельно с исследовательской вести преподавательскую работу; она дисциплинирует мысль и позволяет более логично, коротко и ясно излагать полученные результаты. Вот почему научные центры в Сибири в 60–70-х годах прошлого века создавались вместе с университетами, а в старых научных центрах, в том числе и в Москве, ведущие ученые во многих областях науки преподавали в МГУ и других лучших вузах столицы.

Но «простому смертному» при коммунистах преподавать, когда это вторая (по совместительству) работа, было практически невозможно. Только В. П. Максаковский с его неукротимой энергией устроился в конце 50-х годов на полставки в отдел географии стран народной демократии Института географии. Он рассказывал мне, что оформление очень сложное. Поэтому, получив разрешение на совместительство в институте на год, в октябре он тут же подавал документы на получение такого же разрешения на следующий год. Через несколько лет он от такого совместительства, конечно, отказался.

Поэтому я приобрел первый опыт преподавания только в 1979 году, когда получил приглашение кафедры экономической географии Львовского университета им. И. Франко прочесть небольшой курс (12–14 лекций) по странам народной демократии (доцент Луговой, который читал лекции по этим странам, серьезно и продолжительно заболел). Думал, что я их (студентов) «шапками закидаю». Хорошо, что брат Борис, который работал на геологическом факультете МГУ, предупредил, что для 12 лекций нужно довольно много материала, и надо поэтому готовиться. Тогда я внял «голосу разума», и все прошло во Львове хорошо, первый блин не был комом. Преподавание мне нравилось, и я вспомнил, как оно нравилось моим родителям, когда в первые послевоенные годы они по совместительству преподавали военно-санитарное дело студенткам МГУ.

В начале трудных 90-х годов (когда зарплату вовремя не платили) я читал лекции на геофаке Российского открытого университета (РОУ). Его организовал тогда еще Слава Шупер, который в узком кругу объяснял: «Факультет я создал не столько для образования молодых, сколько для того, чтобы помочь выживанию научных сотрудников». И действительно, это нас поддержало в то время, когда государство нас просто «кинуло». А там мы, помимо, пусть небольших,

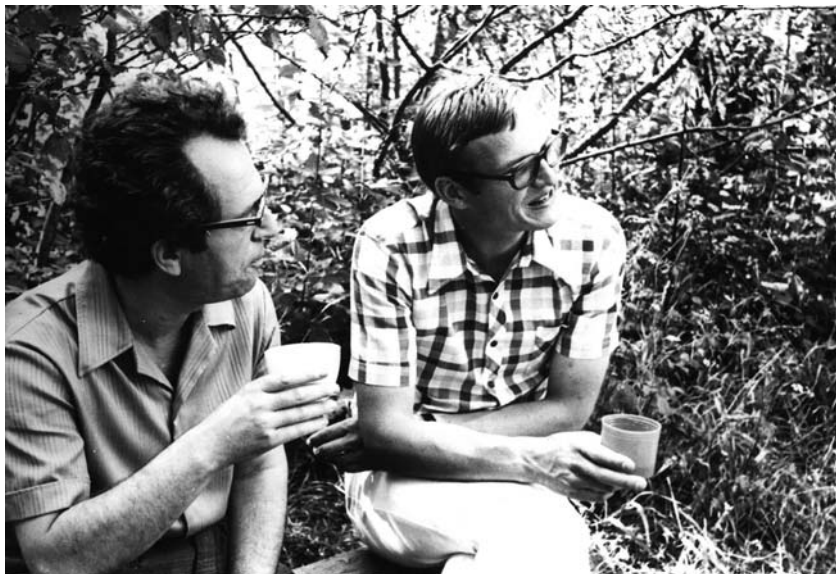
денег, получили хорошую практику общения со студенческой аудиторией. Занятия проводились вечером, и жена меня не отпускала одного, так как хулиганы ожили (у нашей соседки вечером отняли сумку с документами, другого избили).

А дальше «мои университеты» связаны уже с Чехословакией и Францией. Осенью 1992 года я был приглашен прочесть курс лекций в Карловом университете в Праге; тогда связи с чехами у московских географов были очень разносторонними. еще в 1977 году мы с Юлей были в гостях у профессора Мирослава Блажека, любовались этим волшебным городом, а на следующий год принимал участие (вместе с академиками Грузии и Украины Ф.Ф. Давитая и М.М. Паламарчуком) в работе XIV съезда географов Чехословакии в Левице (недалеко от Братиславы). В Чехословакию я попал впервые только в 70-х годах, когда уже перешел на тематику по урбанизации. А как хотелось там побывать в 50-х – начале 60-х годов, когда я работал над картой Чехословакии (в НРКЧ) и знал буквально каждый населенный пункт, а затем над диссертацией! Но «железная лапа» цепко держала нас за ногу. А в 80–90-х годах это уже было и не так интересно.

Весной 1994 года по приглашению Пьера Тореза я читал лекции целый месяц во Франции – в Международном университете Гавра, а затем в университете Нантерр-Париж группе студентов-урбанистов на кафедре профессора Ги Буржеля¹. Нагрузка профессора во французских университетах – всего 180 часов в год (примерно 18 часов в месяц!), а в России – 500–700 часов в год. Вместе с Пьером, несколькими преподавателями и студентами участвовал в двухдневной экскурсии в Бельгию. Визы в Бельгию, конечно, не было. Ректор

¹Отец Пьера, Морис Торез (1900–1964) был Генеральным секретарем Французской компартии в 1930–1964 годах; у меня еще с давних пор была хорошо изданная книга «Морис Торез – сын народа». Значит, Пьер – «внук». Он защитил в Москве диссертацию по Кавказу; прекрасно знал русский, так как в детстве много жил в Москве.

спросил: «Рискнете?» – «Конечно», – был ответ. Но границы как таковой не было, наш автобус и не останавливали. Просто на шоссе с напряженным движением обычный дорожный указатель: на одной стороне его – Франция, на другой – Бельгия, а машины в обе стороны несутся, не сбавляя скорости. Поездка по маршруту Гавр–Аррас (родина Робеспьера) – Гент–Антверпен (здесь была ночевка) и обратно через Брюгге и Руан, конечно, была очень интересной, особенно для географа, который всего второй раз был за «железным занавесом». Вообще, я тогда «заграницу» воспринимал как «вторую реальность», которой в действительности нет. Когда, перед возвращением в Москву, мы зашли вместе с Наташей – преподавателем французского языка из Краснодара – в огромный супермаркет, чтобы купить что-то с собой, закружилась голова от изобилия товаров, света и чистоты.

С Пьером Торезом. Подмосковье. 60-е годы

С географами Международного университета в Гавре.
Франция, Март. 1994 г.

В 1990 году наш бывший аспирант Виталий Белозеров, доросший к этому времени до проректора Ставропольского пединститута, попросил меня быть председателем Государственной экзаменационной комиссии (ГЭК), согласился при условии, что он во время паузы между 1-м и 2-м экзаменами организует мне с женой недельную поездку в Домбай. Я не очень представлял свои функции, но спросить было не у кого, приходилось на ходу соображать, что к чему. В Домбае в июне народу было мало, ходили на ледник Алибек, но уже с трудом, не то что раньше.

А главное, за эти 30 с лишним лет уютную Домбайскую Поляну, тихую среди величавых гор, застроили пятиэтажками, и Домбай много потерял, как, впрочем, и другие курорты Кавказа и Крыма. Нам показали находившуюся недалеко, но в отдельном, изолированном от застройки, ущелье дачу, скорее дворец Алексея Николаевича Косыгина (1904–1980), где он был всего 1–2 раза, если вообще был.

Наконец, в 1992–1997 годах являлся председателем ГЭКа на геофаке Государственного пединститута, когда деканом был Виктор Павлович Дронов, умный, деятельный и обходительный представитель следующего поколения. Теперь я в этом амплуа чувствовал себя уверенно. Запомнилось, как одна выпускница, докладывая свою дипломную работу, «поплыла», потеряла нить изложения. Я попытался ей помочь наводящим вопросом, а она еще больше растерялась и вдруг... бух в обморок. Когда надоело участвовать в госэкзаменах, по предложению декана стал членом Ученого совета факультета. Обычно заседания проходили спокойно и интересно (председателем был В.П. Максаковский). Я помнил, как трясся сам на защите, поэтому выступал очень гуманно. Так было и весной 2002 года, когда я выступал на совете последний раз перед отъездом в Германию. В перерыве, как и все, я получил бюллетень для голосования и что-то обсуждал с коллегами. Был, конечно, возбужден (знал, что больше здесь не буду), подошли с урной для голосования, и я механически сунул в нее бюллетень (не проголосовав!). А если в бюллетене ни «за», ни «против», он считается недействительным (и это практически «против», потому что нужны 2/3 голосов «за»). Аспирант с хорошей в целом работой получил чуть ли не на несколько десятых (если не сотых) больше 2/3, и тут я вспомнил, что по рассеянности не проголосовал и чуть было не угробил человека (кто-то еще «испортил» бюллетени без достаточных оснований, думаю). Такие результаты очень плохи для диссертанта и бывают крайне редко. Поэтому помню этот курьез до сих пор.

2. Географический факультет МГПУ

Однажды в августе 1996 года Леонид Рувимович Серебряный (1931–2000), один из наиболее талантливых географов нашего поколения, умница, эрудит, полиглот и очень информированный человек (информация, самая разнообразная, «липла» к нему), сказал мне, что в Московском городском

педуниверситете (его называли по имени мэра Лужковским) организуется географический факультет. И спросил, не хочу ли я читать там географию зарубежных стран.

В один из дней в конце августа мы встретились с ним и молодым почвоведом-агрохимиком, тоже сотрудником Института, Игорем Замотаевым на Рижском вокзале, чтобы ехать в район ВДНХ; там находились основные корпуса университета и ректорат (МГПУ тогда уже имел около 10 факультетов). Ожидая приема ректора, познакомились с деканом будущего факультета Валентиной Тимофеевной Дмитриевой и еще с несколькими преподавателями. Ректор, доктор исторических наук Зуев (кажется, в недавнем прошлом, зам. заведующего одного из отделов ЦК КПСС), коротко рассказал о задачах факультета, а в конце с ударением добавил: «Зарплату мы выдаем всегда вовремя». (Тогда это было существенно, так как во многих бюджетных учреждениях зарплату выдавали часто с опозданием, а то и вовсе не выдавали).

Факультету предоставили 4-й этаж стандартного школьного здания в противоположном конце, на юге Москвы, во 2-м Тульском переулке. А для торжественных мероприятий, как встреча с первокурсниками, вручение дипломов, использовали более вместительный класс на 1-м этаже.

История географического факультета (помимо всяких там формальных решений в ректорате и оформления кучи бумаг), по существу, началась так. Валентина Тимофеевна, человек очень ответственный, деловой и целеустремленный, но вместе с тем душевный, прямой, увлекающийся и увлекающий других, пересеклась где-то с Юлией Алексеевной Гридневой, дальневосточницей (следовательно, человеком особой закалки), тоже очень ответственной, умеющей работать оперативно, деликатной, располагающей каким-то неброским обаянием. Этот, как теперь говорят, тандем, выполнил огромную подготовительную работу, вплоть до

наведения после ремонта полного блеска к началу учебного года. А затем, по существу, держал на своих хрупких плечах, без преувеличения, всю «обычную» жизнь факультета со множеством мелких и не очень повседневных неурядиц и трудностей. Одна – декан, другая, по существу, зав. деканатом, и больше никого. Мы, преподаватели, приходили, проводили занятия и, мило улыбнувшись, прощались, а эти милые женщины – всегда на месте, всегда на факультете. Думаю, что именно Валентина Тимофеевна и Юлия Алексеевна создали с самого начала ту ауру доброжелательности, приветливого, уважительного отношения на факультете, то всегда приподнятое комфортное настроение, которое окутывало нас, едва мы переступали порог факультета (даже если до этого были чем-то огорчены или недовольны).

Валентина Тимофеевна как-то быстро подбирала для факультета подходящих по профессиональным и человеческим качествам преподавателей; были случаи, когда ей приходилось кое с кем тихо расстаться. И оставались только молодые, красивые женщины, и не уступающие им числом и умением мужчины.

В сравнительно короткие сроки на факультете, таким образом, сложился звездный коллектив преподавателей: И.В. Замотаев, Б.О. Манучарянц, Г.А. Приваловская, Л.Р. Серебряный, А.Ю. Скопин, О.В. Шульгина, А.Н. Ямсков, ну и, конечно, сама В.Т. Дмитриева. Автор тоже имел честь первые шесть лет принадлежать к этому коллективу, и, может быть, он судит предвзято. Но «быстрый старт» с нуля до одного из лучших географических факультетов педуниверситетов страны за какие-нибудь 6–8 лет (а в формировании любого вуза – это мгновение) – согласитесь, в этой оценке нет большого преувеличения.

И, конечно, очень деловые, но и очень уважительные отношения связывали преподавателей со студентами. В деканате иначе их и не называли как дети, и соответственно

к ним относились, понимая их трудности и проблемы. Ведь значительная часть студентов вынуждена была подрабатывать на жизнь. А некоторые наши «дети» сами уже имели маленьких детей. Иногда маленькие мамы вынуждены были сдавать экзамены и зачеты под рев в коридоре своих детей. Я обычно таких студенток очень быстро отпускал с хорошими отметками.

В кабинете декана географического факультета профессора В.Т. Дмитриевой. 1998 г.

Взаимопонимание укрепляло деловую, ответственную и, вместе с тем, легкую атмосферу, на факультете действительно легче дышалось, жизнь казалась более осмысленной. А какие устраивались «маленькие праздники» после окончания учебного года или по другим поводам. Преподаватели были, конечно, оживлены, рассказывали разные истории, но все они в большинстве случаев снова сводились к работе с «детьми», их успехам и неудачам, разговорам, как сделать занятия более интересными и содержательными, но и, конечно, тосты, шутки, смех... И все это под тихое звучание шедевров авторской песни (не так давно тогда вышел диск

«Песни нашего века», в котором, кстати, принимал участие выпускник геофака МГУ Гоша (потом Георгий Леонардович) Васильев). В свое время он работал у нас в отделе Института географии; затем стал видным бизнесменом и режиссером в театре на Дубровке, где осенью 2002 года произошел теракт. Вообще, есть что и кого вспомнить через 15 лет!

Только теперь, когда многократно посещают эти воспоминания, понял, почему они мне так дороги. Видимо, через 70 лет я вновь оказался на геофаке, где царила та же, не побоюсь этого слова, уникальная аура добра, доброжелательности, человечности и профессионализма, что и на геофаке МГУ в нелегкие первые послевоенные годы (да потом, пожалуй, еще в Институте географии конца 50-х – начала 60-х годов). Конечно, за эти годы многое изменилось: и даже страны той – СССР – не стало, и мы сами другие, и время, и место совсем иные. Но мало изменились и стали еще более дефицитными такие понятия, как добро, теплота человеческих отношений, понимание и сопереживание. Наверное, в этом все дело!

Профессор В.Т. Дмитриева и ее «гвардия».

Справа налево: А.Ю. Скопин, С.В. Овечкин, Б.О. Манучарянц

На геофаке МГПУ я особенно почувствовал, что такое комфортная обстановка и уважительное отношение, какая-то особенная аура, простые и нормальные взаимоотношения, поэтому всегда с удовольствием шел на факультет, с интересом читал лекции, общался со студентами и преподавателями. Такая деловая и вместе с тем дружественная атмосфера – целиком заслуга декана факультета профессора В.Т. Дмитриевой, прекрасного педагога и администратора, человека и географа. Словом, тот редкий у нас случай, когда человек, что называется, на своем месте, сумевший создать за несколько лет прекрасный, дееспособный коллектив единомышленников. Пожалуй, это второй (после А.А. Минца) случай в моей жизни, когда руководитель действительно соответствовал занимаемому месту, потому что был выше своих сотрудников, не подчеркивая это (у нас чаще, увы, обратная картина на всех уровнях). Валентина Тимофеевна всегда шла, где возможно, навстречу, и это вызывало ответное желание помогать становлению факультета. В общем, геофак МГПУ – это своего рода подарок судьбы «перед заходом солнца»¹.

¹Пьеса Герхарта Гауптмана (1862–1946) «Перед заходом солнца» (1932) с блеском шла в Академическом Малом театре в Москве в 70–80-х годах прошлого века. Главную роль Матиаса Клаузена превосходно играл народный артист СССР Михаил Иванович Царев (1903–1987), один из крупнейших представителей советского драматического искусства второй половины прошлого века.

ХІІІ. КОГДА ПОГРЕБАЮТ ЭПОХУ...

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит.
И только могильщики лихо
Работают. Дело не ждет!
И тихо, так, Господи, тихо,
Что слышно, как время идет.
А после она выплывает,
Как труп на весенней реке, –
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...

Анна Ахматова

В жизни моего поколения, поколения моих родителей, а отчасти и родителей моих родителей, Вторая мировая война сыграла большую роль, поэтому история этой войны и ее последствия всегда меня интересовали. Мы привыкли к устоявшемуся и канонизированному взгляду на историю величайшей трагедии XX века: СССР всегда последовательно боролся за мир. Сталин стремился предотвратить мировую войну. Пакт 1939 года с Германией был спасительным для СССР, а присоединение Прибалтики, Восточной Польши, Бессарабии, Северной Буковины – вынужденным оборонительным шагом. Сталин к нападению на Германию в 1941 году не готовился, он готовился к обороне.

Такая красивая картинка из мира «второй реальности», нарисованная агитпропом и поддержанная в воспоминаниях наших маршалов и генералов, в трудах сотен специалистов по военной истории СССР, владела общественным сознанием (среди прочих – и моим) более полувека.

И вдруг «возмутителем спокойствия» стал историк-разведчик с непростой судьбой. Виктор Суворов (это псевдоним офицера советской военной разведки в Женеве, В. Резуна, ушедшего в 1978 году в Великобританию) сумел раскрыть тайну советской политики накануне Второй мировой войны, которая перевернула всю привычную историю страны Советов. Опытный военный аналитик, пользуясь исключительно открытыми, всем известными материалами, убедительно доказал: Сталин готовил войну и захват Европы. Он увидел, что в условиях послеверсальского мира «теория перманентной революции» себя не оправдала – для этого нужна война.

Поэтому с конца 20-х годов Сталин начал готовиться к завоеванию Европы. С этой целью были проведены социалистическая индустриализация, кровавая коллективизация, показательные процессы 30-х годов, создана под ширмой Коминтерна широкая разведывательная сеть за рубежом. Его целью было милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в нее в самый подходящий момент, когда европейские державы истощат друг друга, и остаться, в конечном счете, единственным победителем.

Таким образом, Сталин был главным виновником страшной трагедии. Именно он, а не Адольф Гитлер, которого он натравил на соседей¹. Этому посвящена специальная, вышедшая в США книга «Главный виновник», основанная на большом фактическом материале². В ней обосновывается положение, впервые высказанное В. Суворовым в 1989 году в книге «Ледокол» и развитое им затем в десятке других интересных книг. Название первой книги Суворова не что иное, как отсылка к выражению Сталина: «Гитлер – это ледокол грядущей мировой революции».

¹*Мильштейн Ури.* Добровольные помощники Сталина // Новая правда Виктора Суворова. М.: Яуза-Пресс, 2009. С. 257.

²*Suworow Victor.* The Chief Curprit, 2008. Видимо, эта книга не очень скоро будет переведена на русский язык.

Оказывается, товарищ Сталин мастерски намечал выполнить заветы Ленина: использовать «межимпериалистические противоречия» для того, чтобы, когда западные державы в войне ослабят друг друга, зажечь (с помощью советских войск) пожар пролетарских революций в Европе. Сталин видел в Гитлере «ледокол», пробивающий большевикам путь на запад, в непрочную послеверсальскую Европу¹.

Получается, что большего преступника в истории страны Советов трудно назвать, разве что «дедушка Ленин»². И значит, все карикатуры на поджигателей войны с их злобным оскалом, которые рисовал с 20-х годов для газет «Правда», «Известия» и других неутомимый долгожитель Герой Социалистического Труда Борис Ефимов (1900–2001), относятся прежде всего к «вождю и учителю»!

Провокация войны в 1939 году ему удалась, а вот с нападением на Европу летом 1941 года он немного ошибся в сроках и позволил Гитлеру напасть первым.

Результатом этого «маленького просчета» явилась катастрофа лета 1941 года и оккупация Гитлером огромной, экономически наиболее развитой территории СССР. На ее освобождение потребовалось целых три года кровопролитной войны, унесшей жизни десятков миллионов людей. Но, пожалуй, еще более значительно, особенно для военного и послевоенного поколений, статусное изменение СССР. Непротиворечивая концепция В. Суворова, поддержанная многими историками в России и за ее пределами, меняет статус сталинского СССР с «жертвы и освободителя» на статус «палача и агрессора», не «борца за мир во всем мире»,

¹Раак Р. Роль Сталина в развязывании Второй мировой войны // Вся правда Виктора Суворова. М.: Яуза-Пресс, 2009. С. 335.

²Писатель В.А. Солоухин (1924–1997) в рассказе «Читая Ленина» вспоминал письмо читателя («А Вы откройте томик Ленина. Т. 36, 5-е изд. С. 269 и прочитайте, что там написано»). Он взял в руки томик сочинений Ленина и пришел в изумление от человеконенавистнических откровений автора (См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 172).

а «поджигателя войны». Такова метаморфоза при переходе от милой сказки агитпропа к страшной и тяжелой для общественного сознания (среди многих – и моего) реальности.

За 30 лет концепция В. Суворова бесспорно выстояла в сугубо научных дискуссиях и серьезных альтернатив до сих пор не имеет, хотя она тяжко дается даже тем, кто не испытывал симпатий к сталинизму (типа Георгия Владимова или Наума Коржавина). И даже на Западе, скажем в Германии, научный истеблишмент до сих пор все еще крайне раздраженно реагирует на книги В. Суворова. Потому что замена в общественном сознании привычных советских стереотипов – спасителей мира от «коричневой чумы», защитников советской Родины, борцов против поджигателей войны – неудобна даже для многих на Западе по разным причинам. А что уж говорить о нескольких поколениях советских людей?

Светлая идея победы над гитлеровским фашизмом косвенно оправдывала для многих все – немыслимые потери в военные, довоенные и послевоенные годы, рабский труд, нищету, ГУЛАГ, переселение «наказанных народов» и т.д. Поэтому отказаться от нее оказалось психологически гораздо труднее, чем распрощаться с коммунистической идеологией.

Концепция Суворова коренным образом не только изменила наше понимание всей истории страны Советов. Она лишила массу людей нравственного оправдания тягот собственной жизни, осознания того, что они не спасители мира от фашизма, а агрессоры. То, что советский народ уже давно был агрессором по отношению к Финляндии, Польше, странам Прибалтики, Румынии, в нашем сознании обычно и не возникало. Ведь тогда не было никакой другой информации, кроме советской, по которой мы были, конечно, освободители, а не оккупанты (хотя то, что мы оккупанты, в Литве знали и дети, как уже об этом говорилось выше).

Чисто советский тезис о том, что советский народ-освободитель спас мир от «коричневой чумы», глубоко си-

дит в подсознании народов СССР. Этот тезис для многих не только единственное оправдание всей тяжелой жизни, но и основа самоуважения. Поэтому сознание обычно изо всех сил сопротивляется мысли, что это было не так. Что жизнь советских людей, переживших сталинскую эпоху, моральных оправданий вообще не имеет. Что ее остается только стыдиться, как стыдятся немцы стольких лет нацистского правления¹.

Немцы давно покаялись в своем нацистском прошлом. Канцлер Вилли Брандт в свое время преклонил колено в Варшаве перед жертвами нацизма. По немецкому телевидению и ныне 1–2 раза в неделю, а то и больше по какой-либо из основных программ идет передача с осуждением своего прошлого. С нынешними националистами-экстремистами борются (без имитации) и власть, и демократическая общественность.

Другое дело у нас. Коммунистическая идеология не была официально осуждена, а значительная часть населения продолжает ею гордиться (и эта гордость постоянно подпитывается обширной околонучной литературой), как и великими завоеваниями социализма, успехами сталинских пятилеток, победой в Великой Отечественной войне под руководством «полководца всех времен и народов». В брежневские времена наметился дрейф в сторону сталинизма, а в стабильные нулевые он значительно усилился.

И вдруг... все совсем не так!

Открытие В. Суворова, конечно, очень не понравилось сотням и тысячам военных историков, генералам из Института военной истории Министерства обороны и туче проповедников всех мастей, авторам многих околонучных измышлений (типа С.Г. Кара-Мурзы или А.Г. Буровского). Ибо все

¹Хмельницкий Д.С. Виктор Суворов, советская история и советские люди // Откровения Виктора Суворова. 3-е изд., доп. и испр. М.: Яуза-Пресс, 2011. С. 297–298.

они более полувека перепевают советскую интерпретацию политических событий в Европе 30–40-х годов, содержащуюся в знаменитой брошюре 1948 года «Фальсификаторы истории» (судя по стилю, она написана Сталиным). И вдруг разведчик-перебежчик убедительно показал всему миру, кто на самом деле фальсифицирует историю. И из этого косвенно следует также, что недоучившийся студент и незадачливый семинарист (при всей их гениальности) не в силах были понять, что цивилизованный мир (и прежде всего Европа) никогда не прельстят колючая проволока ГУЛАГа и деспотия этих гениев. Увы, и Ленин, и Сталин были бесами российской и мировой истории. Их преступления агитпроп переименовал в подвиги. В романе «Бесы» Ф.М. Достоевский провидел и описал появление в будущем таких дьяволов. Тем не менее удивительно, насколько действия и высказывания героев романа оказались близки к деяниям наших «вождей мирового пролетариата». Все это очень аргументировано показал нам один из лучших знатоков творчества великого писателя Ю.Ф. Карякин¹. А вот как характеризует «полководца всех времен и народов» Марк Солонин в качестве одного из выводов в своей капитальной работе: «Политический банкрот и презренный трус, не набравшийся в первые дни войны даже смелости обратиться к народу с разъяснением произошедшего, был объявлен «творцом и организатором Великой Победы»².

Для моего поколения это открытие тоже перевернуло многие представления. Оказалось, что нищая жизнь, полная унижений и ограничений, эвакуация, фантастический послевоенный быт в коммуналке на Метростроевской, 4, дрова

¹Карякин Ю. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). М.: Радуга, 2007. 416 с.; Он же. Бес смертный. Приход и изгнание: О Ленине, Сталине, Пол Поте, а также о Солженицыне и Сахарове. М.: Новая газета, 2011. 240 с.

²Солонин М. 22 июня: Анатомия катастрофы. М.: Яуза: Эксмо, 2011. С. 379–380.

посреди комнаты, положение (за что?!) «невъездного» – все это мы терпели не для создания великой страны, а лишь из-за невежества, дурости и цинизма наших вождей и для того, чтобы стать агрессором и Империей зла. И мы (среди них и я), правда, не зная и не ведая, но все равно объективно были участниками этих потуг «кремлевского горца».

Еще в Михалёво Нина Бурова, врач-пульманолог высшей квалификации, как-то бросила мимоходом: «Украли у нас жизнь большевики!» Думаю, что это так и есть. Они не только погубили физически десятки миллионов невинных людей, но и принесли горе еще миллионам семей (об одной из них я рассказал выше). Но и те, кто оставался по эту сторону колючей проволоки, как я, – все мы дышали отравленным воздухом ГУЛАГа. А это и было основой созданного Лениным и Сталиным государства ГУЛАГ, самая суть советской Империи зла¹.

Только этим, отравленным воздухом, которым все мы дышали десятилетиями, можно объяснить многие нелепости и мерзости страны Советов. Многое из них происходило на моих глазах. Например, почему профессор И.А. Витвер, основоположник изучения в СССР экономической географии зарубежных стран и заведовавший 30 лет одноименной кафедрой на географическом факультете МГУ, декан факультета в годы войны, лауреат Сталинской премии, никогда не был за рубежами страны!? Или другие мои учителя профессора Б.Ц. Урланис и И.М. Маергойз, как и профессор И.Д. Витвер не были в АН СССР? А в нашем поколении один из лидеров мирового почвоведения В.О. Таргульян или виднейший геоморфолог Д.А. Тимофеев, или оригинальный и разносторонний экономгеограф В.А. Пуляркин? Зато академиком стал В.В. Воробьев, сильно уступавший не только мрим учателям, но и моим однокашникам, но его очень лю-

¹Сарнов Б. Империя зла: Невыдуманные истории. М.: Новая газета, 2011. 272 с.

бил Иркутский обком КПСС. В нормальной стране Моцарт охраняется от массовых Сальери. «И только советская власть поддерживала бездарность против дара, леность против трудолюбия, уродство против красоты, косноязычие против нормальной речи»¹.

Эти тысячи нелепостей и глупостей наносили огромный вред всем сторонам жизни, они охватывали всю социальную лестницу, включая самые ее верхние этажи со «звездами» мирового класса. Всемирно известную певицу (которая отчасти стала таковой после изгнания из страны) Галину Вишневскую как-то спросили: «Как Вы думаете, если бы не «железный занавес», мог бы Лемешев стать мировой звездой?» (Это о кумире любителей пения 30–60 годов, обладавшем редким по красоте, всегда молодым голосом и огромным артистическим обаянием). «Конечно. С его-то обаянием. Он, наверное, стал бы таким, каким мы его себе и представить не можем»². Это по оценке примадонны Большого театра.

А вот что наблюдал я сам. В 1978 году в Большом зале Консерватории в Москве был прощальный концерт Беллы Давидович (перед отъездом в США), известной пианистки, интерпретатора композиторов-романтиков, особенно Шопена (еще в 1949 году она получила 1-ю премию на Международном конкурсе им. Ф. Шопена в Варшаве). Б. Давидович прелестно исполнила 24 прелюдии Шопена. Но сам вид ее, неуверенный, даже несколько робкий, скромное, совсем не концертное платье как-то диссонировали с блестящей игрой. Примерно через 15 лет (когда эмигранты уже могли свободно приезжать в Россию) я увидел совсем другую женщину – уверенную, полную жизни и огня, в прекрасных концертных нарядах. Вместе с сыном, скрипачом Григорием Ситковецким она играла сонаты Шопена и снова радовала

¹Тарощина С. Почему их лишили бенефиса? // Новая газета. 2012. №19. 22 февр. С. 24.

²Новая газета. 2011. № 45. 27 апр. С. 21.

слушателей своим искусством. Вот такая метаморфоза. Почему всегда одно и то же? И кто, и когда за это все ответит?

В школе нас учили, что искусство принадлежит народу. И обычно отражает реальную жизнь. Правильно! Я в свое время посмотрел по телевидению 4-е и 5-е действия (вернее 4-е, а на 5-е меня уже не хватило) чудесной оперы двух гениев – А.С. Пушкина и М.И. Глинки – «Руслан и Людмила» на новой, огромной после 6-летней реконструкции сцене Большого театра России в постановке Чернякова. Сказать, что впечатление ужасное, – значит ничего не сказать. Эту постановку трудно рассматривать в терминах искусства, к которому она относится по мнению ее авторов. А в плане нравственном, этическом возникает лишь один вопрос: какой же наглостью и полным отсутствием ответственности должны обладать иксановы, черняковы и иже с ними, чтобы после огромных (и, видимо, чрезмерных) затрат на первой сцене огромной страны устроить балаган в больнично-постельном духе с элементами глупой эротики вместо милой сказки для взрослых? Не случайно при реконструкции Большого театра лепнину XIX века заменили позолоченной пластмассой. Также и оперное искусство в Большом театре с его великими традициями нынешние деятели заменили пошлым кабаре на потребу быдл-класса, маргиналов и «новых русских».

Открытие и книги В. Суворова, поддержанные серьезными историками во многих странах, очень важны для преодоления толщи лжи, под которой погребена эпоха преступного сталинского режима. Они заложили краеугольный камень для создания в будущем подлинной истории страны Советов. Той истории, о которой более 60 лет назад, после кончины «отца народов», говорил мне, повторим, профессор И.М. Маергойз: «Когда будет написана подлинная история нашей страны, включающая деяния Сталина, то и Нерон (жестокий и вероломный правитель Древнего Рима в первом веке нашей эры) не покажется столь уж страшным».

А пока у каждого из нашего поколения «своя» история страны. И у академика, и у «рожденного быть кассиром в тихой бане». Одна профессорша из академического института умильно щебетала: «В какое интересное время мы живем!»

Не только оптимисты, но и многие скептики, антисоветчики считали, что все нелепости или подлости связаны с недостатками отдельных людей или всей системы, и еще что-то можно сделать, улучшить. Очень хотелось социализма «с человеческим лицом». Не понимая, что социализм и человеческое лицо – понятия несовместимые.

И только теперь приходит понимание, в какую трудную и позорную эпоху мы жили, каков был действительный фон всей нашей жизни, о которой вспоминаю и размышляю.

И здесь не соглашусь с профессоршей. Наши власти, повторим, привыкли выдавать свои поражения за победы, и нас к этому приучали. Вот наиболее способные ученики и выдавали за «интересную» нашу мрачную и постыдную эпоху.

Мне гораздо ближе ее оценка Лилианной Лунгиной, переводчицей художественной литературы: «Один из самых катастрофических аспектов нашего режима в том, что он деформировал личность каждого. Жизнь была настолько сложна, настолько полна ловушек, опасность погибнуть была так реальна, так ощутима, что все это развивало в нас самые худшие черты». И далее: «Мы ведь не могли позволить себе роскошь быть самими собой. Все-таки психологически все мы были рабами. Мы мирились с подневольным положением, со страхом, ложью. В этом мире, где с детского сада надо было учиться приспособливаться...»¹.

Это уже гораздо ближе к «тексту времени». Ведь тоталитаризм имеет долговременные последствия, и они так же смертельно опасны для человеческой психики, индивиду-

¹ Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. «Подстрочник». М.: Астрель: CORPUS, 2010. С. 194.

альной и коллективной, как опасны для человека и природы последствия атомного заражения¹.

Такова была страшная эпоха, погребенная под толщей лжи! Некоторые читатели считают, что в воспоминаниях и размышлениях большое место занимает Виктор Суворов. Я с этим не согласен. Надо различать офицера военной разведки В. Резуна, ушедшего в 1978 г. в Великобританию, и историка-аналитика Виктора Суворова. В. Резун как предатель в СССР приговорен к расстрелу. С этой поры прошло более 40 лет, да и страны той давно нет; плюс срок давности и плюс серия (более чем из десятка) интересных книг. В общем, я за то, чтобы его не считать в РФ предателем и снять с него приговор 1978 года.

А во-вторых, очень интересна сама концепция В. Суворова, основанная только на открытых материалах. Если она подтвердится архивными материалами Генштаба СССР (они еще не открыты и спустя более 70 лет со дня окончания Второй мировой войны), то и вопроса нет: это лучшая концепция, которая переворачивает «с головы на ноги» всю историю подготовки Второй мировой войны. Что же лучше – и свыше десятка интересных книг, или еще один труп с далеко необоснованным приговором?

В одной из своих книг В. Суворов отмечает, что у него – несколько мешков писем от солдат ВОВ, в которых содержатся эпизоды и факты их фронтовой жизни, подтверждающие его концепцию.

У меня же всего два факта, тоже подтверждающие, что В. Суворов – замечательный аналитик. В бытность мою в НРКЧ (1951–1956), я занимался, как отмечено выше, редактирование крупномасштабных (М. 1: 600 000) настенных карт для ВУЗов: Польши (на 4 листах), Чехословакии (на 2 листах) и Венгрии (1 лист) (Прилож. 2), используя

¹*Халпахчян Вадуи*. Проверка слуха // Виктор Суворов без цензуры. М.: Юза-Пресс, 2011. С. 571. Подстрочник.

секретные тогда топографические карты М. 1: 100 000 и М. 1: 200 000. И еще тогда я обратил внимание, что на все эти страны, граничащие с СССР, есть свежие топографические карты (или рекогносцировки 1938–1939 гг.). Но хорошие (свежие) карты охватывают только приграничную полосу и территорию этих стран, а на более глубинные районы СССР не распространяются. На внутренние районы СССР карты или очень старые, или их просто нет. Тогда я только удивился, а теперь думаю – а почему?

Далее, мой тесть Владимир Николаевич, окончивший Московский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии в 1941 г., был отправлен не на фронт, а на топографическую съемку аж Пензенской области, 400–500 км юго-восточнее Москвы. Там он с августа по октябрь 1941 г. был начальником топографической партии, которая составила впервые топографические карты области. А как объяснить это? Не знаю!

И даже если концепция В. Суворова подтвердится архивными данными не полностью (или не подтвердится совсем, чего не исключаю), то и тогда его роль в изучении правдивой истории подготовки Второй мировой войны, ее выявленных поджигателей того, что замышлял «дядюшка Джо» (И.В. Сталин) – будет очень велика! Так что и не знаю, кто он – Виктор Резун (Суворов) – предатель или аналитик и умница. Думаю, что все-таки второе. Поэтому концепции Суворова стоит уделить такое место в размышлениях о величайшей трагедии XX века.

XIV. ПОМНИ ЭТО, ПОМНИ ЭТО...

Людям не нужно видеть правду.
Они сами ее знают, а кто не знает,
тот и увидит, так не поверит.

Андрей Платонов

Воспоминания часто окрашены в розовые тона. Это естественно. Человек, отвлекаясь порой от невеселых дум, вспоминает времена, когда он был молод и силен, своих друзей, коллег и учителей, поездки по интересным районам страны и даже в «социалистические» страны. Нашу молодость с дружбой и любовью, с лыжными и байдарочными походами, с кострами до рассвета, с теплым даже в октябре, а иногда и в ноябре Черным морем, с волшебными тогда Гаграми, Пицундой и Ялтой. Все это не имело никакого отношения к общественному строю: даже на плантациях рабовладельческого юга США в свое время негры пели спиричуэлс и танцевали под звездным небом.

Мы не выбираем времена, в которые нам пришлось жить, это был не наш выбор, но все хорошее, что с нами произошло, это – по большому счету – наша заслуга. Мы сами учились, сами выезжали из жутких коммуналок, строили свои семьи, познавали такой разный – прекрасный и подлый – окружающий мир. И все это не благодаря, а вопреки советской власти. Поэтому не надо нам рассказывать о том времени мифы и легенды, мы ведь многое еще хорошо помним и поэтому спешим рассказать и другим.

Мы помним горечь и ужас начала войны в 1941 году, эвакуацию, трудные и голодные военные и послевоенные годы, непередаваемый быт нашей московской квартиры. Но все

равно нам повезло намного больше, чем поколению наших родителей. Потому что не было «красного террора», еще одной войны или голода. Но если вспомнить события вокруг Берлина (1953), Будапешта (1956), Карибский кризис (1962), Афганистан (1979–1989), то только чудо отвело нас от большой беды в результате безответственных решений нашего ареопага.

Многие «славные» страницы нашей истории (теперь в трудах и боях с догматиками проступающие сквозь откровенную ложь) – сталинские пятилетки, раскрестьянивание деревни (под названием «коллективизация»), создание мощного военно-промышленного комплекса во многом трудом миллионов «без вины виноватых» страдальцев Архипелага ГУЛАГ, гнусные попытки придуманную еще Троцким «теорию» перманентной революции проверить на странах Европы – все это не повод гордиться «завоеваниями» социализма, цена которым – десятки миллионов загубленных жизней. Ведь Рузвельт вывел США из кризиса начала 30-х годов без нацизма и сталинизма, поэтому вечно думать о подвигах Гагарина, покорителей целины, строителей крупных ГЭС на Волге или БАМа, как о великих свершениях – мелко, не тянет при сравнении с благополучными странами.

Да, я получил образование в лучшем университете страны, бесплатное, как я думал тогда. А теперь я думаю иначе: мои родители, врачи, всю жизнь работавшие за гроши, с лихвой оплатили и мое образование, и многое другое. А в МГУ мы тратили до четверти всего времени, если не больше, на изучение Краткого курса ВКП(б) – этой библии страны Советов, трудов классиков марксизма-ленинизма, да еще придумали нам политэкономии социализма, да еще военное дело. Сколько времени за 5 лет ушло впустую! А вся эта злонамеренная ложь была скверным источником знаний для юноши, вступающего в жизнь. И сколько времени понадобилось потом, чтобы понять все это.

А чего стоили бесконечные сказки для взрослых о сталинском плане преобразования природы (такой курс даже читал нам один из уважаемых профессоров), об освоении Севера и Востока страны по комсомольским путевкам, об осуществлении Продовольственной программы, о бесчисленных передовиках колхозов и совхозов, когда уже с 1963 года СССР перешел на постоянный импорт зерна. Или о крепнущем единстве международного коммунистического движения, объединявшего более 100 партий (и все их руководство обильно кормили за наш счет). Или о создании Совета Экономической Взаимопомощи и организации Варшавского договора, которые прочно привязывали экономику и политику стран Восточной Европы к колеснице СССР. Об оказании братской помощи Чехословакии (оккупация 1968 года), о поддержке и вооружении (практически бесплатно) одиозных режимов во всех странах мира и во все времена и сотни других примеров ненужных, безграмотных или злонамеренных деяний за счет народа. Кто это может нам объяснить, зачем все это?

После бесславного и закономерного конца СССР была надежда на превращение России в демократическое государство с рыночной экономикой. Видно, мы плохо читали труды Г.П. Федотова или А.С. Ахиезера и других мыслителей о печальных постсоветских перспективах. Но очень хотелось!

А вместо этого нам снова рассказывают сказки об «эффективном менеджере», счастливом прошлом, стабильных нулевых, великой державе, необходимости вооружаться (от какого врага?), в общем, о сказочном будущем, снова сказки. Но нам все вспоминается совсем иначе. Очень коротко и ясно о наших воспоминаниях и ожиданиях сказал писатель В. Зеленогорский: «Мы свидетели и ждем возмездия, когда те, кто сегодня поет осанну СССР, предстанут перед судом, в котором невинные жертвы встанут из своих братских могил и предъявят счет за свою поруганную жизнь». А дальше

не менее актуально. Адепты «советского режима, честь которого защищают с пеной у рта, ностальгисты с зарытыми на дачах партбилетами должны понять: вы принимаете на себя прошлые преступления и отвечаете по счетам ваших кумиров»¹.

А счета этим «кумирам» за их преступления заметно возросли в последние 10–15 лет. Открылась часть архивов, недоступных более полувека, а главное, появилось новое поколение историков-профессионалов, служителей истины, а не агитпропа. И перед ними предстает совсем другая история страны, свидетелями которой было мое поколение. Ее стержень – череда преступлений сталинского режима: кровавая коллективизация, форсированная индустриализация за счет нищенского уровня жизни населения, участие «великого кормчего» в развязывании войны, большой террор все годы (не только 1937–1938 годы). В 1940 году в лагерях, тюрьмах и на «спецпоселениях» находилось 3,6 млн. человек (в том числе почти 2 млн. – в ГУЛАГе), а всего за предвоенную «семилетку» (1934–1941) 6 млн человек побывало за решеткой².

Цель «вождя народов» – создание мощного военно-промышленного комплекса, военной экономики в мирное время и самой большой армии в мире для покорения Европы. К 1941 году в Красной армии насчитывалось почти 6 млн человек с первоклассным вооружением. По всем количественным и качественным параметрам вооружение Красной армии значительно превосходило вермахт. И тем не менее сокрушительный разгром в 1941 году.

Как это могло произойти?

¹Зеленогорский В. Козлиное время // Новая газета. 2011. № 88. 15 авг. С. 11.

²Черная книга коммунизма. Сборник статей. М.: Три века истории, 2001.

Только относительно недавно, наконец, получен правдивый аргументированный ответ после 70 лет лжи агитпропа, наших маршалов и генералов времен войны, военных историков из Института военной истории Министерства обороны СССР. Исследования (с привлечением архивов) нового поколения ведущих российских и зарубежных ученых подтвердили (помимо интересных и непротиворечивых дополнений) сенсационную концепцию Виктора Суворова. Она навсегда изменила представления о нашем прошлом: о сталинской внешней и внутренней политике накануне Второй мировой войны, о причинах и виновниках величайшей трагедии в человеческой истории, о катастрофе 1941 года, о крахе сталинской стратегии, о несостоятельности героев Гражданской войны в совсем другой битве – против гитлеровского нашествия¹. Опровергнуты были самые расхожие мифы о поджигателях войны, бесчисленные вымыслы маршалов и генералов, казенных профессоров и военных историков о событиях и ходе Великой Отечественной войны. Одновременно заложен фундамент истинной истории не только Второй мировой войны, но и России в XX веке, которая когда-то будет написана.

Тогда же, наверное, станут яснее и глубинные, долговременные последствия Великой Отечественной войны для самой России.

Как сказалась гибель миллионов самых лучших, самых честных, самых смелых на нравственных устоях, на самом генофонде нации?

Не надорвались ли духовные силы народа на сверхчеловеческом напряжении тех четырех лет войны?

Не оказалась ли та ярчайшая вспышка массового героизма, массового самопожертвования, которые явил изум-

¹См.: Солонин М. 22 июня: Анатомия катастрофы. М.: Яуза: Эксмо, 2011. 480 с.

ленному миру советский народ, последним приливом сил умирающего?¹

Ответ на эти вопросы сможет дать только сама жизнь. Но уже и теперь ясно, что счет истории к вождям-людоедам, к маршалам-мясникам, к генералам – или просто невеждам в военном деле, или предателям – значительно возрастет². И уже возникает новый вопрос: а не является ли нынешнее озверение социума в России, рост быдл-класса, узаконенное беззаконие, невиданная коррупция и воровство и т.д. и т.п. одним из отголосков той войны?

А для меня все это было вторым (после XX съезда КПСС в 1956 году) оглушающим ударом по голове, довернувшем все представления об истории страны Советов до упора. Что же, значит, и «дедушка» Ленин, придумавший в кофейнях Цюриха и Женевы счастливое будущее для рабочих и крестьян, и вождь-параноик из духовной семинарии (хотя в чем-то и гениальный), и их соратники и последователи десятилетиями успешно «пудрили мозги» народу? И все их обещания дать землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим, а всем свободу и братство – все это не более чем ложь шайки недоучившихся головорезов? Как и их стремление, опираясь на теорию «перманентной» революции, учение о классовой борьбе, диктатуре пролетариата и прочие премудрости, которым нас обучали в университете, осчастливить всем этим для начала Европу, а там видно будет!

¹Солонин М. 22 июня: Анатомия катастрофы. М., 2011. С. 454–455.

²Так, на самом верху военной иерархии находились любимые народом маршалы Ворошилов, Жуков, Тимошенко, генерал армии Кирпонос (командующий в 1941 году самым мощным, Киевским военным округом), которые, как и многие другие советские военачальники, имели только два класса церковно-приходской школы. На таком фоне просто неприлично интеллигентным смотрелся маршал Мерецков – у него было 4 класса сельской школы и вечерняя школа для взрослых в Москве.

За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено 23 бывших генерала Красной армии – и это не считая тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок; Там же. С. 378–380, 390–391.

Но эти бредовые идеи низвели богатую ресурсами и талантливыми людьми Россию до положения отсталой слаборазвитой страны (правда, с атомной бомбой), а главное – сказались на нравственных устоях, самом генофонде страны. Под звучные, но подлые лозунги было уничтожено и разогнано по свету дворянство – этот носитель уникальной русской культуры, проведено кровавое обезбоживание нации, затем бесчеловечное раскрестьянивание многовековой крестьянской страны, красный террор «всю дорогу» (не только в 1937 году), колоссальные жертвы десятков миллионов во Вторую мировую войну. А после всего этого – проведение экзекуции и над землей, путем сталинского плана преобразования природы, «покорения целины», превращения красавицы-Волги в систему водохранилищ, затопивших столько плодородных земель, строительство БАМа. Как все это можно оценить, и кто за все это ответит, и по каким счетам истории?

И все эти «художества» затронули в той или иной мере каждую семью. О двух жутких судьбах было выше и в моих заметках. Конечно, не минули они и нашу семью. В 1917 году ограбили моего дедушку – квалифицированному и обеспеченному при царе строителю пришлось заняться производством шнурков; жертвами террора стали двое моих дядей, двоюродный брат погиб на войне, а отец участвовал в трех войнах. После последней войны он пытался начать научную работу, да разве это можно после 50 лет? А нищета и полуголодная жизнь семьи многие десятилетия?

Хорошо помню, как мы, дети (шесть человек), во время эвакуации прижимались к горячей печке, голодные и холодные, а затем всякие пакости в НРКЧ и других органах, унижения – от распределения в МГУ до положения «невыездного», а когда случались редкие и кратковременные поездки в «социалистические» страны, то «бедная» академия отправляла почти без денег. И помощь приходила от более

молодых коллег в Венгрии или Польше, но не от родной академии и ее Иностранного отдела, набитого кэзэбэшниками «под завязку». Может быть, эти строки из жизни кому-то покажутся слишком эмоциональными, даже резкими, но они не выдуманы, просто не всегда удавалось сдержаться, вспоминая все это. Ведь, по большому счету, большевики действительно «отняли жизнь» и у меня.

И опять мы слышим «старые песни о главном» – опять вернули прежний гимн, герб, снова речи об эффективном менеджере (если только по производству трупов), о величии Державы, о кознях Запада, который раз пустые обещания, снова «наши» и, видимо, все остальные и так далее. И одни – тимченки, абрамовичи, дерипаски – ударным трудом заработали на «Челси», на дворцы XVII века в центре Лондона и на яхты, больше похожие на линкоры, чем на спортивные суденышки. А все остальные, особенно пенсионеры – ждуют... Как и немногие, еще живые, на 9-м десятке ветераны Великой Отечественной. А кто этим недоволен – тот или вор, или шпион, и они надежно сидят в тюрьме. Поэтому все кругом – тихие. И только стихия взбунтовалась: то леса горят, то страшные наводнения, то пароходы тонут, то самолеты падают. Ведь ей-то, стихии, не страшны ни премьеры, ни президенты, никто другой.

Вот в такие времена мы жили, и опять живем, и снова нас ожидает «счастливое прошлое».

Вспоминается одно из последних интервью Елены Бонэр весной 2011 года и ее призыв: «Вставай, страна огромная!».

Этими словами начинался марш-псалом «Священная война» композитора А. В. Александрова, который вскоре после начала войны (говорят, он был заказан еще в мирное время), помню, часто звучал по радио в исполнении Ансамбля песни и пляски Красной армии. Как мне – тогда 12-летнему пионеру – было страшно, аж мурашки по коже...

Конечно, есть программа выхода России из кризиса в XX веке после Октябрьского переворота в 1917 году и разгона Учредительного собрания 6 января 1918 года. Тогда большевики свергли легитимную власть, и в стране на столетие установился неправовой режим – различные формы «реального социализма». Эта программа предусматривает продолжить и завершить политическую трансформацию России, начатую весной 1917 года. Учредительное собрание может стать фундаментальным событием в построении современного государства, восстановлении его легитимности¹.

И, наоборот, балаганизация идеи Учредительного собрания в России XXI века – это окончательная утрата шанса на развитие, прямой путь к продолжению застоя под названием «стабильность», загниванию и, в конце концов, к той или иной форме распада.

Впервые, мне кажется, за последние почти четверть века появилась внятная, исторически обоснованная и продуманная программа выхода России из кризиса, порожденного всем предыдущим развитием, когда за страной укрепился имидж отсталой и вооруженной «Империи зла». В то, что такое может произойти в обозримой перспективе, очень мало кто верит. Но иначе...

* * *

С годами мне все чаще вспоминаются афоризмы блестящей актрисы Фаины Григорьевны Раневской (1896–1984). Помимо виртуозной игры известность ей принесла беспощадная трезвость взгляда на жизнь, которая смягчалась мудрой иронией. Ее острые афористические наблюдения не один раз публиковались еще при жизни. Или глубина ре-

¹См.: Явлинский Г. Ложь и легитимность // Новая газета. 2012. № 16. 15 февр.

марки старого слуги Фирса в исполнении одного из корифеев МХАТ времен моей юности И.М. Москвина из «Вишневого сада» А.П. Чехова (отсюда и псевдоним Фаины Григорьевны – по фамилии одной из главных героинь): «А жизнь прошла – словно и не жил». Все это раньше вызывало только смех, а с годами осознание чеховской глубины и еще чего-то совсем не смешного.

Вот хорошо помню, как, едва взобравшись на стул в нашей комнате на Остоженке, к умилению родителей и гостей (очевидно, в дни моего рождения), я с выражением читал стихи Льва Квитко (1890–1952):

Я люблю свою лошадку,
Причешу ей шерстку гладко,
Гребешком приглажу хвостик
И верхом поеду в гости.

А через четверть века уже сын приносил из детсада, в который и ходил всего-то несколько месяцев, совсем другие и не совсем детские стихи:

В рамках зелени густой
Был он добрый и простой.

Так ложь в нас закладывалась с пеленок. Да, «дедушка Ленин» и впрямь был «добрым» лидером Октября 1917 года (помню даже фильмы «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» о доброте и прочих его добродетелях) и Гражданской войны. В истории он остался творцом красного террора¹, организатором первых концентрационных лагерей, программы тотального обезбоживания нации, «ленинских» пароходов с насильственной высылкой из страны цвета рус-

¹См.: *Волкогонов Д. Ленин. Жрец террора.* М.: Яуза-Пресс. 2018. 704 с.

ской интеллигенции, в общем, если кратко, людоедом № 1¹. А без Октябрьского переворота 1917 года с Лениным во главе, очевидно, никакого Сталина, людоеда № 2, в нашей истории не было бы и в помине.

Потом мы узнали и о многих других преступлениях этих «вождей мирового пролетариата». И несмотря ни на что, по данным опроса Фонда общественного мнения (ФОМ) весной 2011 года, каждый третий (!) россиянин 36 лет правления этих вождей оценивает положительно². Вот уж когда снова и снова вспоминаются гениальные стихи А.С. Пушкина, написанные почти 200 лет назад:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками и бич.

Вот в эту эпоху, среди такого народа приходилось ползти в «дебрях и зарослях», либеральном и, вместе с тем, одном из немногих профессиональных географических учреждений, где сложилась уникальная научная среда. Институт по боль-

¹Вот примеры его призывов в 1918 году, несколько отличающиеся от тех, что нам показывали в свое время в кинофильме «Ленин в 1918 году».

«Расстрелять интеллигенцию!» (*Ленин В.И.* Как организовать соревнование // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 200, 201, 204); «Расстреливать, никого не спрашивая!» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 165); «Смерть кулакам!» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 4; «Образцово повесить и отнять весь хлеб». (*Латышева А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1997. С. 57 (по архивным данным); «Беспощадный террор против попов!» (*Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 143–144).

И таких высказываний «добренького дедушки» десятки. См. подборку В. Лаврова, доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института российской истории РАН (Правда ГУЛАГа. С. 2–3. Прилож. // Новая газета. 2012. № 76. 11 июля).

²А по замерам Левада-Центра на начало 2016 г. 52% опрошенных относятся к Сталину положительно (Новая газета, 2016. № 81. С. 12).

шому счету всегда оставался «моим», да таким «игановцем», думаю, я и воспринимался в научном сообществе тех лет. Но тем не менее человек, проработавший в институте столько лет, защитивший в нем две диссертации, опубликовавший за эти годы более 200 работ, многократно выступавший на серьезных конференциях в стране и за рубежом, никогда не чувствовал себя в ряде отношений «своим». Об этом я писал с сожалением и раньше¹. А сравнительно недавно получил еще одно подтверждение этим своим ощущениям. Большая юбилейная книга, о которой я уже неоднократно и с похвалой упоминал, называется «Институт географии и его люди». В персоналиях там даны и классики, и более скромные труженики науки; нашлось место и для доносчиков разного уровня, и для откровенных трутней в окружении дирекции, и просто для научных сотрудников, десятилетиями ничего не публиковавших, – все это, конечно, свои люди. А кого нет в книге – те, естественно, «не свои», не люди Института географии, все очень просто. И я снова – не «основной контингент». Это – вполне реальный социализм. Он хорошо всех нас выучил определять, кто свой, а кто чужой. Это, по Ленину, классовый подход.

И с этим уже ничего нельзя поделать, хотя прошло почти 30 лет после развала СССР и краха коммунистической идеологии.

Но институт все равно был «мой». И прощался я с ним перед отъездом не один раз – так получилось. Первый раз в мае 2002 года, когда я, как уже отмечалось, выступил на заседании отдела с «прощальным» докладом. В этот же день была защита кого-то со стороны, и ее отмечали в отделе. Так что прощание получилось настоящее – с водкой и всем прочим. Мы оказались рядом с Валерием, и я «на прощание» сделал ему большой бутерброд с маслом и красной рыбой. Но... он с ужасом от него отшатнулся, произнес негромко:

¹Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация. Нальчик, 2007. Приложение II. Дорогами геоурбанистики. С. 300.

«Масло! Соленая рыба! Нельзя ни в коем случае» (он тогда уже перешел на строгую диету).

Второй раз – в начале сентября. Дней за десять до отъезда я пришел за какой-то бумагой в институт, обошел его помещения в последний раз и вдруг встретил Валерия. И пошли из института вместе до станции метро, об этом я тоже упоминал.

И уже будучи в Берлине, в начале 2009 года, я получил от Леонида Михайловича Синцера книгу «Институт географии и его люди». Начал ее листать и не мог остановиться. Кругом были давно знакомые, милые лица – и кого я хорошо знал, и с кем о многом за эти годы переговорил, и кому обычно только кивал головой при встрече, а кого мельком видел много лет, глаз привык, но толком и не знал ничего о коллеге. Было не по себе, потому что очень многие из этих привычных лиц за эти годы, увы, ушли в мир иной, откуда нет возврата. И перед этой Вечностью все прошлые небольшие удачи и мелкие недоразумения или недовольства, неприязненные обстоятельства – все это отошло куда-то далеко-далеко, и осталось только одно – пустота.

Вот тогда пришло третье – и последнее – прощание с институтом. Вернее, я понял, что моего института давно больше нет. Потому что институт для меня – это не привычное обветшалое здание бывшей богадельни Пятницкого попечительства о бедных, не его порядком обветшавшая дирекция, не бухгалтерия или планово-производственный отдел и даже не МИД и прочие органы. Институт – это прежде всего уникальная научная среда, которую десятилетиями создавало неповторимое единство трудолюбивых и трутных, ярких ученых и честных тружеников, умников, тянущихся к начальству, и интеллектуально очень независимых ученых, избегающих начальство за ненадобностью.

Все они вместе – и «звезды», и простые приличные люди, и простые труженики не только пера, но и библиотеки или

в 1-м отделе (тоже весьма и весьма приличном) – и создавали ту незабываемую ауру, которую, и когда она постепенно исчезала, все равно нельзя забыть. Театр, как известно, начинается с вешалки, Институт географии – тоже. Вот гардеробщица (правда, без ливреи), маленькая, субтильная, в возрасте мадам Ку-ку (по фамилии Кукуевская). Она чувствовала себя не только хозяйкой гардероба, но почти всего института. Она громко вещала: «У меня сегодня ученый совет! Идите раздеваться в отдел». И мы, посмеиваясь, шли. И каждый чувствовал свою сопричастность к тому, что называлось просто – институт. А потом все постепенно стало исчезать – и гардеробщица, и многое другое. Неизменным, правда, оставался шаткий пол у порога раздевалку; но это уже детали. Зато появились всякие сектора и группы – информации, координации, коммуникации и т.д. (состоявшие часто из одного-двух человек); невольно вспоминается сатирическая книга «Закон Паркинсона» о том, как множатся ненужные бюрократические отделы и подразделения. Но все это было еще терпимо. Пока...пока вдруг не начался распад – стали исчезать столь привычные и милые лица: кто на пенсию, кто за рубеж, а кто и еще дальше.

Вот, раскрыв юбилейную книгу, я и увидел, что моего Института географии больше нет. Как и страна, институт как-то незаметно уехал из-под меня, а то, что осталось теперь на Старомонетном, – совсем другое, хотя вывеска, конечно, та же.

Потому что мое поколение почти полностью ушло. Его лучшие представители оставили заметный след в развитии идей «районной школы» и проблемного страноведения, теоретической, математической и медицинской географии, изучения природных ресурсов, расселения, урбанизации, мирового развития и ряда других актуальных направлений социальной и экономической географии. Среди авто-

ров этих работ – Э.Б. Алаев, С.С. Артоболевский, Г.А. Гольц, Б.Н. Зимин, Ю.Г. Липец, Я.Г. Машбиц, А.А. Минц, Г.А. Приваловская, В.А. Пуляркин, Б.С. Хорев, С.Б. Шлихтер и многие другие.

А коллеги, которые как будто бы совсем недавно ходили «в коротких штанишках», теперь, естественно, подросли. Уже и им всем где-то под 60, а то и больше. Они уже внесли заметный вклад (а то ли еще будет!) в теорию территориальных структур хозяйства и расселения, в разработку актуальных проблем природопользования, сельской местности, транспортных систем, политической географии и геополитики, исторической географии и географии культуры, экологической географии. Это Ю.А. Веденин, А.П. Горкин, Н.Н. Ключев, В.А. Колосов, Т.Г. Нефёдова, В.Н. Стрелецкий, С.А. Тархов, А.И. Трейвиш, В.А. Шупер и многие другие. У этого поколения не только существенно изменилась тематика в соответствии с вызовами времени. На порядок больше их включенность в мировую географическую жизнь (литература, поездки, участие в деятельности Международного географического союза (МГС) и других международных организаций), обеспеченность материалами и статистикой; все чаще появляются возможности поработать за рубежом, привлекать различные фонды для издания результатов исследований, участвовать в интересных проектах.

В общем, совсем иные возможности и другой замах. Дай-то Бог!

А двери Института географии времен академиков А.А. Григорьева, И.П. Герасимова, других отцов-основателей первой послевоенной волны – этих «неброских» гигантов такого совсем недавнего прошлого – тихо закрылись.

А поэтому завершаются и воспоминания, которые закончим все-таки на мажорной ноте. Снова приведем стихи Георгия Иванова:

Холодно бродить по свету,
Холодней лежать в гробу.
Помни это, помни это,
Не кляни свою судьбу.

Ты еще читаешь Блока,
Ты еще глядишь в окно,
Ты еще не знаешь срока –
Все неясно, все жестоко,
Все навек обречено.

И конечно, жизнь прекрасна,
И конечно, смерть страшна,
Отвратительна, ужасна,
Но всему одна цена.

1930

XV. ЭМИГРАЦИЯ И ГЕРМАНИЯ

Я когда-то с Россией простился,
(Ночью навстречу полярной заре),
Не оглянулся, не перекрестился,
И не заметил, как вдруг очутился
В этой глухой европейской дыре.

Георгий Иванов

До сих пор преобладали воспоминания, дальше пойдут в основном размышления о нашем времени. На них большое влияние оказали взгляды нового поколения историков. Они перевернули привычные «советские» измышления о том, кто, как и зачем готовил Вторую мировую войну, о ее зачинщиках, злодеях и героях. Конечно, еще более изменилось и мое понимание того, чему был свидетелем. Другими стали раздумья о прошлом и настоящем России, о нашей жизни в Германии.

1. Немного «философии» эмиграции

Русский – всегда эмигрант...

Эмиграция ведь – это вовсе не обязательно отъезд из страны.

Это иногда еще отъезд страны из-под тебя.

Д. Л. Быков

Это наблюдение писателя и публициста Д. Быкова не только оригинально, но и содержательно: иногда действительно под тобой земля рушится, страна уходит из-под ног, страна (вернее ее власть) отдаляется сама, страна как бы отъезжает из-под тебя. В СССР было много случаев такого отстранения властей от лучших представителей интеллигенции – от Виктора Некрасова и Александра Галича до Мстислава Рос-

троповича и Галины Вишневской. А уже с 80-х годов начался массовый исход. «Эмиграционные настроения, – считает Г. Явлинский, – вновь стали существенной частью массового сознания, они являются ярким проявлением рокового разрыва между властью и народом»¹.

Еще в 1841 году А.И. Герцен в работе «Дилетантизм в науке» раскрывал душевную смуту человека «промежутка»: «Мы живем на рубеже двух миров: от того особая тягость, затруднительность мысли для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшие мировоззрения потрясены – но они дороги сердцу, новые убеждения, многообещающие и великие, не успели еще принести плода».

Наше поколение, начав сознательную жизнь в тоталитарном государстве, застало после его крушения новое «смутное время» на грани веков, связанное с затянувшимся переходом от традиционного к современному обществу. Оно вызвало «затруднительность мысли», растерянность, неопределенность будущего.

Ощущение, что страна отворачивается от меня, появилось еще в 1951 году, после несправедливого распределения по окончании МГУ. Определенные эмиграционные настроения заметил уже тогда И.М. Маергойз (об этом было выше), который понимал своих учеников часто лучше их самих. Потом негативные настроения поддерживались другими недружественными действиями, помимо НРКЧ, и в весьма либеральном Институте географии – со стороны «ретивых» начальников разного уровня. Конечно, всего этого было недостаточно для действий, но «процесс пошел». Поэтому, когда мамин брат Исаак с семьей эмигрировал в 1975 году в США, пожалуй, я был единственным в нашей большой семье, кто одобрял это решение.

¹Явлинский Г. Ложь и легитимность // Новая газета. 2012. № 16. 15 февр. С. 10.

Дядя, Исаак Израилевич Аппель, давно достиг верхней планки для беспартийного еврея – он был заместителем главного инженера крупного строительного треста. Его жена, Берта Бурштейн, где-то главный бухгалтер (мы с ней вместе были в эвакуации) – родом из Ейска, а по моим наблюдениям евреи с юга обычно менее интеллигентны, но более денежны. В общем, не случайно они «созрели» первыми, открыв в нашей семье путь в эмиграцию. Этому способствовало и то, что где-то в начале 70-х годов дядя Исаак «имел неосторожность» побывать в командировке в Японии и увидеть, чего они там достигли в его отрасли. Это было потрясение. Он только вспоминал, улыбался и говорил: «Слушай, Юрка, у нас в Японии...»

Когда прощались перед их отъездом, родные братья Исаака, оба партийные, прожившие до того все вместе дружно 30–40 лет, демонстративно побыли меньше часа со всеми и отбыли. Недоброжелательно отнеслись к отъезду моя мама и большинство других родственников. Помню, как на прощание тетя Берта сказала: «Ты только напиши, Юрка, я тебе вызов вышлю». Поэтому я и тогда, и позже примерял эту «шинель» на себя и видел, что она явно не по мне, увы. Жена же давно хотела ехать, не важно куда. Во всяком случае, наша семья стала не только свидетелем, но и участником третьей волны эмиграции из СССР, начавшейся в 1973 году под давлением США¹. Как известно, в 1974 году Конгресс США принял известную поправку сенаторов Джексона и Вэника, которая ставила режим торговли с СССР в зависимость от эмиграции советских евреев. Эмиграция началась с Прибалтики, Украины и Молдавии при очень скудной информации о ней. Поэтому, возвращаясь из Кишинёва в 1973 году (после конференции), я не понял тогда, почему на московский по-

¹Первая волна эмиграции из России (1917–1921) – «белая эмиграция»; вторая волна (1945) – военная.

езд было так много людей с огромным багажом и прощавшихся с громким плачем. (Тогда самолеты с эмигрантами в США и Израиль отправлялись, конечно, только из Москвы).

А в 1986 году мы появились в Михалёво, где «бацилла» отъезда и информация о нем распространялись весьма быстро, а главное – впечатляюще. То одна семья прощалась, а другая уже получила бумаги на выезд, то еще кто-то подал документы в консульство. Ехали куда угодно, вплоть до Австралии и Новой Зеландии. В конце 80-х – начале 90-х годов стали потихоньку уезжать в США и Израиль наши друзья и знакомые. И все это на фоне все более скудной и неопределенной жизни, порой удручающе убогой и без видимых перспектив. Помню, с каким энтузиазмом в Кисловодске в 1990-е годы люди лезли буквально по головам за плохой водкой.

В Михалёво мы узнали, что Германия с начала 1991 года стала принимать так называемых контингентных беженцев (читай – евреев)¹. Юля как-то забежала. Возила меня в конец Ленинского проспекта, где помещалось посольство ФРГ, показать огромную толпу, жаждущую приема в консульстве на предмет выезда. Моя позиция к тому времени мало изменилась, но «игра», которая меня не очень обязывала (что и подтвердилось в будущем), началась. Так, пришлось долго и упорно доказывать в консульстве, что я еврей (поучились бы у наших антисемитов), потом еще что-то и еще что-то. И вот уже жена собрала кучу разных документов. Но я в последний момент резко затормозил: в 1991 году я, наконец, в 62 года выехал за «железный занавес» (в Люксембург), с ликвидацией КПСС открывались какие-то призрачные перспективы, а главное – я отчетливо понимал, что здесь я худо-бедно профессор, а там – на дне социальной пирамиды.

¹ Конференция премьер-министров земель ФРГ 9 января 1991 года приняла решение о приеме беженцев из бывшего СССР в рамках Закона о контингентных беженцах (конечно, все это мы узнали много позже).

Жена в шоке от моего отказа, и тут Элла Ланге посоветовала: «Пусть едет сын». Леонид отнесся к этому решению спокойно. И 5 августа 1993 года с двумя чемоданами и 60 (!) марками в кармане отправился в Германию.

В 90-х годах началась четвертая волна эмиграции из бывшего СССР. Она «добрала» пенсионеров и лиц предпенсионного возраста, главным образом из Европейской части страны. А в «счастливые нулевые» усилилась эмиграция образованной молодежи. Факторы выталкивания – финансовая и социальная неопределенность, отсутствие свободы и защиты государства, страх за личную безопасность, давление агрессивного быдл-класса, несправедливость, отсутствие заботы о молодых семьях, трудности с жильем. Среди факторов притяжения Запада – возможности самореализации, учебы, карьерного роста, там есть какая-то вера в государство, легче «дышать». Таковы некоторые выводы из обследования, проведенного «Новой газетой» еще в 2011 году¹.

В XXI веке Россия переживает сильнейшую волну эмиграции с 1917 года. За четверть века страну покинуло несколько миллионов человек, главным образом молодых специалистов. Эмиграция идет нарастающим потоком. В стабильные нулевые эмиграцию из России молодых и образованных постепенно замещают низкоквалифицированные, малообразованные жители Средней Азии и Кавказа, то есть налицо полное несоответствие миграции элементарным требованиям модернизации. Нынешняя волна эмиграции молодежи, безусловно, один из важных реальных результатов «путинской стабильности».

Некоторые результаты аналитического доклада Института социологии РАН и Представительства Фонда им. Фридриха Эберта «Двадцать лет реформ глазами россиян» вызывают шок. Около половины населения хотели бы уехать из России, причем в группе до 30 лет их доля еще больше. На-

¹Новая газета. 2011. 30 мая. С. 18–19.

всегда хотели бы уехать 13 % россиян – это в два раза больше, чем 10 лет назад. Еще 35 % опрошенных готовы уехать за рубеж «на заработки». При этом 40 % убеждены, что путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик. Следовательно, наиболее динамичная часть общества не намерена бороться за возрождение страны. Это самый тревожный симптом, который может означать, что Россия приближается к точке невозврата¹. А мне иногда кажется, что она уже прошла эту точку. Контуры упадка видны все отчетливее. Когда газ погонят из сланцев, а нефть из песков, наши запасы будут обесценены в разы. И «энергетическая держава», выжившая и упустившая за границу цвет нации, пойдет по миру, в котором таких и без нее хватает².

С факторами выталкивания молодых и образованных во многом совпали и мои причины, а вот совпадающих факторов притяжения было, естественно, гораздо меньше. Когда я был в Берлине у сына в 1996 году, Германия мне понравилась гораздо меньше, чем ГДР в 1978 и 1983 годах (я был там в командировках). А главное, хотелось, чтобы и в Москве, пусть не через 500 дней, а через 1500 было бы почти так же, как в Берлине или в Париже! Вот эта «затруднительность мысли», по А. И. Герцену, а по-простому – глупость иногда охватывала. Потому что в России всегда основные проблемы – дураки и дороги. Ведь у того же А.С. Ахиезера (см. выше) перспективы нового «смутного» времени очерчены достаточно отчетливо.

Рассуждая здраво, как можно было ждать этого «хорошо» в стране, в тысячелетней истории которой демократия, повторимся, была только несколько месяцев после февраля 1917 года! И поэтому не только меньшевики, но и А.Ф. Керенский, и М. Горький, и В.В. Шульгин, и Герман Лопатин,

¹Шевцова Л. Россия: логика упадка // Новая газета. 2011. № 101. 12 сент.; 2011. № 102. 14 сент.

²См.: Рубцов А. Топот дураков // Новая газета. 2011. № 65. 20 июня. С. 7–8.

и множество других мыслителей понимали, что Россия не готова к «социализму».

А вот что писал известный религиозный философ, историк и публицист Георгий Федотов (1886–1951) в «Письмах о русской культуре», изданных в 1938–1939 годах: «Решительно нет никаких разумных человеческих оснований представлять себе первый день России «после большевиков» как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной революционной ночи, будет скорее то туманное «седое утро», которое пророчил умирающий Блок. И каким же другим может быть утро после убийств, после оргий, титанических потуг и всякого идейного дурмана, которым убийца пытался заглушить свою совесть. Утро расплаты, тоски первых угрызений... После мечты о мировой гегемонии, завоевании планетных миров, о земном рае – у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства – может быть, национального унижения. Седое утро...»¹.

И оно действительно пришло, это серое невзрачное утро, а затем пришел такой же серый невзрачный человек с небольшим армейским чином. И тогда и до меня стало доходить.

2. Отъезд

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

*М.Ю. Лермонтов*²

¹Цит. по: Зайдман И. Евреи и «Советский проект». Т. 1. «Советский проект». Житомир, 2009. С. 401.

²Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) – гениальный русский поэт. Убит на дуэли в окрестностях Пятигорска. Лев Толстой о нем писал: «Если бы этот мальчик остался жить, не нужны были бы ни я, ни Достоевский». К 200-летию со дня рождения выпущена, посвященная ему, книга в серии «Жизнь замечательных людей».

Спрашиваете, почему люди бегут с корабля,
который не тонет?
Смекнули, куда он их везет.

Станислав Ежи Лец

Оставшись в Москве после отъезда Леонида, мы, конечно, только отложили свой отъезд, правда, на целых 9 лет. Жена теперь еще больше хотела уехать. Очень уж ее «достала» в свое время советская власть на местном уровне, в пос. Салтыковка под Москвой, и вообще она как-то гораздо раньше меня поняла – ждать здесь нечего. Юлия оценила интересную мысль Ильича, что «каждая кухарка может управлять государством». Наверное, они были сказаны в насмешку над народом, который так легко отдал власть шайке головорезов. А в Салтыковке эти кухарки, кроме хамства, невежества и неумения что-либо сделать по-человечески, не в чем другом, исключая воровства, замечены не были.

Меня несколько озадачило то, что более 30 лет мы во всем были единодушны, а тут вдруг раскол (по Ахиезеру). Все-таки у меня появилось какое-то чувство свободы после ликвидации КПСС. Очень помогли Фонд Сороса, не только грантами, но и поездками на лекции в университеты Рязани, Смоленска, Саранска, а также редактирование переводов с английского для какой-то зарубежной энциклопедии, тоже хорошо оплачиваемое.

Но жизнь шла своим чередом. И новые власти продолжали систематическое ограбление населения то путем обмена денежных купюр при правительстве Павлова, то другим «одним из четырехсот сравнительно честных способов отъема денег», которыми пользовался еще Остап Бендер. И наконец, когда 17 августа 1998 года произошел дефолт, даже я понял – все-таки придется «делать ноги». И мы начали собирать документы по второму разу. Спокойно, потому что уже был опыт, а главное, потому что теперь уже деньги ле-

жали «в кубышке», и мы только взирали на толпы несчастных у закрытых дверей банков. Наконец, 18 марта 1999 года, в день Парижской Коммуны (который у нас всегда помнили), мы вторично подали документы на выезд. Я утешался тем, что, и получив разрешение на выезд, можно снова им не воспользоваться. Но уже с начала 2001 года каждый раз с некоторым волнением вынимал журналы и газеты из почтового ящика: а вдруг пришел? И в конце весны он пришел, объемистый пакет из посольства ФРГ с разрешением на постоянное жительство в Германии в статусе «контингентного беженца». Чтобы унять эмоции, почти все время, оставшееся на сборы (его удалось растянуть на полтора года), начал писать книгу – это как-то отвлекало и успокаивало. И здесь здорово помог Владимир Владимирович. Путин продолжал активно расставляя своих друзей – чекистов из Питера на ключевые должности, показал пример советской «заботы» о человеке, когда случилась трагедия с «Курском» (помните его знаменитое: «Она утонула!»), обогащал, не особо стесняясь, свою лексику – в общем это все, будучи, конечно, ужасным, подтвердило еще раз – надо ехать, ждать нечего.

Кроме того, быстро шло одичание социума, формирование быдл-класса, народ устал от неопределенности, безработицы, задержки зарплаты. Да и надежд на то, что тайная полиция, придя во власть, поспособствует развитию демократии, обеспечит «успехи экономического строительства по всему фронту», будет беречь народную копейку, особых не было.

Но то, что сделал «капитализм друзей» в стабильные нулевые, как мы потом узнали из печати, даже мне представить было невозможно. Теперь все знают, кому Россия обязана невиданной коррупцией, воровством, сырьевой зависимостью страны, социальным неравенством, цензурой, депопуляцией¹.

¹См. подробнее: *Немцов Б., Милов В.* Путин. Итоги. 10 лет. М., 2010. 48 с. (тираж 1 000 000 экз.).

Еще более резко ситуацию здесь объяснила Елена Боннэр в одном из последних интервью¹. «В любой стране есть общие интересы каждой группы людей. Я не знаю, есть ли страна, в которой есть объединенный интерес урок. Урки, по-моему, изобретение советской власти. Очень страшное. Страна находится в руках урок... Проблема в том, что изменить можно одним лозунгом: «Вставай, страна огромная!». И быстро растет понимание части власти, именуемой «Единой Россией» и возглавляемой «национальным лидером», как уличной банды»². Все это способствует нарастанию протестного движения, прежде всего в Москве, Санкт-Петербурге и в других крупнейших городах, начавшегося после фальсификации парламентских выборов в декабре 2011 года.

А жить в условиях развала всего и вся и пытаться получить хоть какой-то покой на восьмом десятке и после 50 лет «труда и побед», обеспечить себе медицинскую помощь, лекарства, деньги – на все это вряд ли уже хватит сил. Практически выбора и не было.

Мой студент Сергей Рытов предложил нас проводить на Белорусский вокзал и 15 сентября 2002 года помог погрузить вместе с Лёней наши 25 мест. А на другой день мы были уже в Берлине.

3. Страна и люди

Лучшее, чем обладает каждая нация, – это ее язык.

Иосиф Бродский

Страна мне понравилась сразу – и это, несмотря на то, что ехать из Москвы не очень хотелось. Понравилась каким-то порядком, чистым, зеленым видом, неспешностью ритма большого города, отменным общественным транспортом, спокойствием берлинцев, ухоженностью всего и вся. А ма-

¹Новая газета. 2011. 22 июня. С. 17.

²См., напр.: Латынина Ю. Банда «Единая Россия» // Европа-Экспресс. 2011. № 52. 26 дек. С. 14.

газины, полные товаров и продуктов, часто без продавцов с одними лишь кассиршами (мне сначала это было просто непонятно, как это берут и за все платят), вызывали, особенно первые 2–3 года, еще сильнее нехорошие чувства к советским начальникам по всей вертикали власти – ведь все, что они обещали без устали около 100 лет, здесь уже давным-давно было. И как бесконечно запущена Россия – благодаря неумению, невежеству, лжи и воровству наших вождей. Теперь было еще понятнее, почему нас не пускали за рубеж.

Воспоминаний и описаний Германии с разных точек зрения, конечно, очень много. В наших кратких заметках скажем лишь о том, что связано с мыслью Одена: для того, чтобы полнее судить о своей стране, надо побывать в 2–3 других странах¹. Именно в Германии я еще яснее понял, до чего запущена Россия за десятилетия коммунистического «рая», что такое несвобода. Несмотря на спутники и ракеты, Россия осталась страной бедности, отсталости, рабства, упростила свой имидж далекого от демократии государства.

Страна, проигравшая обе страшные мировые войны в XX веке, жила хорошо и богато, а народ-победитель бедствовал в своей большой и неосвоенной стране, где умели только воровать, лгать и валяться на печи. До чего же можно довести народ неумением эффективно хозяйничать, бреднями о «перманентной революции» (читай о мировом господстве), уничтожая миллионы ни в чем не повинных людей, чтобы другие миллионы молчаливо верили в сказки «дядюшки Джо» (так называли «вождя народов» на Западе) о миролюбии СССР и агрессивности мирового империализма? И под эти сказки вооружаться и готовиться к войне (начиная с конца 20-х годов), а народ держать десятилетиями

¹Оден Уистен Хью (1903–1973) – англо-американский поэт (с 1939 года в США), поднимающий в своем многоплановом творчестве проблемы раздвоенности человека, его бессилия перед конкретным злом, крахе европейской гуманистической традиции.

в страхе и нищете. Когда, например, зарплата профессора Московского университета примерно такая же, как социальное пособие в Берлине. Поэтому берлинские магазины долго вызывали раздражение и постоянный вопрос – как можно такой наивной в своей неосуществимости политической довести народ до такой бедности и одичания¹. И в начале XXI века, когда даже народы в Африке и Азии постепенно освобождаются от своих так надоевших всем «вождей» типа бен-Али в Тунисе, Мубарака в Египте, Кадаффи в Ливии.

В Германии мы немного поехали по стране: помимо окрестностей Берлина дважды отдыхали (зимой) в Гарце, летом ездили во всемирно известный Веймар, город Шиллера и Гёте, Листа и Гроппиуса, были в Магдебурге и в церковном приходе недалеко от него, в Виттенберге на Эльбе – городе Мартина Лютера. Посетили небольшой город Цербст в Саксонии-Анхальт, откуда родом была императрица Екатерина II, затем были в Рудных горах под Дрезденом, в Бад-Саарове, знаменитом курорте, связанном с именами М. Горького и В. Ходасевича (здесь великий пролетарский писатель лечился в 20-х годах прошлого века), в Ростоке и Варнемюнде на Балтике.

И везде одно и то же: чистота, порядок, умение обустроить свою жизнь, забота об окружающей природе, полно цветов и декоративных деревьев, красивых поселков и перелесков. Правда, застройка везде очень плотная, даже небольшие участки леса обычно обнесены проволокой (но не колючей). Чувствуется почти физически, как мало земли в стране, поэтому такое внимание к ее использованию и сбережению. Германия – одна из красивейших стран в Европе.

И под стать земле люди. Свободные, без азиатского шума и крика, без суеты, рослые и откормленные на протяжении

¹И мне стало понятнее, чем ранее в Москве, как это наши спортсменки самого высокого класса неоднократно ловились в Европе на том, что они «брали и не платили».

веков. Огромные контрасты, например, с малорослым населением горнозаводского Урала и Прикаспийских степей. Очень отличается от москвичей поведение в толпе (у касс супермаркетов в редкие часы пик, подъеме на эскалаторе в метро, при посадке в дальние поезда) – спокойно, тихо, без давки, ненужных замечаний и постных лиц. Нет того нетерпения, недовольства, громких восклицаний и других проявлений плохого воспитания и трудной жизни. В общем, два мира – два Шапиро (так в свое время остряки говорили об американском полном и представительном журналисте и тощем советском экономисте).

Меня поразило отношение к детям: без крика, уважительное, преобладает разговор даже с очень маленькими как со взрослыми. Так же их и одевают, причем и штаны, и все остальное не «на вырост», а по размеру и фигуре. И надо сказать, что заботятся не только в семье, но и в государстве: детские пособия очень значительны.

Народ в Германии вежливый. Куда ни войдешь: в аптеку, на почту, в небольшой магазин, к врачу, в библиотеку, даже просто в лифт – тебя встретят словами «Guten Tag». Даже в подъезде своего дома. Терпеливо ждут на переходе зеленого сигнала, даже если на горизонте нет машин. А когда мы однажды нарушили это правило, нам сделали замечание. «Ведь дети могут последовать вашему примеру!» Немцы любят порядок, пиво, собак и путешествия. Как и в большинстве цивилизованных стран, под «национальностью» понимают только гражданство. Медицина на высоком уровне, очень велика забота об инвалидах, а также о пожилых и престарелых. В общем, внешняя и материальная культура – на высоте. Поражает и спустя пятнадцать лет обустроенность жизни, даже в мелочах. Но все это достигнуто за 500 лет, а не дней!

А вот духовная культура разочаровала. Сам язык Гёте и Шиллера неожиданно оказался гораздо менее разнообраз-

ным и выразительным по сравнению с русским. Только здесь я понял, что своего рода гимн И.С. Тургенева «великому, могучему, правдивому и свободному» русскому языку не проявление славянофильства или неуместного патриотизма, а справедливая дань великого писателя необыкновенному по богатству и выразительности языку его творчества.

Да и вообще, большого полета мысли у немцев я не наблюдал, правда, мой опыт в общении с ними более чем скромнен. «Ordnung» превыше всего. И если ты пришел «без термина» (назначенного времени для приема) к врачу, даже с острой болью – он тебя не примет. Если самый мелкий чиновник что-то решил, но это решение тебя не устраивает, ты его «на танке не объедешь». А коль скоро ты вызвал мастера для ремонта сантехники или двери, он все сделает (и хорошо), что указано в письменной заявке, но сверх того и винтика лишнего не подкрутит, и не чихнет.

Вообще, в деталях жизни – гиганты, в ее философии – не всегда.

После первых лет жизни в Германии наши фрагментарные впечатления о ней становятся все более реалистичными и негативными, особенно для мигрантов 1-го поколения. Наилучшее положение у детей и пенсионеров. Остальным надо искать работу, ибо это важно не только в материальном, но и в социальном отношении. Но на работу тебя берут последним, а сокращают первым. А человек на социальном пособии (на Социале), который в Германии не так уж и мал (~ 350 €), оказывается вдруг как бы «вне закона», на обочине жизни. Потому, что нельзя положить деньги в банк (в Социале скажут: сначала используйте их, а потом приходите!). По этой же причине трудно купить машину, квартиру, дом, дорогие вещи и т.д. На Социале жизнь не так уж и плоха, особенно для тех, кто любит сидеть на диване у телевизора, но такие вещи как санатории, регулярные турпоездки, покупка квартиры и т.д. уже не для тебя. Но и для тех, кто

хочет работать, надо быть готовым к тому, что твоя работа будет на 2–3 ступени ниже, чем в России.

Не всегда легко привыкать и к другой цивилизационной и культурной среде. Например, рассказывали такой случай (не байку) из жизни. Молодой немец сделал своей русской подруге очень дорогой подарок. Он был этим очень горд, потратив солидную сумму на этот суперкомбайн. А она в слезы: «Он хочет закабалить меня на кухне». Очень велики различия в менталитете. Не случайно есть русские врачи, юристы, адвокаты, турагентства, магазины и т.д.

Когда на моем последнем Ученом совете в Госпедуниверситете стало известно, что я уезжаю в Германию, Председатель Совета В.П. Максаковский, завершая обсуждение диссертации, связанной с миграциями населения, кончил свою заключительную речь словами: «Умирать надо там, где родился». Это были «камешки в мой огород». А теперь думаю: «Наверное, Володя был прав!».

Потому что, те же лужайка в городе, стайки молодежи везде, веселая толпа и т.д. – все это то же, как и раньше. Но теперь я понял, что они – не для тебя. И вообще, все это – не для тебя. Оно всегда будет хорошим, но чужим. Поэтому, по большому счету, делать здесь нечего.

4. Адаптация и интеграция

...перемена географии – для кого подарок судьбы, а для кого – личная обида, но для всех – тяжелая задача осуществления себя заново.

Наталья Рубинштейн¹

«Эмиграция – вещь тяжелая» – такими словами обрадовала нас в сентябре 2002 года работник Социального отдела

¹Это одно из высказываний о судьбе эмигрантов в связи с трагедией А.А. Галича еще до не вполне ясной его гибели: в Париже на его концертах зал на 300 мест был наполовину пуст, в то время как в России огромные крытые хоккейные стадионы не вмещали всех желающих. См.: Галич А. Облака плывут, облака. М.: Локхид, Эксмо-Пресс, 1999. С. 462.

синагоги в Берлине на Ораниенбургерштрассе, после получасовой информации о тех формальностях, какие необходимо пройти. Трудности эти, конечно, не в формальностях (тем более, что практически все сделал сын), а по существу. Потому что задача «осуществить себя заново» для большинства (95–98 из 100) эмигрантов первого поколения (старше 20–30 лет, которые не учились здесь в школе или в университете) удовлетворительно решена быть не может.

Она оказалась трудной даже для таких выдающихся эмигрантов, как Александр Галич, Михаил Козаков или Эфраим Севела. Потому что надо четко представлять – взрослым эмигрантам первого поколения интегрироваться в немецкое общество, в новую языковую и культурную среду очень трудно. А все реальные усилия по интеграции надо направлять на детей эмигрантов. Только их шансы на интеграцию очень велики. В этом отношении много общего в решении этой проблемы в Германии и в России, пока же в обеих странах преобладает вместо дела бюрократическая риторика. Ведь главное здесь – научиться жить в другой цивилизационной среде, а также по крайней мере уважать ставшую второй родиной страну. Ведь немцы, в свое время оказавшиеся на службе в России, многие на очень высоких государственных постах, служили новому отечеству верой и правдой. Вспомним хотя бы Отечественную войну 1812 года. А русские цари последнего столетия перед 1917 г. этнически мало что сохранили от русских, ведь они в основном женились на немецких принцессах.

Еще в конце 60-х годов, как уже отмечал, я редактировал интересную книгу польского географа Анджея Марианьского, посвященную миграции. Печатал некоторые статьи по миграции (см. прилож. 2), читал лекции. Но все это была теория или литература. А реальность оказалась совсем иной. В 90-х годах, когда я стал «выездным» и попал в Европу, понял еще раз, что в профессиональном плане мне там делать

нечего. И не только потому, что много лет, что здесь иная среда, а и потому, что здесь специалист «советского разлива» обычно не соответствует европейским требованиям, да и само понимание содержания экономической и социальной географии, ее структуры и методологии во многом иное. Вот почему я не спешил в Германию.

В дальнейшем увидел, что не ошибся. Видимо, все-таки немцем можно быть, только родившись в Германии (хотя и в этом случае, конечно, не обязательно стать немцем). А Россия, по новейшим историко-культурным и цивилизационным (но не географическим) представлениям, это не только не часть Европы, но и не часть Азии. Это и не особый срединный материк со своим типом культуры, как считали в свое время евразийцы. Вообще, акцентировка «особых путей» развития России вредна, особенно теперь. Кто же она? Повторим слова моего однофамильца, потому что это важно: «Россия – это Север. Это первая в истории человечества попытка построить культуру и цивилизацию в северных широтах. Как говорил Бердяев, русскую историю съела русская география. Съела – в том смысле, что и определила, и не дала возможности европейским стран»¹. Думаю, что это очень интересная и реальная точка зрения. Многие годы проживания в Германии подтверждают, что по историко-культурным и природно-климатическим особенностям, конечно, Россия (кроме польских земель, Прибалтики, Финляндии) никогда и не была Европой, далека от нее и сегодня. Ведь Россия действительно самая северная страна в мире, к тому же 53 % ее территории занимает вечная мерзлота. И огромная часть всех богатств России в течение столетий периодически «съедается» вечной мерзлотой². Состояние российского Севера по сравнению с зарубежным сегодня бо-

¹Пивоваров Ю.С. У России как будто ампутировали будущее // Новая газета. 2011. № 15. 11 февр.

²Пивоваров Ю.Л. Россия и мировая урбанизация. Нальчик, 2007. С. 212.

лее чем плачевно. И уж Кольский полуостров, Таймыр, Анадырь, Якутия, да и вся Сибирь – это, конечно, Север. А Восток в историко-культурном отношении – это Средняя Азия, Китай, Япония, так что воззрения Юрия Сергеевича, моего однофамильца, весьма интересны, и мне очень понятны. Они подтверждают большие цивилизационные различия между Германией и Россией, обуславливающие трудность интеграции россиян в немецкое, как и в любое другое европейское общество.

Я приехал в Германию, когда мне шел 74-й год. Конечно, «осуществить себя здесь заново» было безнадежно поздно, даже немецкий язык мне не давался. Но, как я уже отмечал, в Москве последние годы были довольно продуктивными. По инерции я пытался что-то делать и в Берлине. Пробовал читать лекции по географии и демографии в клубе «Диалог» при Российском доме науки и техники (Русский дом) для совершенно случайной, неподготовленной аудитории, писать в «Берлинскую газету», но все это было совершенно не то. И даже когда мне удалось издать (в Нальчике!) монографию «Россия и мировая урбанизация» только благодаря огромной помощи Алексея Николаевича Гуни, толку все равно было мало. В Германии она никому, конечно, не нужна, а в Москве, когда я в Берлине, думаю, тоже.

Экономическая и социальная география в сегодняшней России стала все более востребованной. Пришло новое поколение с английским языком, Интернетом, с другими возможностями зарубежных поездок и публикации своих работ – благодаря различным фондам, проектам, программам, безо всякой говорильни «о преимуществах» одних и «загнивании» других.

В Берлине отсутствует даже обычная среда для общения, не говоря уже о профессиональной. Научное общество при Синагоге – научная профанация, наукой там и не пахнет. Люди, преимущественно евреи из Украины с невысо-

ким образовательным цензом, на курсах немецкого языка в Русском доме любили, например, серьезно рассказывать, что в Одессе самые лучшие в мире сало и творог, где здесь купить овощи со скидкой и многое другое столь же интересное. Русскоязычная диаспора живет своей, достаточно автономной жизнью. Есть «русские» (мы все – и грузины, и армяне, и казахи, и все прочие из бывшего СССР) врачи, адвокаты, туристические фирмы, супермаркеты, прекрасная библиотека в Русском доме. Ведь в свое время в ГДР находилось свыше 400 000 советских солдат, а штаб всего этого воинства (на деньги советских налогоплательщиков) против «врага» (вторая реальность в головах ареопага) находился рядом, в Вунсдорфе. Помимо кино – бесконечные гастроли многих известных московских артистов и даже дирижеров и инструменталистов первого ряда в прекрасном здании берлинской Филармонии и в Концертном доме.

В таком же автономном режиме живут турки (их около 3 млн, а евреев всего 220 тыс., отчасти – поляки, хорваты, греки. Примерно 2,5 млн составляют «русские» немцы (из Казахстана, Сибири, Средней Азии).

Эмигрантам, даже работающим, особого входа в немецкое общество нет. То же самое, как мне рассказывали, и в США. А отдельные исключения лишь подтверждают, как известно, общее правило (этнический вьетнамец, Филипп Рослер, с грудного возраста, правда, воспитывавшийся в немецкой семье, был, правда, недолго, министром экономики ФРГ; в свое время этот пост занимал Людвиг Эрхард – творец немецкого «экономического чуда»). За многие годы я ни разу не был в немецком доме, за исключением снимавшегося монастырем большого дома под Магдебургом для какой-то секты и двух домов американцев, командированных в Берлин на время для религиозной работы.

Такова реальная «интеграция», а не то, что пишут в газетах (не только в России, в Германии тоже многое пишут, мягко выражаясь, очень вольно).

Как идет интеграция в первом поколении, видно на примере евреев из бывшего СССР. Их массовая эмиграция закончилась в 2005 году, думаю, не случайно. Это вызвано не только экономическими, но и культурно-религиозными соображениями. Видимо, когда принималось решение о так называемых контингентных беженцах, имелось в виду (в порядке уменьшения чувства вины немцев за Холокост в период Второй мировой войны) воссоздание в Германии еврейской культурной жизни, которая была разрушена после прихода Гитлера к власти. В послеверсальской Германии проживало около 500 тысяч евреев, среди них было много богатых и образованных семей. Евреи (503 тыс. человек в 1933 г.) занимали видное место в экономике и культуре страны, религиозные общины – в ее религиозной жизни. Стремлением к восстановлению этой весьма разносторонней еврейской жизни, видимо, и было вызвано решение правительства Гельмута Коля. К сожалению, и здесь, как и ранее в истории (особенно, конечно, в 1941 году), сказалось полное непонимание немецкими правителями культуры и менталитета населения своего восточного соседа с его необозримыми просторами и огромными ресурсами.

Поэтому власти Германии снова постигло разочарование. На смену во многом элитарного и богатого еврейского общества до прихода Гитлера к власти с востока в 90-х годах прошлого столетия приехали совсем другие эмигранты: высокообразованные, но давно перешагнувшие границы трудоспособного возраста, пенсионеры и люди в основном с невысоким уровнем образования и культуры. Последние не привыкли производительно трудиться, были приучены к иждивенчеству и очень требовательны, только не к себе, а к окружающим – типичное порождение страны Советов. Их на родине называют «совки». Восприятие этими группами населения западной культуры даже на бытовом уровне дается не легко и не сразу, о другом и говорить нечего. Они,

конечно, с большим трудом интегрируются в немецкое общество. О воссоздании их силами подобия довоенного еврейства не может быть и речи. Вот почему в 2005 году, как я знаю, и была закрыта ерейская эмиграция.

Интеграция семьи (или другой совокупности эмигрантов) подразумевает, что семья живет внутри немецкого общества – так же, как другие немецкие семьи аналогичного уровня (работа, машина, загородный дом, регулярные путешествия). Она имеет своего адвоката, немногих, но постоянных немецких знакомых, а главное – освоила соответствующий образ жизни и представления о нем в стране пребывания. А адаптация означает, что эмигранты живут по касательной к немецкому обществу. И там и тогда, когда они соприкасаются с немцами, стараются приспособиться к нормам, принятым в Германии, хотя это не всегда и не у всех получается.

Поэтому интеграция для выходцев из бывшего СССР идет тяжело и очень медленно, а с адаптацией к повседневной жизни «у русских» дело обстоит гораздо лучше. Но и здесь советские люди (а все мы остались ими и сегодня после кончины страны Советов) остаются теми, кем нас воспитывали 70 лет: привыкшими к патерналистскому государству, иждивенчеству, нерасторопности (конечно, есть и расторопные), плохо понимающими новые условия жизни в Германии. Обычно на адаптацию уходит от 3 до 5 лет, в зависимости от возраста и психологических особенностей личности.

Можно довольно быстро привыкнуть к изобилию и комфорту, хуже – к чужому языку или толпам, трясущимся с кружкой пива в руке в такт незатейливой мелодии, к бесконечной демонстрации по телевидению тонкостей кулинарного искусства, но к чужбине – трудно, а для некоторых просто невозможно. И вообще, «сопротивление» западной цивилизации большинству мигрантов с востока преодолеть очень трудно. Это подтверждают все волны эмиграции из России в XX веке.

Но, с другой стороны, есть и такие соображения. Однажды я спросил шофера Володю (он уже был в Германии лет 15), как ему здесь? Он даже не понял вопроса. «Что как здесь? – переспросил он. – Ведь четверо моих коллег и товарищей находятся в мире ином». Теперь уже не понял я. «Они долго болели?» – «Нет, их убили». (А Володя был большим начальником в Москонцерте. Устраивал выступления Антонова, Розенбаума, ездил на «Чайке» со своим шофером, имел дело с большой наличностью от концертов, как и его коллеги).

И как-то через месяц-другой, а может и больше, после этого разговора, меня вдруг осенило: а где же был бы я сам, останься в Москве, с теперешней медициной, нищетою пенсионеров, отсутствием сил бороться за выживание в одичавшем от стабильности и еще там от чего-то социуме в «счастливые нулевые»? Вот так.

Теперь попробуй взвесь на весах: с одной стороны, на дне благополучного общества. Здесь ты обеспечен всем необходимым для сносной жизни (по советским критериям теперь уже достаточно далекого прошлого), включая медицину, лекарства, заботу о пожилых людях со стороны социальных служб и ряд других, немалых льгот (и все это мне, честно говоря, непонятно, за что), но на чужбине, в чуждой языковой, социокультурной, профессиональной среде. А с другой стороны, жить на родине, в которой все есть, но не для тебя, а тебе обходиться без нормальной медицины (потому что она – нормальная – теперь платная), многих лекарств, социальной помощи и т.д. Да еще в одичавшем социуме пытаться бороться за свою жизнь... Надолго ли хватит у человека сил существовать в близкой ему профессиональной и социокультурной среде, но на родине, которой ты теперь не нужен, разменяв 10-й десяток?

Берлин. 2010 г.

Каждый решает это для себя.
Об этом замечательно сказал поэт Юрий Левитанский:

Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку –
каждый выбирает для себя.

Каждый выбирает для себя.
Выбираю тоже – как умею.
Ни к кому претензий не имею.
Каждый выбирает для себя.

* * *

В Германии я увидел много нового и на первый взгляд непонятного для человека с востока. Но просто все это было проявлением другой цивилизационной среды по сравнению с той, в которой прожила страна более 70 лет. И все разговоры о близости России к западной цивилизации – на бытовом уровне, по крайней мере, – вряд ли обоснованы. Российская цивилизация – совсем другая (северная или еще какая), но она не скоро, а может быть, и никогда не станет западной. Но об этом, конечно, судить историкам, особенно тем из них, для кого, вслед за Арнольдом Тойнби, основными объектами исследования являются не нации или периоды, а цивилизации¹.

Для географа же основные объекты изучения – земля и люди.

И главное впечатление от более чем 15-летнего пребывания в Германии – здесь я гораздо глубже понял всю гибельность для России «Советского проекта» (1917–1991). Благодаря ему страна еще больше отстает от цивилизованного мира, упрочив свой имидж отсталой, слабо развитой страны с атомной «дубинкой», а теперь еще и с нефтегазовой «трубой». Это наложило огромный отпечаток и на природу, и на советское общество (цивилизацию). Известный знаток российской истории и охраны окружающей среды академик В.Л. Янин образно писал, что еще с XVI века (с присоединения к России Сибири), правительство «ясно осознало, что выгоднее взять ясак и «толкнуть» его на Запад, чем возделывать собственную землю. Сравните любой клочок земли в Дании или в Голландии (а к ним смело можно добавить и Германию: (Ю.П.) – где ухожен каждый метр) с нашей запущенной и загаженной «территорией для проживания». Сибирский «ясак» по-прежнему течет на Запад. Только вместо соболя теперь нефть, газ, алмазы, золото»².

¹Тойнби Арнольд. Исследование истории. Пер. с англ. М.: АСТ; АСТ Москва, 2010. 1119 с.

²Янин В.Л. Нас унижающий обман // Общая газета. 1998. № 14.

Как ни в одной из цивилизованных стран, в сегодняшней России растет расслоение общества. Бедность, борьба за выживание, одичание социума, формирование быдл-класса – все это характерные черты современной России. «Если сравнить уровень жизни с Германией, Францией, Австрией, – отмечает М.С. Горбачев, – то у нас 96% населения – бедные люди»¹. В России один из самых высоких показателей смертности, ежегодно страну покидает, по оценке западных экспертов, 150 тыс. человек (по российским оценкам 100–120 тыс.). Как показала последняя перепись (октябрь 2010 года), население страны по сравнению с предыдущей переписью (2002) уменьшилось на 2,3 млн человек, и Россия опустилась по численности населения еще на одну ступеньку – она оказалась на 8-м месте в мире (142 850 тыс. человек).

И в этой ситуации, вместо расширения социальных программ, жилищного строительства, создания дорог, облегчающих жизнь населения, в 2011 году утверждена неподъемная для российской экономики программа перевооружения страны на 20 триллионов долларов. Абсолютно бессмысленная – ведь нам никто не угрожает. По существу, такая программа наших властей означает новую ракетно-ядерную гонку вооружений с США. И дрейф в сторону сталинской политики: «Пушки вместо масла».

А при этом впечатляет «скромность» хозяев современной России. Согласно данным Фонда поддержки развития Институтов гражданского общества («Конструктивный проект»), нефтегазовые доходы с 2000 года составили огромную сумму в 2 трлн долларов. И только примерно 1/10 из этой суммы в лучшем случае реально вложена в развитие страны. Остальное осело на офшорных счетах коррупционеров по всей вертикали власти и множась как на дрожжах оли-

¹Горбачев М.С. Ругать Путина я не могу // Европа-Экспресс. 2011. № 41. 10 окт. С. 10.

гархов, бездарно истрачено на яхты, «Бентли» и «Майбахи», «Феррари» и «Мазератти» для гонок «золотой молодежи» в Швейцарии, на виллы и футбольные клубы¹.

Закончим же наши фрагментарные впечатления от Германии, да и ее сравнения с Россией вот на чем. В Германии все хорошо – и оживленные люди, и большая забота о детях и пожилых (последние, кстати, составляют 20% населения, больше всех среди стран Европейского Союза), и стайки молодежи, спокойной и уверенной, и большое количество парков и зелени, красивые магистрали. Да только все это не твое. Ты и вся эта благодать существуют отдельно друг от друга. А для нас, как сказала одна моя знакомая, – здесь все хорошо для тела, но не для души. Потому что Родина (как и мать, пусть даже чем-то отягощающая твою память) – одна. И душа там, на малой родине, на Метростроевской, на Гоголевском бульваре, где я гулял еще до войны с няней, у метро «Дворец Советов», на Моховой – в МГУ, а еще на Фестивальной у Речного вокзала, где я провел вторую и лучшую половину московской жизни.

И это чувство с годами не проходит, наоборот, становится все более осозанным.

¹Натанов Владислав. Это все стало возможным исключительно благодаря Путину // Новая газета. 2012. № 23. 2 марта. С. 2–5.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Сын учителя, гений плюгавый –
Уголовный режим изобрел,
А покрыл его кровью и славой –
Сын сапожника, горный орел.

Игорь Губерман

Все воспоминания как-бы «нанизаны» на два стержня: формальный, автобиографический, и содержательный, гео-урбанистический. Профессиональные удачи и трудности на каждом этапе биографии и составляют в основном содержание книги. Кроме того, важны были и другие обстоятельства.

1. Наше поколение, пришедшее на географический факультет МГУ в 1946 г. (родились в 1921–1929 гг.), жило, училось и потом работало в трудные, тяжелые сталинские и послесталинские годы. Но ведь «времена не выбирают, в них живут и умирают», – сказал советский лирико-философический поэт А.С. Кушнер (р. 1936). Не выбирали и мы. Но иногда становилось страшновато.

2. Правда, мы были молоды и амбициозны, и кроме того, у нас имелись «свои неотложные дела»: строили свои семьи, выезжали из жутких коммуналок в кооперативные дома, обустроивали новые квартиры и т.д. Все это отвлекало от политики.

3. Очень важным, конечно, было и то, что мы получили прочные знания, как в школе, так и в университете. Ведь там нас обучали и воспитывали «осколки» Серебряного века и самородки науки и образования от Бога. Среди них – профессора Н.Н. Баранский, И.А. Витвер, Р.М. Кабо, Н.Н. Колосовский, И.П. Магидович, И.М. Маергойз, Ю.Г. Саушкин, Б.Ц. Урланис. А кроме них – доценты, старшие преподаватели, ассистенты, лаборанты: Э.Д. Жибицкая, Н.Я. Ковальская, Э.Б. Валев, Ю.В. Илинич, О.Э. Бухгольц, А.А. Перцева, Н.Л. Осипова, К.В. Покровская и др. Все они любили и умели обучать и воспитывать. После окончания университета мне оказали незаменимую помощь и поддержку представители моего поколения. Среди них – профессора А.С. Ахиезер, А.Г. Волков, Г.А. Гольц, Ю.Г. Липец, А.А. Минц, В.А. Пуляркин.

4. Важным стало постепенное вступление в неформальную группу, так сказать, «гуманистических географов», в иерархии потребностей которой, как я теперь понимаю, высшее место занимали творчество и самореализация личности по аналогии с представителями гуманистической психологии. Один из ее лидеров, знаменитый американский психолог Абрахам Маслоу (Maslow, 1908–1970), считал, что в иерархии потребностей определенной группы специалистов высшее место принадлежит потребности в творчестве и самореализации личности (гуманистические психологи).

Трудно сказать, сколько читателей ознакомится с книгой, но одного она уже имеет. Это, конечно, сам автор. И не только из тщеславия! А потому, прежде всего, что воспоминания помогают лучше понять ряд фактов его биографии далекого прошлого. Так, поступив в 1957 году в Институт географии АН СССР, я был этим очень доволен, ибо попал в элитарное учреждение. А теперь знаю, что попал в бесперспективный, очень слабый отдел географии стран народной демократии, в котором не у кого и нечему было учиться.

Таким образом, и 5-летнее пребывание в НРКЧ, и 6-летнее – в очень слабом отделе Института географии мало что дали для серьезного изучения экономической географии. Еще примерно столько же времени понадобилось, чтобы преодолеть примерно 10-летнее отставание. Только пройдя «минцевские университеты», я, наконец, нашел и серьезную тему, и начал печатать с начала 70-х годов первые серьезные статьи (прилож. 2), т.е. примерно через 20 лет после окончания МГУ! Очень слабое начало для профессионала!

За прошедшие с тех пор почти полвека наши усилия были направлены на разработку целостного учения об урбанизации. Это учение могло дать развернутое представление о процессе (а не только о мировых, глобальных, больших и малых городов) и затем показать особенности европейского северо-американского, азиатского города в XXI веке.

С другой стороны, учение об урбанизации было бы весьма важным для разработки географии мирового развития (термин Ю.Г. Липеца), формирования глобального экономического ландшафта и решения целого ряда других экономикогеографических задач.

Социально-экономическая география – наука молодая. Поэтому ее понятия, особенности, процессы пока не всегда достаточно изучены. Что это так, видно при решении десятков, а может быть, и сотен различных вопросов. Приведем только несколько, весьма актуальных для развития современной России примеров.

1) Распад СССР – что это: историческая закономерность или геополитическая катастрофа? Крушение Империй, как нас учили в МГУ и, как я думаю, – историческая закономерность, а не геополитическая катастрофа. СССР развалился не из-за Рональда Рейгана с его крылатыми ракетами и «звездными войнами» и не из-за «козней» мирового империализма. Просто реальный социализм не выдержал сис-

темного кризиса, да и «скрепы» лжи и страха тоже не выдержали. Так что развал Советского Союза закономерен, хотя и вызвал ряд тяжелых проблем (вплоть до войн с Грузией и Украиной).

К этому можно добавить общеизвестные факты. Даже в школьных учебниках отмечается, что XX век – век крушения Британской, Османской империй, Австро-Венгрии и т.д. Даже маленькая Югославия распалась на 6 государств.

О стремлении к самостоятельному развитию говорят борьба Шотландии за выход из Соединенного Королевства Великобритании или Каталонии – за выход из Испании.

2) Для развитой экономики и культуры что важнее – положительный отбор или отрицательный? Конечно, положительный! Но пока во многих учреждениях, к сожалению, преобладает отрицательная селекция, отрицательный отбор. Вот что говорит академик Рыжов Ю.А. по этому поводу: «На протяжении десятилетий в стране происходил широко-масштабной отрицательный отбор, негативная селекция, прежде всего – в нравственности. Эта селекция разорила страну в пух и прах, разгромила ее интеллектуальный потенциал»¹.

3) Агрессия или мир? Конечно, мир, это ясно. Почему тогда, особенно с мая 2012 года, агрессивный характер носят речи руководящих деятелей всех рангов, включая самый вышний?

«Конечно, Путина заносит», – сказал в том же интервью акад. Ю. Рыжов. «Нельзя человеку, который пришел ниот-

¹Рыжов Юрий. Перестройка спасла страну от гражданской войны // Новая шазета. 2015. № 43, 24 августа. С. 13–14. (интервью с зам. главного редактора газеты Виталия Ярошевского).

Академик *Рыжов Юрий Алексеевич* (1930–2017), видный общественный и государственный деятель. Труды по аэродинамике больших скоростей. Академик Академии наук СССР/РФ (1987). Ректор МАИ (1986–1992). Посол РФ во Франции. Входил в Межрегиональную группу депутатов (вместе с С. Аверкиевым, А. Адамовичем, Ю. Афанасьевым, Ю. Карякиным, А. Сахаровым, Г. Старовойтовой, Ю. Черниченко, С. Щекотихиным, Е. Яковлевым).

куда, оставаться в неограниченной власти и сохранять при этом интеллектуально-политическую адекватность»¹.

Речи, да и действия России (Украина, Крым, Донбасс, да еще и Сирия), думаю, не до конца просчитаны. Ведь на Россию приходится всего 1,5% ВВП мира², тогда как на США и ее союзников (Канада, почти вся Европа, Турция, Южная Корея, Япония, Австралия, Новая Зеландия) – около 50% мирового ВВП.

Невольно вспоминается басня «дедушки» И.А.Крылова (1769–1844) «Слон и Моська»:

Пускай же говорят собаки:
«Ай, Моська!
Знать, она сильна,
Что лает на Слона».

В прогнозах роль экспертов отечественной социально-экономической географии может быть весьма важной. Хотя прогноз событий всегда труден. Ведь в свое время В.И. Ленин говорил: «Революция, может быть, состоится, но не при моей жизни». Сказал он это за месяц до февральской революции 1917 года. И все так считали, никто не предполагал, что «скоро грянет буря»³.

Конечно, большинство из нас и не мечтало дожить до конца коммунистической диктатуры, и вдруг все в одночасье рухнуло. Как тут не вспомнить строки Юрия Левитанского⁴:

¹Рыжов Юрий. Перестройка спасла страну от гражданской войны // Новая газета. 2015. № 43, 24 августа. С. 13–14.

²Явлинский Григорий. Путь, которого нет // Новая газета. 2015. № 115. 19 окт. С. 12–13.

³Рыжов Юрий. Указ. Соч. С. 13–14.

⁴Левитанский Юрий Давидович (1922–1995) – один из самых любимых мной современных поэтов. В стихах – воспоминания о войне, поэтизация быта, теплота человеческих отношений, иронически созерцательный взгляд на мир. См. также: Левитанский Ю. Стихотворения. М.: АСТ, 2005. 476 с. (Мировая классика).

И все же я счастлив, что смог,
Что дожил до этого мига,
До этого мощного сдвига
Тяжелых подземных пород.
Я видел начало конца,
И тут меня Бог не обидел,
Я был очевидцем, я видел
Начало грядущих начал.

В Германии мне стали особенно ясны некоторые недостатки моей деятельности «в годы золотые».

Во-первых, длительное время я писал и думал одновременно, и слишком поздно начал сперва продумывать содержание (книги, статьи, доклада и т.д.) и только потом писать.

Во-вторых, в условиях идеологического пресса особенно было трудно и небезопасно публиковать свои результаты по изучению урбанизации. Потому что характеристика социальной жизни города (его «социальное наполнение») – а это то, что отличает современный город (речь шла о XX веке) – всегда была уязвима и для советской цензуры, и для недобросовестных коллег. Ведь здесь показатели СССР были разительно меньшими, чем даже в других социалистических странах. Поэтому лучше было вообще не затрагивать социальные проблемы, что обычно и делали «городские» авторы, как и занимавшиеся сельским расселением.

В-третьих, большие затраты времени и сил тратились на доказательство некоторым коллегам и начальникам, что и в СССР $2 \times 2 = 4$, а не 5 или 6; на пробивание докторской диссертации сквозь «стену» недоброжелательности и другие почти честные «игры».

Все это вместе и определило главный итог усилий более чем за полвека. Написано довольно много, а главная цель – создать стройное учение об урбанизации и на его основе

хотя бы наметить общие тенденции расселения в странах и районах разного типа – не достигнута.

Правда, в каждом отрицательном явлении всегда можно найти что-то положительное: мы поступили «гуманно», оставив молодому поколению географов много интересных и важных проблем. И, конечно, надеемся, что уж они-то их решат в ближайшие годы. А знания, оставленные им, будут востребованы и принесут какую-то пользу.

А что же нам? Вопрос не веселый, но важный. Конечно, можно заниматься каким-либо делом, не обязательно связанным со специальностью. А можно читать хорошие книги и стихи – от А.С. Пушкина до современных поэтов. Не случайно наше послесловие начинается с цитаты из А.С. Пушкина; его характеристика властителей и через 200 лет поражает своей точностью и мастерством. Но вспомним Э. Бернштейна, который считал: «Конечная цель – ничто, движение – все»¹.

А закончим все строфами Юрия Левитанского, который умеет говорить о сложном – просто, а о бренности бытия – философски тактично:

Кто здесь шел и кто прошел,
что за чудо-сороходы?
– Это дни твои и годы,
это жизнь твоя прошла.
– То есть как же это так?
Только шаг ступил с порога,
а уже, гляди, дорога
завершается почти!

¹ *Бернштейн Эдуард* (1850–1932) – «отец ревизионизма», как нас учили в свое время, а на самом деле – один из лидеров германской социал-демократии и 2-го Интернационала. Во второй половине 90-х годов выступил с критикой теоретических основ марксизма как устаревших, отвергая его представления о социализме, крахе капитализма, теорию пролетарской революции, учение о классовой борьбе.

– Ну какой же это шаг,
не гневи напрасно Бога –
вон какая, брат, дорога
за плечами у тебя!
И шагать тебе по ней
в путь обратный не придется –
так иди, пока идется,
будь доволен, что идешь!
Я доволен, что иду,
Я на жизнь не обижаюсь –
просто жаль, что приближаюсь
к той невидимой черте.

Берлин, 2010–2012, 2015–2017 гг.

*Приложение 1***СПИСОК ПОСТУПИВШИХ 1 СЕНТЯБРЯ 1946 ГОДА
НА ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ**

В этот, как теперь говорят, День знаний свыше 100 зачисленных на географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова начали проходить «свои университеты». Некоторые по болезни оканчивали наш факультет позже, мне легче вспомнить тех, кто пришел в сентябре 1946 года, более 70 лет назад. Поскольку пользовался только памятью, а она, как известно, инструмент не очень надежный, то этот список, естественно, не полон. Он содержит фамилии однокашников, кого удалось вспомнить. Фамилии девушек, вышедших замуж и изменивших их, даются в скобках (конечно, они мне далеко не все известны). Имена даны так, как мы звали друг друга в студенческие годы¹.

Девушки-фронтовички

Бай (Дмитриева) Люда
Воронина Аля
Федоровская Галя

Фронтовики

Космачёв Кирилл Петрович (неизменный староста курса)
Агринский Сева
Жуков Вадим
Ионин Алексей
Ибрагимов Джафар
Кузнецов Володя
Куницын Лёня

¹ К сожалению, деканат геофака МГУ отказал в выдаче списка поступивших в 1946 году.

Лютцау Сергей
Никаноров Коля
Павлов Лёня (Леон)
Петухов Володя
Пошехонов Женя
Сальников Сергей
Степанов Миша
Хамайде Олег
Цесельчук Юра
Шапалин Борис
Щербаков Юра

Девицы-красавицы

Альтшулер Грета
Альварес Долорес
Антипина Оля
Аганова Маша
Бирюкова Люся
Бушейкина (Петухова) Алла
Божко Рита
Бычкова (Шенкарёва) Галя
Васильева Рена
Владимирова (Гараджа) Рита
Воронкова Люся
Воронкова (Николина) Эля
Дмитриева Галя
Гаврилова Ира
Галянина Маша
Громова Галя
Дриц (Войлошникова) Нина
Данилова Наташа
Жданова Галя
Зиман (Райх) Лена

Казакова Римма
Колобова Нина
Криницкая Римма
Кудряшова Лада
Кузнецова Тамара
Кулыгина (Антипова) Геля
Ланкина Надя
Лапина Нина
Лаврентьева Женя
Лыскович (Правоторова) Галя
Лыскович (Задворнова) Люся
Мионова Нина
Муравьёва Дина
Никитина (Петрова) Наташа
Николаева Рая
Патрик Рита
Перелешина Лёля
Петрова Люся
Рогожкина (Трошкина) Лиза
Старикова Люба
Садовникова Тамара
Саяпина Оля
Серебрякова Таня
Стефанович Лена
Сысоева Люба
Фельдман Эра
Фрейдина Зара
Цигельная Ира
Чернецова (Бутузова) Валя
Шеенсон Мая
Яблонская (Фомичёва) Ира
Яркова Таня

Ребята brave («Детский сад»)

Битерман Ося
Головкин Дима
Долгушин Иван
Клейнер Юра
Климович Володя
Лившиц Окмир
Машбиц Яша
Морозов Юра (Маэстро)
Павлинов Олег
Пивоваров Юра
Попов Саша
Правоторов Радий
Рихтер Юра
Рогов Миша
Тимофеев Дима (Митрич)
Тагиев Аббас
Филатов Анатолий Андреевич
Чижов Саша
Чучкалов Борис

*Приложение 2***БИБЛИОГРАФИЯ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ
Ю.Л. ПИВОВАРОВА****1953 г.**

Ред.: Карта «Чехословакия», м. 1:600.000, для высшей школы, 2 листа. М.: ГУГК МВД СССР (консультант И.М. Маергойз).

Ред.: Карта «Польша», м. 1:600.000, для высшей школы, 4 листа. М.: ГУГК МВД СССР (консультант Ю.В. Илинич).

1954 г.

Рец. на книгу: И.М. Маергойз. Чехословакия. М.: Географгиз, 1954 // География в школе. № 5. С. 76–77.

Ред.: Карта «Венгрия», м. 1:600.000, для высшей школы, 1 лист. М.: ГУГК МВД СССР (консультант И.М. Маергойз).

Ред.: Карта «Индия, Пакистан и Цейлон», м. 1:2500.000, для высшей школы, 4 листа. М.: ГУГК МВД СССР (консультант И.П. Магидович).

Ред.: Экономическая карта для средней школы «Индия, Пакистан и Цейлон», м. 1:4.000.000, 1 лист. М.: ГУГК МВД СССР (консультант К.М. Попов).

1955 г.

Рец. на книгу: Хозяйственное развитие стран народной демократии. М.: Внешторгиздат, 1954 // География в школе. № 3. С. 79.

1956 г.

Рец. на книгу: Маергойз И.М. Чехословакия. М.: Географгиз, 1954 // Известия ВГО. № 6. С. 562–564 (совместно с О.А. Кибальчиком).

Ред.: Экономическая карта для средней школы «Китай и МНР», м. 1:5000.000, 2 листа. М.: ГУГК МВД СССР (консультант В.Т. Зайчиков).

Ред.: Экономические карты (врезки) «Китай», м. 1:20 000 000 и «Восточный Китай», м. 1:12 000 000 в справочной настольной карте «Китай». М.: ГУГК МВД СССР.

1957 г.

Формирование хозяйства Остравского промышленного узла // Тез. докл. IV конф. молодых ученых Института географии АН СССР. М. С. 38–41.

Экономико-географическое районирование Остравской области (Чехословакия) // Тез. докл. IV конф. молодых ученых Института географии АН СССР. М. С. 61–64.

1958 г.

Остравская область Чехословакии (Экономико-географическая характеристика): дис. ... канд. геогр. наук. М.: Институт географии АН СССР (рукопись, 367 с. машинописи).

Остравская область Чехословакии (Экономико-географическая характеристика): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: Институт географии АН СССР. 15 с.

Некоторые особенности социалистической реконструкции Остравского района Чехословакии // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 71–75.

Две справочные карты Чехословакии // Вопросы географии. Сб. 42. С. 164–167.

Ред.: Экономические карты (врезки) «Промышленность» и «Сельское хозяйство», м. 1:2 000 000 в справочной настольной карте «Венгрия». М.: ГУГК МВД СССР (консультанты И.М. Маергойз, В.В. Бодрин).

1959 г.

Коксохимическая промышленность Чехословакии // Кокс и химия. № 9. С. 61–64.

1960 г.

Развитие добычи и потребления коксующих углей в Чехословакии // Уголь. № 6. С. 56–58.

Братское сотрудничество социалистических стран // Географический календарь «Земля и люди», 1961. М.: Географгиз.

Ред. Мирослав Блажек. Экономическая география Чехословакии / Сокр. пер. с чешского. М.: Изд-во иностр. Литературы. 476 с. (совместно с И.М. Маергойзом, О.И. Фельдман).

1961 г.

Черная металлургия Чехословацкой Социалистической Республики // Металлург. № 6. С. 34–36.

Важский каскад // Географический календарь «Земля и люди». 1962. М.: Географгиз.

1962 г.

Химическая промышленность Чехословацкой Социалистической Республики // Химическая промышленность. № 1. С. 70–75.

Добыча и использование бурых углей в Чехословакии // Уголь Украины. № 10. С. 42–44.

Словакия // Краткая географическая энциклопедия. Т. 3. М.: Географгиз. С. 505.

1963 г.

Рец. на атлас: Школьный географический атлас Чехословацкой Социалистической Республики // Геодезия и картография. № 2. С. 59–62.

1964 г.

Некоторые изменения в характере городского и сельского населения в странах народной демократии Европы (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М.: Наука. 10 с. (совместно с И.М. Маергойзом).

Изменения в географии населения ЧССР (По материалам переписи 1961 г.) // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 6. С. 35–44.

Рец. на книгу: *Маергойз И.М.* Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономическая география. М.: Мысль. 732 с. // География в школе. № 5. С. 94–95.

Рец. на книгу: *Маергойз И.М.*: Новый труд по экономической географии Чехословакии // Вестник МГУ. Сер. V. География. № 4. С. 92–93 (совместно с С. И. Ледовских).

1965 г.

Чехословацкая Социалистическая Республика (К 20-й годовщине освобождения Советской армией) // География в школе. № 3. С. 18–23.

Основные вопросы изменения характера сети городов в некоторых социалистических странах Европы // Вопросы географии. Сб. 66. С. 59–75 (совместно с И.М. Маергойзом).

Особенности территориальной структуры народного хозяйства Чехословацкой Социалистической Республики // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 16–26.

1966 г.

Население социалистических стран зарубежной Европы // Вопросы географии. Сб. 71. С. 20–42.

Урбанизация в социалистических странах зарубежной Европы // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 18–29.

Будапешт // Столицы стран мира. М.: Политиздат. С. 27–31.
Вена // Там же. С. 41–45.

География населения в Польше // Теоретические вопросы географии. Вып. 1. География населения за рубежом. М.: ИНИ АН СССР (Итоги науки). С. 9–35.

Рец.: Первое учебное пособие по экономической географии социалистических стран зарубежной Европы // Известия ВГО. № 3. С. 266–268.

Чехословакия (Обзор научной литературы, подготовленной к Конгрессу) // XX Международный географический конгресс (Лондон, 1964). М.: Наука. С. 113–116.

1967 г.

Опыт построения типологической схемы городов социалистических стран зарубежной Европы // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 83–95.

Новое в разработке научных проблем географии населения в СССР // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 126–131.

То же, на англ. яз.: *Soviet Geography*, 1967, October VIII, № 8. Р. 661–669.

Опыт изучения маятниковой миграции населения в социалистических странах зарубежной Европы // Материалы межвуз. научного совещания по проблемам размещения и миграции населения и трудовых ресурсов. Ростов н/Д. С. 210–211.

Пути развития городов разных типов в социалистических странах Европы (по материалам Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии) // Основные проблемы изучения и использования производительных сил Украинских Карпат. Материалы к науч. конф. Львов: Каменяр. С. 98–99.

1968 г.

Развитие системы городских поселений в социалистических странах зарубежной Европы // Материалы II Междувед. совещания по географии населения. Вып. 1. М. С. 68–70 (совместно с И.М. Маергойзом).

Особенности географического изучения маятниковой миграции в социалистических странах // Материалы Всесоюзной научной конференции по проблемам народонаселения Закавказья. Ереван. С. 239–241.

Международный симпозиум по изучению воздействия индустриализации на сельскохозяйственное население в со-

циалистических странах Европы // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 151–153.

Всесоюзное совещание по проблемам миграции населения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 174–175.

1969 г.

Ред. Анджей Марианьский. Современные миграции населения / Пер. с польского. М.: Статистика. 224 с.

Предисловие // Там же. С. 3–9.

Использование природных и трудовых ресурсов в процессе формирования производственно-территориального комплекса в Восточной Словакии // Географический сборник. № 3. М.: ВИНТИ АН СССР. С. 223–232 (совместно с Т.В. Гальцевой, М.И. Гонаком).

Всесоюзная научная конференция по проблемам народонаселения Закавказья // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 61–163.

1970 г.

Население социалистических стран зарубежной Европы: Структурно-географические сдвиги / Отв. ред. И.М. Маергойз. М.: Наука. 176 с.

Урбанизация и территориальная структура хозяйства // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М.: Издано Советским фондом Мира. С. 335–343.

Географические аспекты современной урбанизации // Использование трудовых ресурсов в народном хозяйстве. Материалы конференции. Т. 1. Вильнюс. С. 8–10.

Географические проблемы развития городов в работах градостроителей // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 2. С. 131–137 (совместно с И. В. Канцеровской).

Урбанизация и научно-техническая революция // Там же. С. 149–152.

Commuting as an aspect of population geography in the socialist countries // Recent population movement in East European countries. Budapest, 1970. P. 10–15.

Урбанизация и рост городского населения мира в XX веке // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 131–133.

Маятникова миграция в социалистических странах Европы // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М.: Статистика. С. 113–121.

1971 г.

Географические аспекты урбанизации // Проблемы урбанизации в СССР. М.: Изд-во МГУ. С. 46–52 (совместно с И.М. Маергойзом, В. М. Гохманом, Г. М. Лаппо).

То же, на англ. яз.: Soviet Geography. 1972. February. XIII. № 2. P. 108–113.

То же, на англ. яз.: Geographia Polonica. № 27. P. 73–77.

Урбанизация и природная среда // Географические аспекты урбанизации. М.: Знание. С. 18–48 (совместно с Г.М. Лаппо).

Изучение проблем регионального экономического развития в Польше // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 2. С. 133–136 (совместно с В.М. Гохманом).

Рец. на книгу: Стронгина М. Л. Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР. М., 1970 // Вопросы экономики. № 1. С. 146–147.

То же, на нем. яз.: Sowjetwissenschaft. № 6. S. 659–660 (Berlin).

Urbanization as a Determinant of the Spatial Structure of Economy // Abstract of Papers. European Regional Conference. Budapest. P. 16.

1972 г.

Ред.: Проблемы современной урбанизации / Предисловие И.П. Герасимова. М.: Статистика. 238 с.

Современная урбанизация: сущность, факторы и особенности изучения // Там же. С. 9–32.

Советская литература по урбанизации (1966–1970) // Там же. С. 222–229 (совместно с И.В. Канцеровской).

Урбанизация как объект географического исследования // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 54–62.

Рец.: Первый обобщающий труд по географии населения мира // Там же. С. 169–171.

Географическая проблематика в системе наук о народонаселении // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 6. С. 137–140.

Чехословацкая Социалистическая Республика // Современное состояние природной среды (биосферы) на территории Европы и пути ее сохранения и улучшения. Вильнюс. С. 97–104 (совместно с Н.Б. Иофан).

Földrajzi Ertesito. 1972. № 2–3. Р. 227–236. [Урбанизация и миграция населения в европейских социалистических странах, без СССР; на венг. яз.]

1973 г.

Урбанизация и миграция населения в социалистических странах Европы // Статистика миграции населения. М.: Статистика. С. 302–317.

Рец.: Первая работа по географии населения зарубежных стран // География в школе. № 2. С. 95–96.

Урбанизация как фактор формирования территориальной структуры хозяйства // Проблемы регулирования систем расселения. Пермь. С. 18–19.

Урбанизация и ее воздействие на состояние окружающей среды // Человек, общество и окружающая среда. М.: Мысль. С. 357–390 (совместно с В.М. Гохманом, Г.М. Лаппо).

Социально-демографические сдвиги в социалистических странах Европы // Рабочий класс и современный мир. № 4. С. 120–127.

Урбанизация в современном мире // География в школе № 4. С. 23–28.

Рец. на книгу: Минц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов. М., 1972. Первая географическая работа по экономической оценке естественных ресурсов // Там же. С. 87–88 (совместно с Т.И. Петряковой).

Урбанизация и проблемы расселения в условиях современного научно-технического прогресса // Природа и научно-технический прогресс. Кишинёв: Штиинца. С. 150–151.

Концентрация деятельности как фундаментальная черта современной урбанизации // Научная конференция «Концепция развития и размещения производительных сил Прибалтийских союзных республик». Резюме докладов. Секция № 3. Таллин. С. 115–117.

Процесс урбанизации и расселение // Взаимодействие природы и общества (философские, географические, экологические аспекты проблемы). М. С. 179–190.

Урбанизация и новые формы расселения // Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. Материалы Всесоюзной конференции. Киев. С. 183–186.

1974 г.

Современная урбанизация и тенденции развития форм расселения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 6. С. 17–26.

Ред.: Ресурсы, среда, расселение. Сборник памяти А.А. Минца. М.: Наука. 272 с. (совместно с И.В. Комаром, И.В. Канцеговской и др.).

Концентрация функций и тенденции урбанизированного расселения // Там же. С. 140–149.

Урбанизация // Народонаселение стран мира. Справочник. М.: Статистика. С. 415–439.

Ред.: Урбанизация мира // Вопросы географии. Сб. 96. 206 с. (совместно с Г.М. Лаппо, И.М. Маергойзом).

Современная урбанизация в социалистических странах Европы // Там же. С. 115–124 (совместно с И.М. Маергойзом).

Socio-Demographic Shifts in the Socialist Countries of Europe // Problems of the Contemporary Worlds. № 1 (26). Population Problems. Issue Two. Moscow, USSR Academy of Sciences.

Урбанизация и регулирование систем расселения // Вопросы экономики. № 10. С. 158–160 (совместно с М.Л. Стронгиной).

1975 г.

The Soviet Union // Essays on World Urbanization. London, G. Philip and Son Ltd. (совместно с Г.М. Лаппо).

Urbanization as a factor shaping economic structures // Urbanization in Europe. Budapest. P. 15–17.

Ред.: Урбанизация и расселение. М.: Статистика. 128 с.

Предисловие // Там же. С. 3–9.

Некоторые перспективы развития новых форм расселения // Всесоюзная научн. конференция «Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней». Тезисы выступлений. Вып. 4. М.: Институт экономики АН СССР. С. 487–490.

Трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы // География зарубежных стран. Т. 2. Природные и трудовые ресурсы социалистических стран зарубежной Европы. М.: ВИНТИ.

С. 139–168 (совместно с Т.А. Вайсом).

Современная урбанизация и перспективы расселения // Теоретические вопросы географии. Л.: Геогр. об-во СССР (Материалы VI съезда Геогр. об-ва СССР). С. 69–72.

Комитет территориального развития страны Польской Академии Наук // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 2. С. 144–146 (совместно с М.Л. Стронгиной).

Второй советско-польский семинар по проблемам урбанизации // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 124–130 (совместно с И.В. Канцеговской, М.Л. Стронгиной).

1976 г.

Современная урбанизация: Основные тенденции расселения // Предисловие Ю.В. Медведкова. М.: Статистика (Институт географии АН СССР; Национальный комитет советских географов). 191 с.

Modern Urbanization: Specific Features and Tendencies // Soviet Geographical Studies. Moscow.

То же. На фр. яз.

Ред.: Процессы и типы урбанизации. Симпозиум К-20. Тезисы докладов (XXIII Международ. геогр. конгресс). Л.: Геогр. об-во СССР. 80 с. (совместно с Б.Н. Семеvским, Н.Т. Агафоновым).

То же. На англ. яз. Leningrad.

То же. На фр. яз. Leningrad.

Урбанизация и некоторые тенденции расселения // Там же. С. 11–15.

То же. На англ. яз.

То же. На фр. яз.

Некоторые формы и пространственные структуры урбанизации в условиях НТР // Международная география '76. Секция 6. Общая экономическая география (XXIII МГК). М. С. 57–60 (совместно с И.В. Канцeбовской).

То же. На англ. яз. Moscow.

Die Wirkung der Urbanisierung auf dem Umweltzustand // Mensch, Gesellschaft und Umwelt. Berlin. S. 274–298 (mit W. Gochman und G. Lappo).

1977 г.

Форум географов мира // Общественные науки. № 1. С. 177–180 (совместно с Ю.В. Медведковым).

То же. На англ. яз. Moscow.

То же. На фр. яз. Moscou.

То же. На нем. яз. Moskau.

XXIII Международный географический конгресс // Мир науки. № 1.

1978 г.

Урбанизация // Народонаселение стран мира. Справочник. 2-е изд. М.: Статистика. С. 467–496.

Современная урбанизация: сущность, новые формы и некоторые тенденции пространственной эволюции // Проблемы оптимизации в экологии. М.: Наука. С. 239–253.

Ред.: Урбанизация и формирование систем расселения. М.: Моск. филиал Геогр. об-ва СССР. 124 с. (совместно с Г.М. Лаппо).

Пространственное развитие урбанизации и проблемы рациональной концентрации расселения // Там же. С. 12–19.

Рец. на энциклопедию Словакии: География СССР глазами друзей // Природа. № 11. С. 146–147 (совместно с И.П. Герасимовым).

Новые системы расселения как форма преобразования условий и образа жизни в сельской местности // Основные направления и цели преодоления социально-экономических различий между городом и деревней в долгосрочной перспективе. М.: Институт экономики АН СССР. С. 192–210 (совместно с М.Л. Стронгиной, Л.В. Никифоровым и др.).

Modern urbanization and some trends in settlement // Geographia Polonica. № 39. P. 17–25.

The Settlement System of the USSR // The National Settlement System. Warszawa (with G. Lappo).

1979 г.

Демогеографические особенности развития региональных систем расселения в СССР. Препринт доклада на IV советско-польском семинаре по проблемам урбанизации. М.; Киев. 19 с.

Пространственное развитие урбанизации в социалистических странах Европы // Вопросы географии. Сб. 112. С. 96–

109.

Урбанизация и проблемы рациональной организации в системах расселения // Территориальное развитие расселения (IV Междувед. совещание по географии населения). Л.; Тбилиси. С. 68–69.

Конференция по экологическим проблемам нового этапа осуществления ленинского кооперативного плана // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 6. С. 159–162 (совместно с М.Л. Стронгиной).

XIV съезд географов Чехословакии и дальнейшее развитие географических исследований // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 140–145 (совместно с Ф.Ф. Давитая, М.М. Паламарчуком).

Международный семинар демографов социалистических стран // Вопросы экономики. № 5. С. 155.

Социальные и демографические процессы // Общественные науки. № 4. С. 184–186.

Specific Features of Spatial Development of Modern Urbanization // Acta Universitatis Carolinae. Geographica. XIX. № 2. P. 3–17.

1980 г.

Contemporary Investigation of National Settlement Systems // International Cooperation of Geographers. Moscow. Social Sciences today (with G.M. Lappo).

То же. На фр. яз. Moscou.

Ред.: Ягельский Анджей. География населения / Сокр. пер. с польского В.Ф. Худолея. Под ред. и с послесл. Ю.Л. Пивоварова. М.: Прогресс. 383 с.

Послесловие // Там же. С. 368–380.

Обсуждение демографических проблем народонаселения социалистических стран // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 151–154.

Ред.: Структурно-географическое изучение населения СССР. М.: Моск. филиал Геогр. об-ва СССР. 129 с. (совместно с О.А. Кибальчицем).

1981 г.

Демографические особенности расселения и демогеографическое районирование СССР // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 71–85.

То же. На англ. яз.: Soviet Geography, 1983. XXIV. № 1. Р. 1–17.

Проблемы повышения эффективности использования трудовых ресурсов региона // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 156–158 (совместно с Б.И. Трегубенко).

Рец. на книгу: Ягельский А. География населения // Общественные науки. № 4.

1982 г.

Урбанизация в современном мире: Особенности пространственного развития. М.: Знание. 48 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Науки о Земле». № 3).

География населения и изучение систем расселения // География СССР. Т. 16. М.: ВИНТИ АН СССР (Итоги науки и техники). С. 32–58.

Демографическая политика в СССР и ее региональные особенности // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 1. С. 131–134 (совместно с Е.М. Андреевым).

Демогеографическое районирование как элемент региональной демографической политики // Проблемы демографической политики в социалистическом обществе. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Вып. 2. Киев. С. 130–132.

1983 г.

Урбанизация // Народонаселение стран мира. Справоч-

ник. 3-е изд. М.: Финансы и статистика. С. 421–445.

Влияние демографической ситуации на эволюцию расселения в СССР // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 6. С. 68–76 (совместно с А.Г. Вишневым, Ж.А. Зайончковской).

Рост городского населения мира во второй половине XX в. // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 2. С. 117–123 (совместно с Т.Л. Бородиной).

Рец.: Атлас Словацкой Социалистической Республики // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 99–105 (совместно с В.С. Преображенским, Л.Н. Ильиной, Г.А. Правоторовой).

Обсуждение актуальных проблем регионального расселения // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 4. С. 122–124 (совместно с М.Л. Стронгиной, В.А. Шупером).

The Influence of the Activities of Council of Mutual Economic Assistance on the Formation of National Settlement Systems in the Socialist Countries of Europe // Wissenschaftliche Mitteilungen. Leipzig, 1983. № 10 (mit G. Lappo).

1984 г.

Settlement in the USSR // Urbanization and Settlement Systems: International Perspectives. Oxford University Press. P. 335–355 (with G. Lappo).

Формирование урбанизированных районов и зон в европейской части СССР // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 5. С. 52–61.

Ред.: Региональное расселение в СССР (Сборник научн. докладов совещания «Методология и методика исследования проблем регионального расселения»). М.: Институт географии АН СССР. 224 с. (совместно с Г.М. Лаппо, В.А. Шупером).

Влияние демографической ситуации на региональные особенности расселения // Там же. С. 15–28 (совместно с А.Г. Вишневским, Ж.А. Зайончковской).

Рец.: Атлас Германской Демократической Республики // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 115–119 (совместно с Л. Н. Ильиной, Г.А. Правоторовой).

Географические итоги миграции и концентрации расселения в СССР // *Migrace a osídlení v socialistických zemích*. Praha. S. 43–52.

Роль городов в концентрации расселения в европейской части СССР // География населения – 84 (Тезисы докладов V Всесоюзного совещания по географии населения, Самарканд). Л. С. 101–102.

1985 г.

Роль урбанизации в формировании регионального расселения // Достижения и перспективы. Вып. 52. Региональное развитие и управление. № 5. С. 52–57.

Территориальная дифференциация процесса урбанизации в СССР // Сб. в честь 90-летия проф. Яромира Корчака. Брно. С. 91–104.

Пятый советско-польский семинар по проблемам урбанизации // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 141–143 (совместно с Г.А. Гольцем, Г.М. Лаппо, Н.В. Петровым).

Советско-польский семинар по урбанизации // Вопросы экономики. № 6. С. 158 (совместно с М.Л. Стронгиной).

1986 г.

Изменения в макроструктуре расселения европейской части СССР и экология человека // Проблемы экологии человека. М.: Наука. С. 83–89.

Региональные особенности расселения в СССР (концептуальная основа и некоторые результаты исследований) // Динамика территориальных систем производства и насе-

ления в странах разных типов. М.: Институт географии АН СССР. С. 25–36 (совместно с Г.М. Лаппо).

Региональные особенности расселения в условиях интенсификации (некоторые концептуальные подходы) // Проблемы развития систем расселения в условиях интенсивного производства (Тезисы докладов Республиканской научно-технической конференции. Секция 4). Вильнюс. С. 9–11.

Особенности взаимодействия демографических факторов расселения в Средней Азии (на фоне других макрорегионов СССР) // Актуальные проблемы развития народонаселения в высокотрудообеспеченных регионах (Тезисы докладов и выступлений). Самарканд.

1987 г.

Пространственная эволюция урбанизации в социалистических странах Европы. Дисс. на соискание ученой степени докт. геогр. наук. М.: Институт географии АН СССР (рукопись 302 с. машинописи).

Пространственная эволюция урбанизации в социалистических странах Европы: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.: Институт географии АН СССР. 52 с.

Ред.: *Маергойз И.М.* Географическое учение о городах. М.: Наука. 118 с. (совместно с П.М. Поляном, С.Е. Ханиным).

От составителей // Там же. С. 3–4 (совместно с П.М. Поляном, С.Е. Ханиным).

Минц А.А. (1929–1973) // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение. С. 314–319.

Региональные особенности взаимосвязей урбанизации и воспроизводства населения в СССР // Демографические аспекты ускорения социально-экономического развития. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Ч. 4. Киев. С. 29–30.

Шестой советско-польский семинар по проблемам урбанизации // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 115–117 (совместно с Г.М. Лаппо).

1988 г.

Урбанизированное расселение в СССР: понятие, тенденции, концепция // Известия АН СССР. Сер. Географическая. № 3. С. 72–81.

Ред.: География населения СССР в условиях НТР: основные факторы и изменения расселения. М.: Наука. 167 с. (совместно с Г.М. Лаппо).

Введение // Там же. С. 3–6 (совместно с Г.М. Лаппо).

Роль урбанизации в формировании макрорегиональных особенностей расселения // Там же. С. 17–23.

1989 г.

Ред.: Мировая урбанизация: географические проблемы. М.: Моск. филиал Геогр. об-ва СССР. 116 с. (совместно с О.В. Грицай).

Пространственная эволюция урбанизации: предмет, закономерности, концепция // Там же. С. 3–13.

Послесловие // Там же. С. 114–115.

Урбанизированное расселение в социалистических странах зарубежной Европы // Эволюция расселения в СССР. Ч. 2. М.: Институт географии АН СССР. С. 182–195.

Воздействие изменений в макроструктуре расселения европейской части СССР на экологию человека // Экология – народонаселение – расселение: теория и политика. Тезисы докладов VI Всесоюзного совещания по географии населения (Грозный, 1989). Л.: Геогр. об-во СССР. С. 67–68.

1990 г.

Региональные особенности взаимосвязей урбанизации и воспроизводства населения в СССР // Современные географические проблемы Украинской ССР. Киев. С. 186–188 (на укр. яз.).

1991 г.

Ред.: Пространственное развитие урбанизации: общие закономерности и региональные особенности. М.: Институт географии АН СССР. 208 с.

Пространственная эволюция урбанизации: некоторые рубежи развития // Там же. С. 5–25.

Слово об Учителе (к 100-летию со дня рождения Ивана Александровича Витвера) // Там же. С. 200–206 (совместно с В.А. Пуляркиным).

1992 г.

Урбанизация в СССР: макрорегиональные различия, стадияльно-региональный подход, контрастность расселения // Известия РАН. Сер. Географическая. № 1. С. 52–63.

Общественно-географические проблемы России после распада СССР // Acta Universitatis Carolinae. Geographica. № 2. S. 37–45.

Стадиальный подход к исследованию эволюции урбанизации (система город – сельская местность) // Социально-пространственные структуры в стадиальной характеристике культурно-исторического процесса. Тезисы конференции. М.: Институт археологии РАН. С. 55–57.

Международная конференция по изучению человеческих ресурсов в Европе // Известия РАН. Сер. Географическая. № 6. С. 117–118 (совместно с О.В. Староверовым).

1993 г.

Эволюция урбанизированного расселения в социалистических странах Восточной Европы // Известия РАН. Сер. Географическая. № 1. С. 61–70.

Географические основы учения об урбанизации // Сучастни проблеми географії населення України (тезиси докладів совещання по географії населення). Луцк. С. 57–58.

1994 г.

Современная урбанизация. Курс лекций. М.: РОУ. 132 с. (Институт географии РАН; Российский открытый университет).

Географические основы учения об урбанизации: основные положения, поиски, проблемы // Известия РАН. Сер. Географическая. № 2. С. 62–73.

Социальная и экономическая география в Карловом университете // Известия РАН. Сер. Географическая. № 6. С. 130–131 (совместно с Зд. Чермак).

Рец. на книгу: Даниэла Шиманьска. Новые города в системах расселения (экономико-географическое исследование на примере стран разного типа). М., 1992. 242 с. *Czasopismo geograficzne*. № 2. S. 216–217 (на польском яз.).

Geographical Bases of Urbanization Theory // Regional Conference of the IGU. Conference Abstract. Praha. P. 118.

1995 г.

Географическое учение об урбанизации: проблемы и поиски решений // Свободная мысль. № 4. С. 111–121.

Сжатие пространства // Знание – сила. № 11. С. 2–4.

Урбанизация в России: пространственные изменения во второй половине XX века // Труды Торуньского ун-та им. Н. Коперника (на польском яз.).

Альтернатива макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Географические основы типологии регионов. М.: Институт географии РАН. 1995. С. 17–26.

Творчество ученого и современные проблемы экономической географии // Известия РАН. Сер. Географическая. № 6.

Конференция Международного Географического Союза по Центральной Европе // Известия РАН. Сер. Географическая. № 2. С. 122–126 (совместно с А.А. Анненковым, В.А. Колосовым, А.М. Трофимовым).

1996 г.

Глобальная урбанизация и Россия на пороге XXI века: антропокультурный подход // Известия РАН. Сер. Географическая. № 4. С. 64–76.

Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // Общественные науки и современность. № 3. С. 12–22.

Мировая урбанизация и Россия // Свободная мысль. № 6. С. 63–74.

Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // Мир России. № 2. С. 63–74.

Урбанизация в России как феномен цивилизации: новая парадигма // Российские регионы в новых экономических условиях. М.: Институт географии РАН. С. 65–68.

География социально-экономических изменений в странах Центральной и Восточной Европы после 1989 года // Известия РАН. Сер. Географическая. № 3. С. 116–118 (совместно с Веславом Маиком).

1997 г.

Мировая урбанизация и Россия на пороге XXI века // География. Приложение к газете «Первое сентября». № 3.

То же (продолжение) // Там же. № 6.

То же (окончание) // Там же. № 8.

Сжатие «экономической ойкумены» России // Свободная мысль. № 3. С. 68–77.

Сжатие интенсивно используемого пространства // География. Приложение к газете «Первое сентября». № 24.

Урбанистический ковер Земли // География в школе. № 6. С. 3–8.

Запад-Восток: новые горизонты // Миграция. № 3. С. 31–35.

Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России // Известия РАН. Сер. Географическая. № 5. С. 114–124.

Рец. на книгу: Полян П. М. Жертвы двух диктатур. М., 1996. 442 с. // Вестник РАН. № 10. С. 942–945.

Рец. на книгу: Максаковский В. П. Географическая картина мира. В 3 ч. Ярославль, 1995; 1996 // Известия РГО. № 4. С. 81–82.

1998 г.

Рец. на книгу: Полян П. М. Жертвы двух диктатур. М., 1996. 442 с. // Свободная мысль. № 1. С. 127–128.

Сжатие экономической ойкумены и проблемы Запад-Восток в России // Территориальная справедливость, региональные конфликты и региональная безопасность. Ч. 1. Смоленск. С. 26–27.

1999 г.

Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. 232 с.

Урбанизация в России на пороге XXI века: антропокультурная парадигма // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука. С. 241–248.

Рец.: Интересная книга памяти классика отечественной географии. – Экономическая и социальная география на пороге XXI века. Смоленск, 1997. 220 с. Сборник посвящен памяти Ю.Г. Саушкина // География в школе. № 3. С. 95–96.

2000 г.

Урбанизация в современном мире // География в школе. № 5. С. 3–19.

Рец. на книгу: *Витвер И.А.* Избранные сочинения / Под ред. В.В. Вольского и А.Е. Слуки. М.: Изд-во МГУ, 1998. 592 с. // Вестник РАН. № 5. С. 470–471.

Рец.: Классическое наследие и современность. *Витвер И.А.* Избранные сочинения / Под ред. В.В. Вольского и А.Е. Слуки. М.: Изд-во МГУ, 1998. 592 с. // География в школе. № 2. С. 95–96.

Перспективы формирования Москвы как мирового города // Междунар. конференция «Кризис в России и судьбы мировой цивилизации». М. С. 19–20.

2001 г.

Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. № 6. С. 101–113.

Сжатие «экономической ойкумены» России: контуры концепции // Вторые сократические чтения по географии (Плёт, май 2001 г.). Сб. докладов. М.: Изд-во УРАО. С. 102–115.

Городские системы: исходные понятия, эволюция, перспективы // География в школе. № 4. С. 3–12.

То же (окончание). № 6. С. 11–27.

Рец.: Миграция как форма принуждения. *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с. // Природа. № 10. С. 86–88.

Рец.: Прорыв в общественной науке? (Размышления над трудами А.С. Ахиезера) // Философские науки. № 3. С. 147–155 (совместно с И.В. Кондаковым, Е.Н. Ярковой).

Рец.: Субъективный компонент в осуществлении и понимании динамики российского общества и российская история в воспроизводстве субъекта культуры (Размышление над книгой А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта») // Мир психологии. № 4. С. 271–276 (совместно с И.В. Кондаковым, Е.Н. Ярковой).

2002 г.

Сжатие «экономической ойкумены» России // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 63–69.

Урбанизация России в XX веке // География в школе. № 7.

2005 г.

Один из основоположников советской экономической географии: Иван Александрович Витвер (1891–1966) // DAMU – Hefte, 1/2005. S. 41–45 (Berlin).

2006 г.

Предисловие к кн.: *Ахиезер А.С.* Труды. М.: Новый хронограф. С. 10–20 (совместно с И.В. Кондаковым, Е.Н. Ярковой).

2007 г.

Россия и мировая урбанизация: Антропокультурная и пространственная динамика. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН. 336 с.

2010 г.

Урбанизация России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития: сб. науч. тр. Вып. 2. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 228– 239.

2012 г.

Вспоминая Исаака Моисеевича // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза / Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф. С. 191–202.

2013 г.

В дебрях реального социализма: воспоминания и размышления географа. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»).

*Приложение 3***МОНУМЕНТ УЧИТЕЛЮ**

Ученики, коллеги и последователи И.М. Маергойза (далее – И.М.) подготовили большой сборник, вернее том его памяти, в котором более 60 авторов¹. Чтобы объединить усилия такого коллектива, да к тому же рассеянного по земному шару (от Москвы до Владивостока и от Вашингтона до Берлина), наиболее преданные ученики И.М. – П.М. Полян, А.И. Трейвиш проделали огромную и плодотворную работу. Ее результатом и явился мемориальный том, не имеющий аналогов в нашей географической литературе.

Отметим три важнейшие особенности этого капитального издания.

Во-первых, коллектив авторов изваял большой монумент своему Учителю, тщательно и заботливо отделанный, с множеством доселе не известных деталей его биографии и творчества.

Во-вторых, многие ученики И.М., которые и раньше отдавали должное своему учителю, почувствовали себя, как никогда, причастными, пусть в разной мере, к «школе И.М. Маергойза». Ведь она, наряду с «районной школой» Н.Н. Баранского и школой И.А. Витвера по изучению зарубежного мира, характеризует наибольшие достижения советской экономической географии, ее особенности, искания и результаты.

И, в-третьих, том отчетливо показывает на примере экономической географии связь времен. Они связаны «тяжелой

¹Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. Сост. П.М. Полян, А.И. Трейвиш. М.: Новый хронограф, 2012. 896 с.

цепью», которую во все времена несут на своих плечах неброские гиганты науки.

Том открывает содержательная обстоятельная (с. 12–56) статья о жизни и творчестве И.М., написанная его составителями. С привлечением архивных материалов П.М. Полян и А.И. Трейвиш рассказывают о многих малоизвестных деталях жизни своего учителя, анализируют этапы и линии его творчества, вклад в теорию экономической географии и методику ее преподавания в университете.

В первой части (с. 57–266) выделим два очерка П.М. Ильина. Ему посчастливилось случайно познакомиться с племянником И.М. – Исааком Давыдовичем Маергойзом, доктором физико-математических наук (ныне профессором Мерилендского университета под Вашингтоном). Из пространного интервью с ним П.М. Ильин приводит много неизвестных ранее интересных деталей из жизни этой замечательной семьи Маергойзов. Привлекает внимание и другой хорошо документированный очерк «Там, где родился И.М. Маергойз».

Много интересного читатель найдет в разделе «Вспоминая Исаака Моисеевича» (с. 120–252). Здесь помещены 28 статей его учеников и коллег. Они различны и по содержанию, и по объему, и по темпераменту. Мне представляется, что лучшая из них – самая короткая (всего 20 строк) принадлежит нашему наиболее крупному агрогеографу профессору А.Н. Ракитникову: Как тяжело было потерять его тогда, когда мы столь многого от него ожидали. Интересны все без исключения воспоминания, особенно те из них, которые, помимо понятных эмоций, содержат интересные эпизоды из жизни и творчества И.М. (С.С. Артоболевского, А.Е. Пробста, Ю.Г. Симонова, Т.Е. Ткаченко и др.).

Вторая часть тома (с. 267–885) посвящена разработке основополагающей идеи И.М. о полимасштабном изучении территории. Помню, что на лекциях еще в середине прошлого века И.М. говорил об «игре масштабами» как прерогативе

географии. И только теперь, спустя более 60 лет, эта идея весьма детально развивается на современном уровне¹. Многие статьи этой части тома (а всего в ней их ровно 30) вносят прямой и несомненный вклад в развитие заложенных И.М. идей и теорий, отвечая на вызовы XXI века (В.Г. Бакланов, В.А. Колосов, П.М. Полян, А.И. Трейвиш, А.Б. Савченко, А.С. Фетисов и др.). Они убедительно показывают, на каких направлениях и в какой степени творчество И.М. и сегодня, спустя более 40 лет после его кончины, сохранило свою актуальность и свой вдохновляющий потенциал. Только один пример – статья Ж.А. Зайончковской «Россия: масштабная эмиграция неизбежна» (с. 659–687). Она поднимает давний и трудный для России вопрос. Еще в 1907 г. председатель правительства П.А. Столыпин провозгласил: «Россия для русских!» И хотя эти времена давно прошли, и ныне этот лозунг приобрел провокационный характер, русский национализм все еще велик. Соорудить надэтническую национальную идентичность СССР, в отличие от США, не удалось, поэтому «чужаки» всех мастей вызывают по-прежнему неприязнь и страх.

Согласиться на «интервенцию» очень не просто для русского менталитета (опыт Запада и другие аргументы воспринимаются плохо). Тем важнее выводы Ж.А. Зайончковской, сделанные путем анализа большого материала: в перспективе до 2025 г. для наполнения рынка труда во всех районах России необходима масштабная иммиграция, а проблема иммиграции для сегодняшней России – это одновременно и судьба ее территории, ее границ и ее целостности. В этой статье, как и во многих других, различные сюжеты затрагивают проблемы формирования территории стран и районов, само понятие территориальности, которым И.М. всегда уделял большое внимание.

¹ *Трейвиш А.И.* Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

Наряду с живыми классиками и «аксакалами», в мемориальном томе принимают участие более молодые географы, ученики учеников И.М., например, ученики П.М. Поляна во главе с проректором Ставропольского госуниверситета В.С. Белозёровым.

Очень интересны фотографии, позволяющие увидеть редкие снимки молодого Исаака Моисеевича, его учеников и коллег, Рахили Марковны. Нельзя не отметить высокую культуру издания мемориального тома (издатель Леонид Янович).

Несколько слов о пожеланиях и недочетах. Нехватает статьи о главной книге И.М. о Чехословакии. И не с изложением ее содержания, а с краткой характеристикой идей и новых понятий, подходов к изучению стран и районов, предложенных И.М. Ведь, по существу, эта книга не только замечательный образец страноведения, но и кладезь новых идей и разработок по теории и методике экономической географии. Вот, например, введенное И.М. понятие «расселение промышленности» (размещение по населенным пунктам различной величины), которое в Чехословакии, как и в других странах, влияет на производительность труда и конкурентноспособность отдельных отраслей (об этом немного есть в воспоминаниях Т.Е. Ткаченко (с. 234). Или рассмотрение внешней торговли по районам страны-экспортера (какие районы и что дают на экспорт). Разве молодое поколение географов сможет найти все это в страноведческой монографии о Чехословакии, если ветераны не помогут в их поиске? Очень нехватает в томе полной библиографии трудов Исаака Моисеевича. Им написано по современным меркам сравнительно немного. Но даже небольшие по объему работы сохраняют актуальность. И опять-таки они нужны прежде всего для нового поколения географов-профессионалов. Надо бы и здесь облегчить их поиск.

Несколько совсем мелких замечаний. Почему-то упомя-

нутые высказывания проф. А.Н. Ракитникова (с. 212) помечены 2009 годом (он умер в 1994 г.). Очевидно, можно было бы указать название изданий, где в свое время были опубликованы статьи, как и некоторые публикации (в связи с кончиной И.М.) авторами, которых уже давно нет с нами. Фамилия одной из учениц И.М. – Дриц (а не Дриз, с. 29). На одном из фото, где слева молодой И.М., а справа еще более молодой А.Е. Слука, в центре находится (но не подписан) Борис Львович Левин (один из студентов И.М.). В большом томе всегда можно найти и другие мелкие недостатки, но дело не в них.

Подводя итоги, следует высоко оценить том, посвященный благодарными учениками своему Учителю. В нем показывается, при изучении каких проблем научное наследие выдающегося советского экономико-географа сохранило свою актуальность и в наши дни. Том также свидетельствует о плодотворной педагогической деятельности И.М. Маергойза, воспитавшего многочисленных географов-профессионалов, которые успешно развивают его идеи и теории. Вот почему рассматриваемое издание еще раз убедительно подтверждает непреходящее значение «школы Маергойза» и является, наряду с «районной школой» Баранского и школой Витвера по изучению зарубежного мира, высшим достижением советской экономической географии.

Ю.Л. Пивоваров

P.S. Поскольку эта рецензия в свое время не была отправлена ни в одну редакцию, автор счел возможным повторить ее во 2-м издании своей книги.

ГРИШКА – РЕЙХСТАГ

В годы реального социализма ложь была всеобщей, она охватывала и освещение многих важных исторических фактов страны Советов. Еще об одном из них считаю нужным напомнить читателю, ибо эта история весьма характерна для реального социализма, когда исторические факты искажались в угоду «отцу народов» и его окружения.

Получив похоронку на отца, Григорий Булатов, 17-летний паренек одного из поселков Псковской области, решил мстить. Он отважно сражался с врагом в разных частях 1-ого Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, 1896-1974), а за переправу через реку Одер получил орден Боевого Красного Знамени.

На рассвете 30 апреля 1945 года командир 674-го стрелкового полка подполковник А.Д. Плеходанов перед строем солдат первого эшелона (практически солдат-«смертников») обещал: «Если кто уцелеет и поднимет над крышей Рейхстага Красное Знамя Победы, то получит Золотую Звезду Героя Советского Союза».

Это удалось сделать в 14 часов 35 минут 19-летнему рядовому 674-го стрелкового полка Григорию Булатову. Командиры полка и дивизии подписали представление на Булатова к званию Героя Советского Союза, а командир корпуса генерал С.Н. Переверткин – нет. Почему? Да потому, что историю стали переписывать «набело» и создавать легенду практически сразу. «Комиссары в пыльных шлемах» из политотдела для почетной миссии «назначили» природного русака и типичного грузина (Михаила Егорова и Мелитона Кантарию). Такое должно понравиться «полководцу всех

времен и народов». И не важно, что на самом деле они позорно сбежали с поля боя¹.

В середине мая Булатов, получивший среди однополчан прозвище «Гришка-Рейхстаг», оказался в 1945 г. в числе приглашенных на прием к Сталину. Их разговор был кратким и без свидетелей: «Товарищ Булатов! Вы совершили героический поступок и поэтому достойны звания Героя Советского Союза и «Золотой Звезды». Но на сегодняшний день обстоятельства требуют, чтобы на Вашем месте были другие люди. Вы должны забыть, что Вы совершили подвиг. Пройдет время, и Вас дважды наградят «Золотой Звездой»².

Потом жизнь у Гришки-Рейхстага как-то не сложилась, обида не прошла. Вместо обещанных Сталиным двух «Золотых Звезд» он получил два срока (думаю, без соответствующих оснований) в замечательной советской тюрьме, правда, первый раз ему помог сам маршал Жуков.

Григорий Булатов и другие живые тогда участники штурма Рейхстага (С. Сорокин, В. Правоторов, И. Лысенко, М. Минин) писали об этом искажении фактов письма разным адресатам (Сталину, в Политбюро, в газеты «Правда» и «Известия» и т.д.), но единоборство с Системой проиграли. А Егоров и Кантария, которые никакого отношения к воодружению Знамени Победы не имеют, более того, повторюсь, – позорно сбежали с поля боя, – и стали героями. Но Гришка-Рейхстаг не смог позабыть своего подвига и то, как его просто надули.

Конец этой истории трагичен. В 1973 г. реальный герой штурма Рейхстага повесился, тогда как «назначенцы» хватили «славы и почета» «полной ложкой».

И эта печальная история – тоже реальный социализм.

¹ Подробности этой «аферы века» (так назвал свою статью полковник Плеходанов, которая, естественно, не была напечатана). См. подробнее: *Бешанов В.В. Горькая правда о ПОБЕДЕ*. М.: Яуза-пресс, 2013. С. 507–521.

²См. подробнее: Новая газета. № 61. 15 июля 2015. С. 21–22; № 70. 6 июля 2015. С. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Предисловие	9
I. Довоенное детство	16
II. Война	28
III. Военная и послевоенная Москва	38
IV. На географическом факультете МГУ	47
1. Студенческие годы	47
2. Деканат и тени на факультете	60
3. Наши учителя	64
4. И.А. Витвер	69
5. И.М. Маергойз	76
6. Б.Ц. Урланис	92
Post scriptum.	100
V. НРКЧ	105
1. Первые впечатления, или в чужом пиру похмелье	105
2. В заочной аспирантуре Института географии АН СССР ...	114
VI. Окончание аспирантуры	119
VII. Институт географии	124
1. Поколение отцов-основателей (первая послевоенная волна)	124
2. В отделе географии стран народной демократии	151
3. Отдел экономической географии СССР	158
4. А.А. Минц	165
5. В эпоху после А.А. Минца	171
6. В МИДе и зарубежных поездках	176
VIII. Дорогами геоурбанистики	187
1. Начало пути	187
2. «Второе дыхание»	203

3. Бег времени и связь времен	213
4. Некоторые размышления (вместо итогов)	217
IX. Последние из могикан	225
1. А.А. Минц	227
2. В.А. Пуляркин	228
3. Ю.Г. Липец	234
4. А.С. Ахиезер	241
5. А.Г. Волков	248
X. Михалёво (Научная элита) и Плёс	255
XI. Наши встречи	264
XII. Перед заходом солнца: на географическом факультете Московского городского педагогического университета (МГПУ)	269
1. Преподавательская деятельность (до МГПУ)	269
2. Географический факультет МГПУ	274
XIII. Когда погребают эпоху... ..	280
XIV. Помни это, помни это... ..	292
XV. Эмиграция и Германия	308
1. Немного «философии» эмиграции	308
2. Отъезд	314
3. Страна и люди	317
4. Адаптация и интеграция	322
Вместо послесловия.....	334
Приложение 1. Список поступивших 1 сентября 1946 года на географический факультет МГУ	342
Приложение 2. Библиография опубликованных работ Ю.Л. Пивоварова	346
Приложение 3. Монумент учителю	370
Приложение 4. Гришка – Рейхстаг	375

Научно-публицистическое издание

Пивоваров Юрий Львович

**В дебрях реального социализма:
Воспоминания и размышления экономгеографа**

2-е изд., перераб. и доп.

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

www.pero-print.ru e-mail: info@pero-print.ru

Подписано в печать 14.05.2021. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23,75. Тираж 500 экз. Заказ 402.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»